
уральский

следопыт

№9**** 1981

«В Свердловске проходил праздник фантастики»,— писала «Правда» в предмайские дни. Наши постоянные читатели хорошо знают, чем был вызван этот праздник: в четвертом номере мы уже сообщили о премии «Аэлита», учре-

жденной Союзом писателей РСФСР и нашим журналом за лучшие произведения советской фантастики.

В нынешнем году лауреатами премии стали Александр КАЗАНЦЕВ и братья Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ.

Первыми книгами Александра Казанцева зачитывались в юности еще отцы и деды сегодняшних читателей «Уральского следопыта». Вспомним: «Пылающий остров», «Арктический мост», «Мол «Северный», добрый десяток других романов и повестей... В сентябре Александру Петровичу исполняется 75 лет. Приятно, что старейшина советской фантастики встречает свой юбилей в расцвете творческих сил; приятно, что перо его по-прежнему неутомимо и по-боевому молодо!

Нет нужды представлять нашим читателям и книги Аркадия и Бориса Стругацких. У всех нас в памяти и «Страна багровых туч», и «Полдень, XXII век», и «Трудно быть богом», и другие их произведения... В 1979—1980 гг. Стругацкие опубликовали на страницах журнала «Знание — сила» свою новую повесть «Жук в муравейнике». Как и прежние их книги, повесть тотчас вызвала живейший интерес у читателей...

В последнюю субботу апреля в Свердловске состоялось чествование первых лауреатов «Аэлиты». Зал Дома культуры «Автомобилист», где проходило торжество, оказался мал и, к сожалению, не мог вместить всех желающих: посмотреть на живых классиков фантастики приехали даже наши соседи — пятнадцать любителей НФ из Перми. Председатель российского совета по приключенческой и научно-фантастической литературе С. Абрамов и главный редактор «Уральского следопыта» С. Мешавкин под горячие аплодисменты вручили Александру Казанцеву и Аркадию Стругацкому почетные призы, выполненные из камня и металла уральскими мастерами.

...Начало традиции положено. Теперь каждый год в апреле мы будем принимать дорогих гостей — новых лауреатов «Аэлиты»...

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Станцев БАЛЛАДА БЕЗ ПРИКРАС	2
Д. Лившиц ПОГОВОРИ СО МНОЮ, ПАПА, ИЛИ СОЧИНЕНИЯ НА ОДНУ СВОБОДНУЮ ТЕМУ	5
О ДОЛГЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ	12
А. Пашук У КАРСКОГО МОРЯ	17
А. Воробьев УЧАСТНИК ЛЕГЕНДАРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ	19
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	20
М. Черненко ШЕЛЕСТИТ ТОПОЛЕВАЯ РОЩА. Повесть. Оконча- ние	22
А. Илларионов ВСЕГО ЛИШЬ — ПЛЫТЬ ПО ТЕЧЕНИЮ	47
М. Люгарин БАРАК, В КОТОРОМ ЖИЛИ МУЗЫ	52
А. Брылин ИВАН ВОРОБЬЕВ ИЗ ИРБИТА	53
Л. Богоявленский СТАРЫЕ ЛЮДИ ГОВОРЯТ... Окончание	54
В. Аринин СВЯЗАНО С ИМЕНЕМ ПУШКИНА	64
Д. Биленкин «ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ПРОВОЛОКИ...» Рассказ	66
С. Другаль ПОВЕРХНОСТЬ МЕБИУСА. Рассказ	71
А. Матвеев ТАИНСТВЕННЫЙ ГАТОУМБАЙ	77
Ю. Липатников МУЗЕЙ МУЗЕЕВ	78
МИР НА ЛАДОНИ	79

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны: 51-09-71, 51-22-40

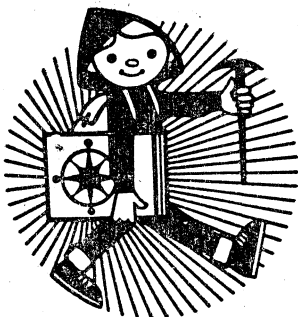
Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 25.05.81.
НС 27027.
Подписано к печати 09.07.81.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,8
Тираж 254 000.
Заказ 506.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунк С. СУХОВА

© «Уральский следопыт», 1981 г.

№9 * 1981

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ИВАНУ АНЕНКОВУ,
однополчанину

БАЛЛАДА БЕЗ ПРИКРАС

Венедикт
СТАНЦЕВ

Рисунки
А. Банных

Гвардия — цвет наших Вооруженных Сил. Родилась она в самый трудный для Родины год — огневой 1941-й. Уже тогда говорили: где гвардия держит оборону — врагу не пройти, где гвардия наступает — враг бежит. Приказом наркома обороны № 308 от 18 сентября 1941 года первые четыре дивизии, показавшие чудеса храбрости и стойкости, были поименованы гвардейскими. За время Великой Отечественной войны звания гвардейских были удостоены стрелковые, авиационные, воздушно-десантные, кавалерийские дивизии, танковые и механизированные бригады, корпуса и армии, части и соединения Военно-Морского Флота, отдельные корабли. Все гвардейцы доблестно действовали на направлениях главного удара.

Среди первых четырех гвардейских дивизий была и уральская легендарная 153-я, ставшая 3-й гвардейской. Она формировалась в Свердловске и вступила в бой на пятнадцатый день войны под Витебском, била фашистов под Смоленском.

Почти четыре года сражалась дивизия. Прошла с боями более двух с половиной тысяч километров. За мужество и отвагу дивизия была награждена орденами Красного Знамени и Суворова. В рядах дивизии выросло пятнадцать Героев Советского Союза. Четверо гвардейцев стали полными кавалерами ордена Славы.

Редакция предлагает читателям новую балладу Венедикта Станцева, которую он посвятил своему однополчанину по 3-й гвардейской стрелковой дивизии.

1.

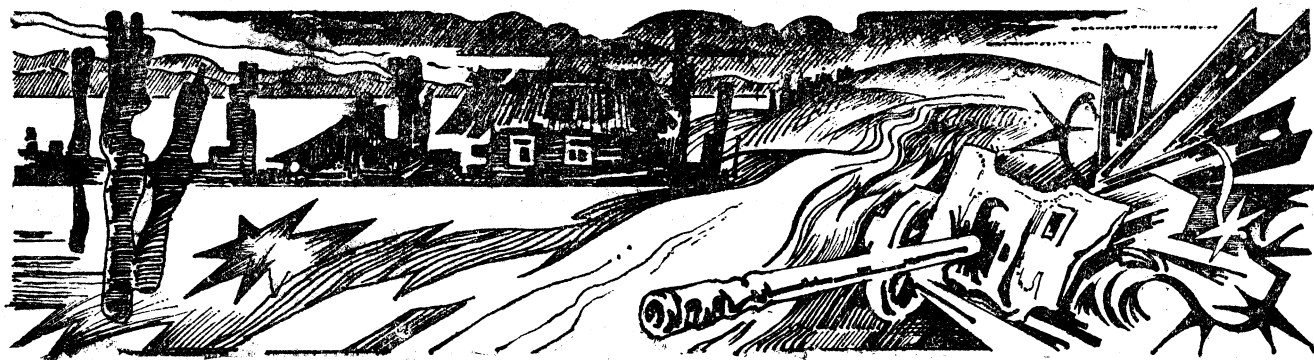
Он знал село,
его в селе не знали.
«Что его принесло?» —
Бабы гадали.
Красив, как бог,
солдат кудрявый,
только не было ног —
ни левой,
ни правой...
А изб в селе
выжило мало:
все почти
бомбами раскидало.
Жили в дотах,
в сырых блиндажах —
в излучине Дона,
на бывших лугах.
А бабке Настасье
вот так повезло:
дом бабки Настасьи
не разнесло.

Вышла Настасья
на шаткий порог,
шумнула Настасья
солдата без ног.
В подол прослезилась:
«Ой, лихо тебе,
входи, сделай милость, —
просторно в избе».
Бабка с печалью:
«Откуда, куда?» —
«Корабль мой причалил
сюда навсегда,
теперь тихий Дон —
навек мой дом,
а почему, —
ни сейчас, ни потом...»

2.

Предшествует этому
грустный рассказ...
Взяли село

лишь на третий раз,
дошли, добежали
до самого Дона,
да вот беда —
не стало патронов.
А немцы бьют,
а немцы прут
и без труда село берут.
Откатились наши,
да не все:
остались мертвые,
пристывшие к земле...
Кровоточил степной закат,
прошитый пулей,
как солдат.
Январский свирепел мороз:
упал от раны —
все — замерз.
А ему пуля
грудь прошила,
и кровь за пазуху сыла.

3.

Над мертвыми
враги закоршунели,
срывали с них
и шапки, и шинели,
и валенки,
и ватники,
и теплое белье...
Вот и к нему
слетелось коршунье.
Он встал,
упал,
и снова встал,
и хрипло Гитлера послал
ко всем чертям,
ко всем богам,
и отрубил:
«Снимать не дам —
Я сам!..»

4.

Катилась поземка
по голым стопам.

Вот она — смерть —
у самого виска.
Сочилась кровь
из правого соска
сквозь синюю тельняшку,
сквозь белую рубашку,
и на рубашке белой
тут же леденела.
Молчали немцы оцепенело.
И в руках у них,
и в стволах,
и в глазах
он видел одно:

страх!..

Офицер со злобой:
„Mein Gott,
das ist schwarz Tot“.
И встал солдат на берегу
лицом к врагу,
а за солдатскою спиной
стонал под ветром
лед донской.
И сердце заслонив рукой,
смотрел солдат —

боль отлегла —

на волчий глаз ствола.
И опалился ствол огнем,
и сразу в сердце —
боль и гром.
И всплыли вдруг
родимый дом,
Маруся в платье голубом
и зори за Днепром...
Но все смела
война огнем:
невесту в платье голубом,
и всю родню,
и отчий дом...

5.

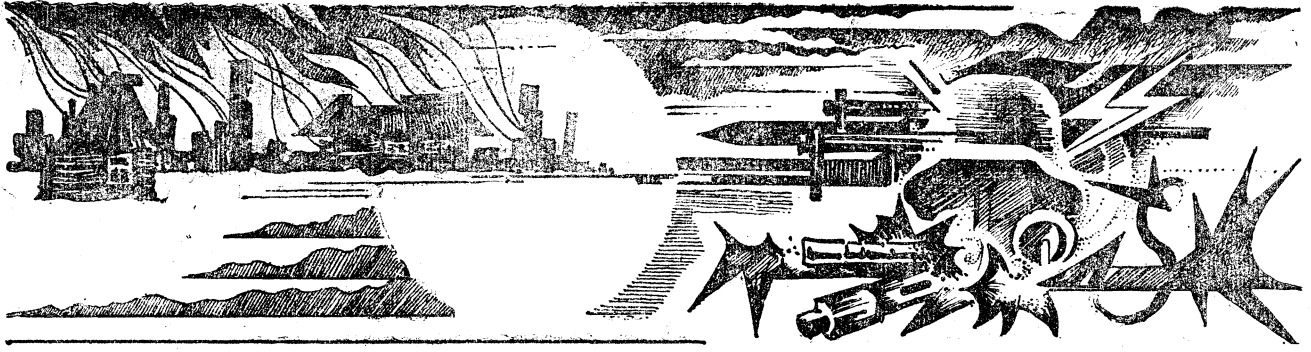
Лежал солдат
на синем льду
у мрачных немцев на виду
и каждый понял
мысль одну:
«Их не сломить,
их не убить,
их никогда не победить!..»
И офицер
в слепом смятенье
приказ отдал
на отступление.

6.

Солдат очнулся.
Тишина.
Плыла бескровная луна:
«Не может быть,
не может быть,
я жив,
я жив,
я буду жить!..»
И, приподнявшись на локтях,
он разглядел своих впотьмах,
вздыхнул:
«Спасение мое!..»
И снова рухнул в забытьи...

7.

Война не давала спуску —
вовсю громыхала под Курском.
Там на корню
хлеба горели,
а здесь хлеба
спокойно зрели.
И ласточки гомонили
над братскою могилой...
Было небо голубым,
как счастье,

ромашки улыбались
белозубо.

8.

Опять всплакнула
бабушка Настасья:
на полсела —
одни печные трубы.
На крыльце —
под хитрую резьбою —
пел солдат
вполголоса, вполсилы
о моряке,
что был красив собою,
и про Марусю,
что его любила.
А потом сказал,
как родной маме:
«Нет, бабуся,
слезы лить не будем...»
И, кивнув веселыми кудрями,
с вещмешком отправился
по людям.

9.

У этого дота
гибла пехота.
А сейчас этот дот —

самый мирный дом:

амбразура —
стала окном.
И заборчик есть,
и калитка,
и труба железная,
как зенитка.
Травой-лебедей
зарос накат...
Костылем по стеклу
постучал солдат...
У хозяйки —
на высушенной ладошке —
две прошлогодние картошки:
«Не прогневись, служивый,
хлеба — ни крошки...»
«А я не за этим,
для ребятишек —
больших и малых —
ищу я книги и журналы...»

10.

Ахали все
бабкины соседи,
читая на фанерке
цвета меди:
«Библиотека имени Победы...»
А война не давала спуску —
вовсю громыкала под Курском.

11.

Где дот стоял
с амбразурой-стеклом,
теперь стоит
кирпичный дом,
и книги —
хозяева в доме том.
И он при них,
и они — при нем...

12.

Моя баллада —
без прикрас.
Вам адрес солдата?
Хоть сейчас...

ПОГОВОРИ СО МНОЮ, ПАПА, ИЛИ СОЧИНЕНИЯ НА ОДНУ СВОБОДНУЮ ТЕМУ

Давид
ЛИВШИЦ

Рисунки
С. Ашмарина

Лежит в столе папка. На ней надпись: «Взрослые и дети». Сюда, под эти серые корешки, складываю вырезки — статьи и заметки о подростках. С годами папка пухнет, набирает объем: общественность озабочена проблемами воспитания.

Каких только рубрик нет в этой подборке. «На педагогический совет». «На семейный совет». «Родителям о воспитании». «Взрослые и дети». «Внимание, подросток!». «Рядом — подросток»...

Кто только не выступает с высокой трибуны. Педагоги, воспитатели, писатели, журналисты, ученые, кандидаты наук, академики и плотники...

Редко — родители, что странно. Ведь едва ли не каждый родитель считает себя подсознательным Макаренко или Песталоцци.

Но еще более странно, что главные участники воспитательного процесса — сами дети — редко представлены на форуме, только разве в качестве иллюстраций на заданную тему.

А между тем стоит познакомиться и с их точкой зрения, дать им возможность высказаться.

И вот перед нами сотни листочков, испещренных где старательным, где торопливым, неустоявшимся почерком. Это сочинения школьников. Одни подписаны полным именем-фамилией, другие без подписи. Какой-то мальчик назвался «Монтигомой»: уговор был — хочешь — подписывайся, хочешь — нет. «Что нам нравится во взрослых, а что нет» — такая была тема.

Ни промах, ни ошибка, ни доброе дело, ни злое не ускользают от взгляда подростка, от твоего взгляда, наш юный читатель. Впрочем, давай прочитаем вместе, что написано тобой и твоими товарищами в свободную минуту раздумья на классном часе.

«Если говорить о взрослых, то надо начинать с того, что взрослые тоже раньше были детьми, и иногда тоже совершали какие-то проступки. Но сейчас они взрослые и по ихнему мнению ребенок должен быть идеальным, то есть никуда не лезть и ничего не делать без разрешения. Они часто высокомерны с нами. А по-моему, вообще, если человеку больше 14 лет, то он может считать себя взрослым и отвечать за свои поступки.»

*

«Хотя меня мама иногда ругает, я не обижаюсь, ведь это мама. Мне в ней все нравится. Она умеет шить, вязать и очень вкусно варит, лучше любого повара...»

В.

«А что мне не нравится во взрослых, так это когда они приходят с праздников или из гостей. Когда наступает праздник, все ходят пьяные, даже неохота идти по улице. Тебе хорошо, у тебя папа милиционер, говорят мне. Но я считаю — мне от этого не лучше, потому что у папы такая служба...»

Татьяна А., 6 а.

«Взрослый человек — это прежде всего человек, который не понимает, что нужна собака или кошка. Взрослых интересуют ковры и мебель. Даже белую крысу они не желают видеть, а только черепаху. Обидно...»

«Не хочу я быть жадной и злой. Есть некоторые взрослые с такими качествами. Рядом с ними трудно жить...»

Л., 6 а.

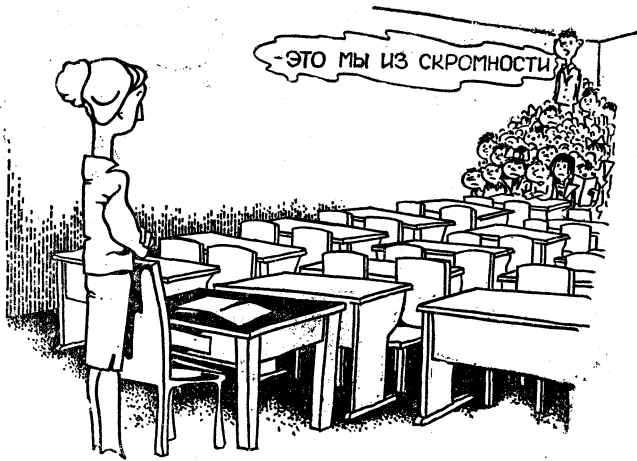
«Моя мама самая справедливая. Если я бываю не очень хорошим, не ругает, а только объяснит, как надо лучше сделать.»

«А вот папа мой, он мне не очень нравится, потому что он пьет водку и курит папирсы. Если папа не выпивший, то он очень хороший, совсем как моя мама.»

Александр Г., 6 а.

«Взрослый должен быть сильным, чтобы защищать маленьких.»

К.

«Не нравится во взрослых, что они тебя не берут в далекий путь».

Роза З., 6 а.

«Плохих людей сразу видно, они злые и несправедливые. А если человек злой, ему много надо лечиться у врачей».

Лена В.

«Больше всего во взрослых мне нравится их трудолюбие, ласка к детям».

Лучше всего меня понимает мама. Вечером мы с ней все обсуждаем, и она говорит, что плохо, что хорошо. От добрых взрослых бывают добрые дети, от злых — злые или неряхи».

7 б.

«В нашей семье четверо ребят и у всех разные характеры. Мама добрая, всегда может подбодрить, когда надо, поругает. Иногда не хочешь что-нибудь делать, а она заставляет. Не всегда она права. И мы с ней споримся, но я всегда подхожу первая. Она очень расстраивается, когда папа приходит пьяным. Трезвый он молчит, никогда ни о чем не спрашивает, даже дневника не посмотрит, не спросит, как учусь, а как выпьет, то начинает ко мне приставать, просит показать дневник, и если увидит плохую оценку, начинает ругаться. Ругает маму за то, что она не занимается моим воспитанием. Я его просто ненавижу за то, что он ругается, матерится и надоедает вопросами, когда, пьяный, вздумает заняться моим воспитанием. Временами он может быть добрым, но что толку, когда он пьяный, как зверь».

К. А.

«Хорошо быть взрослым, чтобы всем помогать, чтобы тебя хвалили, а не сам про себя говорил: «О, я какой!»

В.

«Маму уважают. Она работает на заводе табельщицей, и когда я с ней иду по улице, многие с мамой здороваются, а я спрашиваю: и этот человек тоже в твоём цехе?»

Т.

«Мама моя всегда искренняя с нами. А отец жить не может без работы. И если уж он за что-то взялся, всегда делает это дело добросовестно и до конца. А так как он все время работает, да еще и учится в двух школах, то его мы видим редко. Но если уж он свободен, то отдается нам, детям».

Ирина К-ва.

«Есть такие люди, которые не хотят принести другим радость или пользу. Такие делают все только для себя, чтобы им всегда было хорошо, а до других им дела нет... Вот такой я не хотела бы быть».

Т-ва.

«Я хотел бы быть, как мой дядя, шофером. Ездить на маршрутном такси по городу и встречать хороших людей».

Ч., 6 а.

«У моей подружки мать не понимает ее и не хочет понимать. Она никогда не поговорит со своей дочерью. Эта девочка очень замкнутая дома и почти ни с кем в классе не дружит. Она уже думает, что взрослые не могут и не хотят понимать детей».

Когда у меня есть свободное время и мне охота погулять, родители не отпускают меня и говорят: «А балкон — не улица, что ли? На балконе погуляешь».

«Когда остаешься со взрослыми, то чувствуешь какую-то поддержку, и с ними как-то веселей. Взрослый человек может разрешить какую-либо проблему, что-то рассказать, разъяснить. Но мне не нравятся взрослые, которые ненавидят природу, а детей расценивают по своим, взрослым меркам».

«Мне нравится дядя Ваня. Когда у него мальчик со двора, он ему что-нибудь подарит. Когда я был маленький, он мне дарил игры, теперь он мне дарит серьезные игрушки, шахматы, шашки. Он любит животных и, несмотря на то, что уже старый, любит играть с маленькими детьми. Но в дяде Ване мне не нравится то, что он не умеет хранить все в тайне».

«Мама обижается, что я ей ничего никогда не рассказываю, а я это делаю так потому, что если ей рассказать, то она рассказывает своим подругам. Но я не хочу, чтобы кто-нибудь другой знал, что у меня случается, что меня больше всего беспокоит».

Или еще: один раз мама принесла мне что-то из одежды, а мне это не понравилось. Она стала меня попрекать, что я совсем зарылась(!), и про военное время вспомнила. Мне очень стало обидно. Ведь наше поколение не виновато, что сейчас всем живется хорошо. И этим попрекают все взрослые».

«Бывает, что друзья повздорят между собой, и некоторые родители, не разобравшись, лезут заступаться за своих детей. По-моему, дети сами поссорились и сами мирятся, зачем лезть родителям».

Когда я не согласна с мамой, я ставлю ее на свое место, а сама пробую представить, что бы я сделала на ее месте».

«Он у нас ведет математику. Мне в нем нравится то, что у него нет любимцев в классе, он ко всем относится одинаково — как к отличнику, так и к плохому. А учитель по труду нравится за открытость и доброту, он относится к каждому, как к своему ребенку».

Лена.

«По-моему, на взрослых сердиться не нужно, хоть и есть у них какие-то недостатки».

Бывают они и справедливыми. Вот я закончила год с двумя четверками, все меня хвалили, а подружке родители сказали: «Не знаем, что бы мы для тебя сделали, если бы так же училась». А мама, моя мама, говорит: она, то есть я, молодец, что учится хорошо, но она, то есть я, обязана и должна хорошо учиться, это пригодится ей самой. Я с ней согласна».

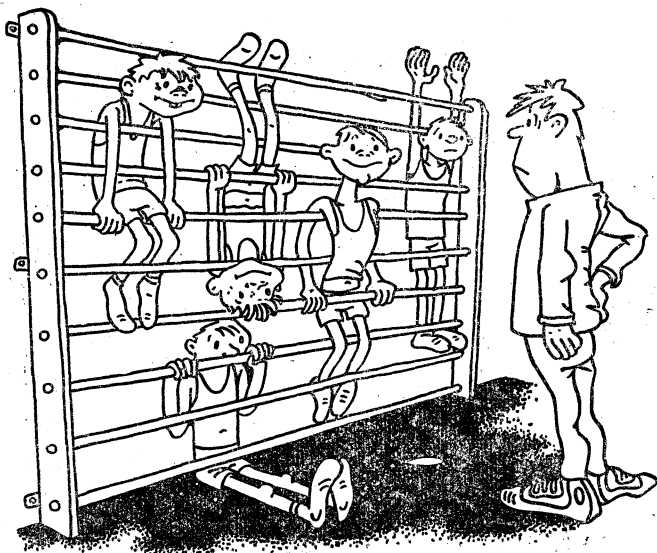
«Взрослые — это те, которые кричат и не могут сказать по-хорошему. Раз мы с ребятами сели у подъезда на скамейку и разговаривали. К нам подошла женщина и стала кричать на нас: что вы, мол, здесь сидите, не можете в другом месте сесть? Мы, конечно, огрызнулись, хотя можно было без этого, но ушли и сели у другого подъезда. Через несколько минут подошла опять женщина и снова стала кричать: что вы здесь сидите, идите играйте в футбол! Но где играть в футбол, у нас нет поля, не говоря о спортивной площадке, какую взрослые обещались построить черт знает когда! Площадку не построили, вот мы ходим, слонаясь по двору. А какой-нибудь пошустрее заманит всех залезть куда-нибудь. Поймают, приведут в милицию, спросят, из-за чего попал, а милиции не объяснишь, что делать во дворе нечего. Отпустят, придешь домой, а на тебя накинутся родители — мы ли тебя не кормим, не одеваем! Начнешь объяснять из-за чего полез, а они не слушают».

Мальчик.

«Есть такие люди, которых мы, дети, называем жестокими. Не выяснив причину, они начинают кричать на нас и, конечно, в наших сердцах они запечатлелись в плохом виде, в котором я не хотела бы оказаться. И если бы потом они исправились, то все равно бы для нас они остались такими же, какими мы их запомнили».

«Как ни странно, но взрослые с детьми разговаривают по-особому, не так, как с равными».

«Особенно мне не нравится родительское сравнение: мы, говорят, в ваши годы работали, а вы учитесь не хотите. Попросишь что-нибудь, они сразу упреknут: мы ходили в одном платье и лаптях. Но мы же не виноваты, что родились в эту эпоху, а не в то время, когда родились они.

Ну, может быть, они и правы, надо, чтобы мы понимали, как жили наши родители. Как-то раз у нас с родителями зашел разговор, я точно не помню из-за чего. Я до этого разговора не знала, как жил мой отец. Я слушала, не шевелясь. А почему не знала? Родители на меня только кричали, а нет чтобы есть спокойно, рассказать мне об этом, как жил раньше мой отец...

Кричат... Я думаю, это в них неправильно, и это я в них не принимаю. Если, однако, хорошо вдуться, все-таки взрослые есть и хорошие».

Ирина.

«Мы общаемся с большим количеством взрослых людей. Странные бывают взрослые. Часто случается так, что делать уборку или сварить обед мы уже взрослые, а сходить в кино на вечерний сеанс еще маленькие... У нас, в восьмом классе, у многих девочек стрижка или длинные волосы, но не для того, чтобы можно было заплесть косу, и они ходят с распущенными волосами, а учителя заставляют делать хвостики, а ведь мы восьмой класс».

«Взрослые никак не могут понять, что свойственно подросткам! Ну, например, мальчишки собираются и собообща учатся играть на гитаре. Родители же, заметив у мальчишки хоть малую увлеченность музыкой, сразу начинают заставлять силком ходить в музшколу да еще играть не на любимом модном среди подростков инструменте, а на каком-нибудь благородном — скрипке, виолончели и т. д. А мальчишке же просто не хочется ходить в эту музшколу, и он проеживает занятия в ней, а ходит к товарищу играть на гитаре».

Еще, например, с модой. Когда возникла мода на мини-юбки, взрослые, а особенно старшего поколения, косились и не одобряли. Им хотелось, чтобы носили длинные. Теперь мода — длинные, ниже колена, а родители и бабушкам, да и вообще взрослым, опять не нравится. Да какую моду они сами предложат!

Есть, конечно, взрослые, которые поймут подростка и в трудную минуту и в каждом поступке, как, например, наша учительница».

«Взрослые часто бывают несправедливы к нам и недооценивают нас. Бывает, к одному подростку в школе учителя относятся положительно, а к другому даже с небольшим презрением, не замечая его хорошей стороны. Не все ребята, конечно, оказываются такими умными и способными, как это хотелось бы учителям. В любом классе есть сильные, средние и слабые ученики. Сильных учителя часто хвалят, этим уменьшая значение других ребят. Когда учитель все время говорит только о хорошем ученике, а о более слабых говорит с укором, сравнивая его со всякими предметами, он унижает человека. Ведь не надо забывать, что мы тоже люди, что у нас тоже есть чувство обиды, унижения, самолюбия».

Как хотелось бы, чтобы учителя не отделяли одних учеников от других, а если ученик сам виноват в чем-то, постараться сделать так, чтобы он понял свою вину. Чтобы потом этот ученик мог с благодарностью вспомнить о своем учителе, который помог ему исправиться и изменить свое мнение о плохом поступке, совершенном им когда-то. Иногда учителя ругают своих учеников, часто дело доходит до рук, например, хлещут подростка по щеке, чуть ли не таскают за волосы, стучат по голове, как бы указывая на то, что в его голове пусто».

Бывают и родители, не понимающие детей... Это сильно огорчает подростка, приносит ему вред: я имею в виду не здоровье, а мнение о родителях, и вообще о взрослых».

Коротеева.

«И они забывают, что дети сами выбирают дорогу в жизни. Есть взрослые, которые посылают детей в то или иное учебное заведение, чтобы показать: «Вот какой у меня ребенок, в вуз поступил». А этот ребенок всю жизнь мучится, но родителям это до лампочки. И еще мне не нравится, что эти взрослые обычно имеют везде блат».

«Взрослых вообще я люблю, особенно научных сотрудников. Они обсуждают разные проблемы, что-то открывают. Свою заветную мечту дети не могут осуществить. Взрослые же всегда дойдут до цели, и всегда сбывается их мечта».

А есть такие, у которых мечты нет. У них мечта, где бы взять бутылку. Таким людям не место в обществе. Между прочим, наша милиция берет только тех выпивших, кто прилично одет, а почему же пьяниц, которые каждый день околачиваются около гастрономов, не забирают?.. Во многом у меня непонятность...»

«Я давно ждала такого сочинения, потому что я хотела (только некому) давно выразить свое недовольство. Я не скрываю своего имени и фамилии, потому что пишу правду».

Основная мысль моего сочинения это та, что многие взрослые еще не ушли из старины, они внушили себе, что они должны кому-то в чем-то всегда, всю свою жизнь подчиняться, кому-то лизать пятки, а с кем-то и обращаться грубо, они смирились с этим и считают это за жизнь, они думают, что жизнь, сама жизнь такая, что никуда от нее не убежишь. А зачем бежать? Прежде всего, мне кажется, нужно справиться со своими недостатками. Пусть хотя бы каждый проследит за собой».

Можно подумать, что я думаю о взрослых очень и очень плохо. Это не так, и возьму, к примеру, свою маму. Она очень хороший человек, таких я больше нигде не встречала. Всегда выслушает внимательно, поймет меня или скажет, где я права, а где нет, и почему. Я считаю маму своей современной, даже подружки и друзья говорят, что у меня мировые родители».

Вот, пожалуй, все, что мне не нравится во взрослых. А нравится во взрослых полезная доброта, откровенность, справедливость к любому, даже к небольшому раздору между малышами...»

«На улице мне нравится только один взрослый. Он с нами шутит, и с ним весело. А другие, как придут с работы и сразу играют в азартные игры, и нам ничего не остается делать, как играть во что-нибудь подобное или слоняться, как беспризорники...»

Или хотел пойти в поход с классом, так сразу говорят: «Там сыро» и т. д., и т. п.»

«Взрослым хорошо, они всегда чем-нибудь заняты».

«Быть взрослым — значит, быть самостоятельным. И за все свои поступки и действия отвечать самому. Во взрослых мне больше всего нравится свобода».

«Нравятся или не нравятся — нельзя сказать про всех взрослых. Есть такие, что ставят себя выше младших, говоря при этом: «Проживи с мое» или «Мал еще!». Но есть человек, в котором мне все нравится. Это мой тренер. Сильный, смелый, образованный. Общаясь с ним, ты равный».

Возьму еще одного взрослого — мою маму. Отзывчивая, всегда нежная и честная. Но я заметил, что уже на протяжении двух — трех с половиной лет у нас с ней возникают некоторые разногласия, споры. Я ей не раз уже говорил, что у меня уже своя точка зрения, своя оценка происходящим событиям».

«Мне нравится, что взрослые легко верят. Например, мать придет с работы и спросит, сделал ли я уроки. Я скажу, что сделал, и она поверит мне и отпустит на улицу. Еще мне нравится во взрослых их доброта, но на свете не все люди добрые. Бывало, идешь по улице, подойдешь к прохожему спросить сколько времени, и, хотя у него на руке часы, он скажет, не знаю...»

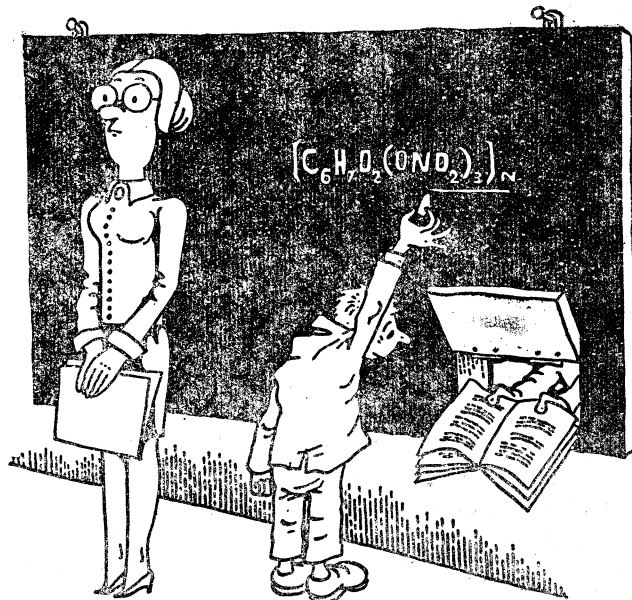
«Когда взрослые не могут доказать, то хватаются за свой последний шанс и говорят: «Я дольше прожил на белом свете, у меня больше жизненного опыта...» и так далее. Они редко заглядывают во внутренний мир подростка, а если и заглянут, то все пытаются там переделать наоборот, как они считают нужным».

Девочка.

«Зашла я однажды в магазин, подошла к кондитерскому отделу и спросила: «У вас сахар есть?», а мне продавец нет, чтобы ответить: «Нету», как закричит: «Что, не видишь, что нету!» Вроде бы первый ответ короче и его легче сказать, а она кричит...»

«Когда ребенок задает вопрос, волнующий его, то родители не знают, как ответить, и вместо того, чтобы, как другие родители, вместе с ребенком поискать ответ, отмахиваются: «Не задавай глупых вопросов». Или, например, дочь стала дружить с мальчиком. А разве плохо дружить с хорошим мальчиком? Рано, говорят родители. И даже не пускают на улицу. Почему-то все сводят к плохому, говорят, что был такой случай».

Мальчик.

«Я, например, хочу держать рыбок, а мне говорят: ты не будешь за ними следить, только зря деньги тратить. Я говорю, раз нельзя рыбок, тогда хоть купите магнитофон, за ним же не нужен такой уход, как за рыбками, а мне говорят — дорого стоит, нет денег. Так, в общем, родители хорошие, только отец время от времени попрекает».

П. Ч.

«В отце мне не нравится то, что он часто посылает меня в парикмахерскую. Он слишком хочет, чтобы я был интеллигентным мальчиком, не был охламоном. Но можно подумать, что я на самом деле охламон, так как я иду уже тогда, когда дело доходит до ссоры. Я прихожу в класс подстриженным, а все смеются, поскольку, по мнению класса, я и до стрижки имел короткие волосы. Мать мне говорит, что, по сравнению с другими, у меня прическа нормальная, но отец все же хочет, чтобы я выделялся среди других».

Еще мне не нравится то, что он слишком старомоден по отношению к музыке. Ему кажется, что все песни на иностранном языке, да и русские тоже, которые поют не так, как раньше, — все это буги-вуги».

К., 8 в.

«Каждый подросток по-своему воспринимает поведение взрослых. Бедь взрослые — это окружающая нас среда».

У меня есть дядя, который еще молодым ушел сражаться за нашу Родину. В его жизни протекло многое. Он видел горе, нужду, голод, но не стал недобрый. Он старше меня почти в пять раз. Я люблю его и все его воспринимания: он ставит меня и других на хороший путь».

Татьяна.

«Взрослые бывают разные. Одни чуть что сразу говорят: «А вот в наше время была молодежь...» Но я вообще сомневаюсь, была ли раньше молодежь. Я таких взрослых ненавижу».

Но есть и другие. Например, у нас живет мужчина, лет

двадцати восьми. Он каждое лето уходит в псыходы, то в горы, то на байдарке. По вечерам, когда он свободен, он втягивает ребят в какие-нибудь игры. Чаще всего в футбол. Жалко, игра получается неинтересной: у нас нет площадки. Управдом уже третий год обещает.

Или вот к нам приходят другие взрослые. Они приходят не с пустыми руками, а в руках у них бутылки вина. В лучшем случае — в карманах у них закуски. Придут и начнут. А гулять негде. Вот и сидишь, смотришь. А то приходят по вечерам так называемые парочки. А уж тут...»

«Учителям бывает нелегко с нами, ведь им надо учиться и понять каждого ученика».

Люба.

«Я сделал уроки и хочу посмотреть телевизор или погулять, а родители говорят — иди, иди учи уроки. Я уже выучил, говорю. — Иди учи, я не видела».

«Есть такие родители, которым не нравятся животные в доме, они отучают детей держать в руках кошек, не разрешают в доме держать птиц... А когда ребенок растет с животным, он с детства привыкает к добру».

Надежда.

«Мне рассказывала подруга, что ее очень сильно оскорбил ни за что выпивший отец и не счел нужным извиниться».

«Я понимаю, у нашей классной руководительницы не хватает терпенья, конечно, когда мы сами ее доведем, но зачем так кричать на отвечающего у доски. Я выйду к доске, и когда на меня так кричат, то мысли в голове все перепутываются, ничего не соображаешь».

Монтигома.

«Мне очень нравится учитель русского языка Евгения Ивановна, если б в школе было больше таких учителей, то отличников стало бы больше».

«В этом году к нам в школу пришла учительница математики¹. Она стала нашим классным руководителем. Почти всем ребятам нашего класса она не нравится. Она на нас кричит, иногда так, хоть уши закрывай. Она обзывает нас подонками, уродами, дебилами. Не знаю, как остальные ребята, а я иду на ее урок совсем без настроения. Она хочет, чтобы класс наш был дружным, но это не получается. Она берет билеты в театр, не спрашивая, хотим мы идти или нет, а потом заставляет насильно покупать билеты. По-моему, при такой обстановке дружбы в классе не будет».

«Сначала я напишу о своей мамочке. Вы можете подумать, что если мама, так мамы всем детям нравятся. Но у меня мама особенная — честная и справедливая, а когда погорячится, то я, думаю, что на ее месте так же поступила бы. А вот в нашем доме есть женщина, у нее есть дочь. Она поругается с дочкой, а потом начинает ласкать, так та ее мамой ни разу не называла. Ей 13 лет, а она ей купила сапоги за 50 рублей. Дома кричит, а в школе вырывает из всех переделок, когда дочка не выполнит поручение. Женщина эта не нравится мне совсем — ходит, жалуется, что жизнь ее плохая, льстит».

«Мало таких взрослых, которые переживают с детьми их горе и радость. Мои родители не понимают, что такое дружба. Родители часто напоминают нам плохое,

а про хорошие они быстро забывают. И учителя — например, В. А. не может работать с детьми. Она никогда не выслушает то, что ей говорят, сразу начинает кричать. Она нас не понимает, и приходится ей грубить...

И если я уйду из школы, то только из-за нее!».

Сочинения прочитаны, и заспорили во мне два человека. Один рвется выразить кое-что родителям, другой говорит: погодите, тут и в адрес ребят есть что сказать.

Ни тот, ни другой друг друга не слушают, я уступаю, и вот слово берет сперва один, потом другой.

— Что ж, подросток — бескомпромиссный оценщик чужих слов и поступков. Пусть забавны его жалобы, когда, к примеру, хочет девочка купить сапоги-чулки, а родители «не понимают» ее, говорят — «рано» или «дорого». Или жалуется мальчишка: «всего-то 11 двоек, а они ругают». Но не все в сочинениях забавное. Вдумайтесь: часто не мы им, детям, а они нам могут указать на то, что такое хорошо и что такое плохо. Они улавливают в поступках взрослых криводушие или ханжество. Остро переживают необязательность: пообещали — не сделали. Даже грубость, незаслуженную обиду стерпят легче, чем пустомельство, обман. Конечно, себе они прощают легче, чем нам, но ведь жизни-то учим их мы.

В одной стране при министерстве внутренних дел создали специальный «отдел защиты детей», чтобы оградить ребенка от произвола или жестокого обращения со стороны взрослых. У нас нет нужды в таком отделе — сама система государства, десятки учреждений охраняют интересы подростка. Но кто и как защитит ребенка от глупости или жестокости иного домашнего горе-наставника? Кто разрушит стену непонимания, которую часто шаг за шагом воздвигают между собой и детьми сами взрослые — отец, мать, иногда и учителя?

В одной стране придумали специальный «детский телефон». Любому ребенку может позвонить по этому телефону и получить ответ на трудный вопрос или совет в трудную минуту. За первый же год работы «детского телефона» зарегистрировано 14 тысяч звонков. Вначале на вопросы отвечали три сотрудника, потом их стало 18. Сколько будет завтра?

Сколько их, посторонних людей, займется тем, чем должен заниматься родной папа?

Про пап вообще разговор особенный. Помню однажды сын-пятиклассник привел в гости нового товарища, Сережу. Весь вечер Сережа приговаривал: «а мне папа тоже подарил книгу», «а мне папа тоже купил мячик», «а мне папа тоже завтра обещал купить велосипед». Потом Сережа ушел, и оказалось, что папы у него вообще нет, и он никогда не видел его: отец бросил их с мамой в незапамятные времена. У Сережи есть, конечно, и книга, и мячик, и велосипед — мама купила! — но он хочет, чтобы у него был отец, и он играет в эту придуманную спасительную для него игру про папу.

Ну, а когда он есть, папа, всякий ли папа — скажем так — реальная фигура в жизни мальчишки? Пишут: «Моя мама работает на заводе... успевает кое-чему научить меня» (Лариса Г.), «Мама научила меня считать на счетах, она кассир. Мы с ней любим кататься на велосипедах и ездить за грибами» (Костя Е.), «Мама — ударник коммунистического труда. Мама любит вязать и научила этому меня. Мама работает на кране. Я часто прихожу к маме в цех, и она катает меня на кране» (Галина К.).

«Мама», «мама», «мама»... А где же они, папы? Из тридцати сочинений одного класса только в шести упоминают отцов. В другом классе другой школы сорок учеников писали сочинения на тему: «Как я провожу с роди-

¹ Когда сдавались в набор эти заметки, учительница в школе уже не работала.

телями свободное время». Только в одном рассказано про отца. Может быть, в этих семьях вообще... нет отцов?

— Нет,— ответила классный руководитель,— отцы есть почти у всех...

— Ну, что ж, дорогой подросток, многие взрослые на твоей стороне,— вступает в разговор второй участник спора.— Ну, а ты? Пусть родители, как ты любишь говорить, тебя «заманали», но теперь, для честности, может, пробьем и в твои ворота?

Родители заняты собой, мебелью, не интересуются твоими делами. Что ж, бывает и так.

А ты? Ты всегда занят не только одним собой? Ты интересуешься жизнью родителей? Пытаешься понять их заботы? Мысли? И вообще — обладаешь ли ты тем свойством, которое один выдавший виды человек назвал «умением опереживать»?

Вспомни, как начинается день? Шесть утра. Мама уже на кухне. Ты встал — завтрак на столе, готовенький. Пришел из школы, плюхнулся на диван, включил «маг», «балдеешь». Мама пришла с работы, в руках полные сумки — сколько раз «по дороге» она заглянула в магазин? Приготовила ужин, накормила семью, тебя, ты — к телевизору, она — к плите, готовить на завтра, потом в ванную — стирать, потом к тряпке с ведром — мыть пол, потом к утюгу — гладить тебе рубашку. Не спрашиваю тебя, помогаешь ли ей, спрошу о другом: видишь ли ты, понимаешь ли, какой жизнью изо дня в день живет рядом с тобой мать? Или, как это бывает, смотришь и не видишь?

Помнишь, в кино «Доживем до понедельника» твой сверстник написал в сочинении: «Счастье — это когда тебя понимают». Да, это счастье, когда понимают тебя. Ну, а сам ты способен понимать другого?

И вообще, хочу тебя спросить: часто ли ты смотришь на себя со стороны? Ну, хотя бы в простых, совсем не исключительных житейских ситуациях. Например, в такой.

Субботник. Ребята подметают школьный двор. У кого-то сломалась метла. Ищут глазами учителя.

— Петр Иванов! Метлы рассыпаются!

И вот рослые, баскетбольного вида девятиклассники, поглядывая сверху вниз на щуплого Петра Ивановича, ждут, пока он им проволокой затянет вицы на метлах.

Еще пример? Как-то осенью дюжина старшеклассников чуть не замерзла в садовом домике товарища, так и не сумев растопить печь: дрова гореть не хотели, а лучину настрогать не догадались. Так и застал их родитель: уныло-неподвижных от обилия надетых одежд и повеселевших только тогда, когда он разжег огонь и вскипятил чайник. Впрочем, это не помешало акселератам за утренним чаем иронически обсуждать «этих смешных взрослых».

Пусть вы, дети, живущие в век электричества и кибернетики, и не обязательно должны уметь разжечь огонь с одной спички. Хотя мы, ваши взрослые, считаем, что есть вещи, которые для мужчины обязательны. Речь сейчас о другом — об умении воспитывать в себе высокое чувство святой неудовлетворенности собой, — не другими, это легче всего, это умеет всякий, а собой, ведь никакой технический прогресс не освободит человека от необходимости задавать самому себе вопросы и о смысле жизни, и о своем месте среди людей, и о том, а что же ты сам за существо, на что способен?

Иногда ты больше знаешь, чем родители, ты эрудированнее, независимее, а уж о том, что ты моднее, и говорить не приходится. Но возвращение собственной души, иначе говоря, самовоспитание — этот удел «яростных и непохожих» — может быть проделано только тобой самим. Скажи, что ты требуешь от себя, и люди скажут, какой ты. А то ведь иногда ты и сам не знаешь, чего хочешь, все больше просишь, и все — от других! «Все им скучно, неинтересно, — рассказывала однажды про свой класс одна учительница, — я подумала, а может, я сама виновата, навязываю им свое. Сделаю-ка, что они сами

захотят. Захотели они в поход. Поход, так поход. Назначили поход. Так думаете они пришли? Ни один! Я после этого едва из школы не ушла».

Взрослые все должны — и в кино не полтинник дать, а рубль, и магнитофон дорогой купить, и спортплощадку во дворе построить, и в поход свести... Должны... Но отплати им за это хотя бы пониманием. «Когда я не согласна с мамой, я ставлю ее на свое место и сама пробую представить, что бы я сделала на ее месте».

Спросим, как в школьном задачнике: когда встретятся два человека? Ответ простой: когда двинутся навстречу друг другу.

«Как-то раз у нас с родителями зашел разговор, я точно не помню из-за чего. Я до этого разговора не знала, как жил мой отец. Я слушала, но шевелюсь. А почему не знала? Родители на меня только кричали, а нет чтобы сесть спокойно, рассказать, как жил раньше мой отец...»

Школьные сочинения на вольную тему. Коллективный портрет взрослых и автопортрет авторов. В бесхитростных рассказах — родители, их привычки, отношение к детям. Светлыми красками нарисованы любимые, добрые, серыми — отчужденные, чужие.

Вечер. Мама возится по хозяйству на кухне. Папа у телевизора. Приемник вкрадчивым русалочьим голосом Толкуновой просит: «Поговори со мною, мама, о чем-нибудь поговори». Мама поговорит. Но охота и с отцом обмениваться мыслями. В ответ — часто — полуавтоматическое из обоев: «Я занят», «Отстань», «Не приставай», «Отвяжись», «Не мешай», «Мне некогда», «Не задавай глупых вопросов», «Мал еще», «Не твоего ума дело», «Подрастешь — узнаешь»...

Он подрастет. Еще немного, и он войдет в тот возраст, когда и сами уже папы-мамы рады будут с ним о чем-нибудь поговорить, да не смогут — он уже уйдет «в глухую защиту». Время, когда мог возникнуть и закрепиться контакт, упущено. До 14 они спрашивают, после 14 начинают обходиться своими силами.

— Поговори со мною, папа!

— О чем?

— О чем-нибудь поговори...

Не хочется кончать разговор на минорной ноте.

Выбираю одну из страничек, перечитываю ее и на светлой волне этой расстаюсь с сочинениями на вольную тему, написанными мальчиками и девочками из разных школ.

«Мой папа очень любит людей. Он готов на все для них, он может отдать последнее. Я хочу так же любить людей и быть готовой поделиться с ними, но мне мешает мое самолюбие и эгоизм, и я не знаю, как от этого избавиться. Раньше, когда это было не в такой острой форме, у меня была детская мечта с превращениями. Я хотела стать каким-нибудь невидимым, но очень добрым существом и помогать всем людям в трудную минуту: врачам — лечить больных, проходим — защищать их от хулиганов, уничтожать фашистов. В моих мечтаниях это мне не представляло никакого труда, ведь я была наделена волшебной силой. А в жизни все не так легко. Для этого надо быть доброй и сильной, иметь волю и много верных друзей, которых у меня нет, я сама их от себя отталкиваю своим характером. Правда, я научилась от отца любить и уважать труд. Мне кажется, если я какое-то время не буду трудиться, ни к чему не приложу силу или старание, то отупею, стану пустой и никому не нужной.»

Такой сделал меня папа. Он учит меня всему. Он честный и прямой. Он необыкновенный человек. Я считаю его лучшим отцом в мире и учусь у него жить.»

Ирина К.

Нравственные

уроки

«Уральского следопыта»

О ДОЛГЕ

Адрес первого урока:

г. Свердловск,

школа № 17

Старайся исполнить свой долг,
ты тотчас узнаешь,
чего ты стоишь.

Л. ТОЛСТОЙ

Юный друг! Ты вступаешь в жизнь.
А она, как море, широка, полноводна.
И ты уже намечил
среди человеческих путей-дорог
свои, только тебе известные
тропинки.

Намечил и понимаешь:
многообразие дел наших
как бы солидарно
в общей нашей устремленности
построить новое общество.
А наша нравственность
вытекает как раз из отношения твоего
к этому стремлению.

Вспомним, как говорил Ленин:
«В основе коммунистической
нравственности лежит
борьба за укрепление
и завершение коммунизма».

И еще вспомним ленинские же слова:
«Нравственность служит для того,
чтобы человеческому обществу
подняться выше...»

Любовь к Родине,
долг, честь, совесть —
не отвлеченные понятия,
но реальная душевная сила в человеке,
требующая развития и культуры.

«Уральский следопыт»
предлагает тебе, юный друг,
несколько нравственных уроков,
где, как и на школьных уроках,
выслушав материал,
можно задать вопрос,
принять участие в обсуждении.

О долге человеческом размышляют:

Леонид Александрович Голубев,
директор школы,
отличник народного просвещения РСФСР,
член Союза журналистов СССР;
Валентина Федоровна Мелких,
учительница истории;
Николай Николаевич Новый,
капитан милиции;
Николай Петрович Чуденков,
Герой Социалистического Труда;
Петр Владимирович Валобуев,
кандидат технических наук;
Андрей Петрович Проскураков,
участник Великой Отечественной войны,
подполковник в отставке;
Анатолий Андреевич Ануфриев,
заслуженный учитель школы РСФСР;
Вениамин Баркан,
Радик Хазиев,
Ирина Самсонова,
Павел Расковалов,
старшеклассники.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Л. А. ГОЛУБЕВ, директор школы:

— Вопрос стоит так: способно ли нынешнее молодое поколение продолжить дело отцов, достаточно ли серьезно осмыслило оно тот долг — гражданский, духовный, профессиональный, который возлагает на него общество. И я отвечаю себе с полной искренностью: да, способно! Более того, мне импонируют в нынешнем поколении его способности к познанию, деловые качества, разумный рационализм. Но совершенно очевидно, что нравственные качества личности должны-таки опережать качества деловые...

Ведь смысл нравственности состоит прежде всего в том, чтобы общественные моральные требования превратить в личные нравственные ценности каждого, то есть молодой человек, вступающий в жизнь, воспринимал бы эти ценности как внутренне ему необходимые... И если меня спросят, достаточно ли глубоко нынешний школь-

ник это прочувствовал, я отвечу — он способен это прочувствовать. Он способен понять и принять, как личный долг, короткую формулу из Программы Коммунистической партии Советского Союза:

«... В процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества».

Он, сегодняшний школьник, способен и обязан соединить сегодняшнюю задачу с ленинской заповедью доверять молодежи в решении важнейших задач. Не буду голословным. В 1920 году В. И. Ленин произнес речь на III съезде комсомола. Острейшей проблемой назвал он безграмотность в стране. Касаясь ее ликвидации, говорил:

«Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала, или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело...»

Так всегда было и дальше в решающие минуты истории Родины: молодые вставали и шли на помощь старшим. А что в основе этого шага? Осознание своего долга, ранняя гражданская зрелость...

В. Ф. МЕЛКИХ, учитель истории:

— Можно проследить, как новые, коммунистические моральные нормы, представления, идеалы действовали на самые глубокие психологические мотивы поступков советских людей, создавали могучие резервы энергии, инициативы, мужества. В короткое время выковывались нравственные идеалы, образцы поведения. И, конечно, высочайшим авторитетом, как личность, как вождь, пользовался Ленин. А. В. Луначарский вспоминал:

«Я ни разу не слышал, чтобы Владимир Ильич говорил о долге. Он был бы очень сконфужен, если бы ему кто-нибудь сказал: вы хорошо исполняете свой долг, тяжелый долг! Наверное, он бы рассмеялся. Это все равно, как если бы кто сказал груше или яблоне: как вы хорошо исполняете свой долг, принося плоды! Владимир Ильич не мог иначе, в этом заключалась его натура...» Да, человеческая зрелость определяется и знаниями, и навыками, и опытом. Но главный все же — нравственная зрелость: ощущение своей внутренней свободы, сознание чести, долга именно как внутреннее, необходимое свойство личности. Чтобы действия человека не вызвали необходимости говорить о долге, настолько бы они были естественны.

Н. Н. НОЗЫЙ, капитан милиции, заместитель секретаря парткома городского УВД:

— ...Как естественно, например, это вот письмо. «Дорогая Валентина Викторовна, благодарю вас, как собственную мать... Спасибо за дела добрые». А перед этим молодой парень принес и сдал в отделение кастет. Он сказал, что пришел к этому шагу под влиянием бесед работника милиции Валентины Викторовны Кореницкой.

Долг требует не просто формального выполнения, но настоящего человеческого горения. Надо уметь и повести за собой, увлечь. Исполнить долг так, значит, приблизиться к нравственному идеалу советского человека.

Нам, работникам милиции, приходится иметь дело не с лучшей частью человечества. Но без участливого сердца в милиции делать нечего — в любом деле острее долга как бы направлено в область доброты. Помню моего первого наставника сержанта Рима Хабиева. Выехали мы с ним на задержание выпившего скандалиста. Взяли. И когда уходили уже, Рим вдруг спросил: «А ребятишки?» И только тут я вспомнил два испуганных личика, выглядывавших из комнаты. Как же я сразу не подумал о них! Мне было, честно говоря, стыдно, что я мог оставить детей одних в пустом доме.

Главное — внимание к людям! Вот заповедь, оставленная мне Римом. Оставленная, потому что Хабиева больше нет — его убили в схватке с вооруженными бандитами. Рим, не задумываясь, шагнул под обрез. Кто-то должен был шагнуть. А Рим никогда и ничего не переваливал на плечи других. Истинная преданность долгу иногда проверяется и ценой жизни... И то, что есть люди, способные в крайней ситуации предпочесть выполнение долга собственной жизни, говорит о высочайшей нравственной высоте этого чувства.

Н. П. ЧУДЕНКОВ, Герой Социалистического Труда, шлифовальщик Свердловского инструментального завода:

— Да, способность отдать жизнь, если этого требует долг, дана, видимо, не всем. Она дана людям, которых мы называем героями. Но в нашей стране почетно и посвятить жизнь делу, специальности, которая требует определенного осознания необходимости твоих усилий для

общества. Друзья иногда пожалуются тихонько: «Тяжело работать». «Так смени профессию! — подначишь иногда, хотя заранее знаешь ответ. «Как смени? А кто же будет трудную работу делать, если все начнут искать легкую?» Вроде бы не так уж и значительно такое заявление, но в нем — весь наш рабочий человек. Вообще чувство долга, рабочая совесть у настоящих мастеров очень высоки. А почему? Потому, что войти в рабочий класс, удержаться в нем — не просто. Нужна воля. Нужен мужской характер. Нужно, если хотите, гражданское мужество. Легкой рабочей жизнью не бывает. Хорошо помню дни войны. Немцы давили, подходили к Москве. Работали день и ночь. Раскладушки ставили в клубе, но спать немного приходилось...

Конечно, диспутов о долге не вели. Да и сейчас этот вопрос у меня, например, не вызывает разночтений. В моей трудовой книжке всего одна запись — дата поступления на завод. Я ему верен. Специальности верен.

Правильно ли ты жизнь прожил — потом по сыновьям своим поймешь. В школьные дела сына я не вникал. Не требовалась опека. И на завод не звал. Просто мой образ жизни сыну показался именно тем, какой нужен и ему... А мне большей награды и не надо.

П. В. ВАЛОБУЕВ, кандидат технических наук, доцент Уральского политехнического института:

— Нужна ли за исполненный долг награда? Она всегда есть — чувство удовлетворения, причастности к общему делу. Тут прозвучала мысль, что острее долга направлено в доброе, возвышающее человека. А ведь может быть и слепое исполнение долга. Ученый в современной науке должен, я подчеркиваю это слово, соизмерять свои действия с нравственным чувством, с совестью. Слепое исполнение долга может привести к катастрофе всего мира. Да, это именно так. Могущество науки, обращенное во зло, может привести человечество к неисчислимым бедствиям. Очень важен здесь нравственный выбор личности, его идеал, его жизненная цель.

Вообще-то долг естествоиспытателя — хорошее любопытство. Заглянули в затаенные глубины атома, а там колоссальный запас энергии! Научились ее использовать, построили атомные электростанции. Но на военных складах копятя и атомные бомбы...

Как важно выделить момент, когда твоя деятельность перестанет вдруг служить высшим интересам человека.

Жизненный опыт учит: труднее всего выполнять долг в будничных ситуациях, когда бдительность сердца и ума несколько убавяются... Кроме того, в одиночку человек никогда не работает. Он связан тысячами зримых и незримых нитей с другими исследователями. Надо уметь подниматься до осознания общественного долга.

Серьезная, например, ситуация скопилась в биологии. Бурно развивается генная инженерия. Ученый может вмешательство практически непредсказуем. Можно случайно, можно намеренно создать такой вирус, что человечество не успеет найти способ борьбы с ним...

Вступая на широкий жизненный путь, не забывайте: в мире науки, в труде, в любом деле последствия выбора человеческого имеют громадное значение. И потому необходимейшее условие для роста личности — благородство цели!

А. А. АНУФРИЕВ, заслуженный учитель школы РСФСР, заведующий кабинетом политехнизации Свердловского областного института усовершенствования учителей:

— Это совершенно верная мысль — благородство цели, верность долгу наедине с собой особенно значительны в человеческом характере. Но жизнь сложна. Иногда приходится искать в себе мужество, идти на риск. Как вы посмотрите на такую ситуацию. Она из моей воспитательской практики. Дружили три парня. И вот двое

школьников решили выпить. А третий сказал: «Я не буду и расскажу, если выпьете вы...» Ему пригрозили. Но парень не испугался.

Классу должны были присудить первое место в соревновании, но парень встал и сказал: «Нельзя нам быть первыми...» И объяснил причину.

Его не назвали доносчиком, напротив, он стал уважаемым человеком в школе. Он действовал согласно чувству долга — и это всегда бывает оценено правильно.

А разве за это драгоценное чувство долга не нужно бороться, если тебя не понимают?

Я работал заведующим облоно. Однажды мне говорят: «К вам на прием пришел мальчик...» Действительно, заходит не очень опрятного вида подросток и говорит хмуро:

— Скажите, у нас в Советском Союзе все имеют право учиться?

— О ком речь? О тебе?

— Обо мне...

— Расскажи...

Жил в детдоме. Сбежал. Попал в плохую компанию. Стал соображать, что делает плохо... Дал ему денег на обед и думаю: как с ним поступить? Ясным было одно: человека надо спасти... В интернат — нельзя. Он сильно отстал, не справится с учебной программой. Обратно в детский дом? Я чувствовал, что это не лучший выход.

И я рискнул: в обход существующего порядка устроил его в школу рабочей молодежи...

Через несколько лет домой ко мне зашел молодой человек в военной форме. Он сказал: «Я считал своим долгом встретиться с вами». А вернулся он из Чехословакии, где помогал нашим друзьям отстоять завоевания социализма. Там он выполнил свой гражданский, интернациональный и солдатский долг...

Нелегко путь к зрелости. Не уставайте, дорогие друзья, помогать, не стесняйтесь принимать помощь...

А. П. ПРОСКУРЯКОВ, пионер с 1923 года, комсомолец с 1925 года, участник Великой Отечественной войны:

— Но выбор этот не простой — взять на себя долг или ждать, пока долг перед тобой выполнит другой. Надо уметь идти первым!

Есть такая формула: «Человека человеком делает выбор». Точная формула, ее следует запомнить, как закон Ома. Но не худо бы и прочувствовать на себе самом, понять ее, «прожить»...

Я, например, и до войны знал эту формулу. Ну, нельзя сказать, что на зубок знал, но во всяком случае предполагал о ее существовании, она, может быть, так четко не оформившаяся «графически», жила внутри меня. И вот война. Ее будни. Ты принес из отцовского дома на поле брани всю свою, как тут сказали выше, «систему ценностей». Вот где проблема Выбора встала передо мной (да и перед любым другим солдатом) в полный рост.

Знаете, отчего фронтовики все седые? Не от страха, не от слез и даже не от потерь. Вернее, не столько от страха, слез и потерь, сколько от ежечасной обязанности, ежеминутного долга делать Выбор. Один-единственный Выбор. Тот самый, который и делает человека человеком.

Знаете, отчего все фронтовики седые? Седина — это цвет сомнений, сгоревших в мозгу и сердце, цвет Выбора, продиктованного Долгом.

На войне я был командиром взвода. Величина в армии, между прочим, немалая — в твоём подчинении три десятка бойцов. Не три десятка «штатных единиц», а три десятка судеб, жизней, отцов, сыновей, мужей, жеников.

Словом, серьезная величина, не всегда даже поддающаяся измерению.

Так вот. Помню один эпизод в конце войны. Подчеркну — в конце войны. Это очень важно в моем рассказе.

Наш взвод уперся в лесистое болотце, как картофелем, густо засеянное минами. Его не обойти. Выход один — нащупать проход в поле смерти и пройти. Специнструмент один — собственные руки и ноги. Кто пойдет? По-

пробуй, вызовись, когда уже май 45-го греет землю, а тебе еще 19 и в родной деревне ждет девчонка, с которой так и не успел еще поцеловаться... Смотрю на взвод. Взвод смотрит на меня и ждет команду. Напряженно смотрит, а делает вид, что спокойно, даже флегматично. Честное слово, увидел бы в чих-нибудь глазах панику, страх за собственную жизнь, наверное, послал бы эти глаза тропить минное поле. Не увидел. Выдержали парни...

Тогда решил пойти сам. И пошел.

Теперь, почти сорок лет спустя, как посмотрюсь в зеркало за бритьем — вспоминаю то поле. Виски напоминают.

Чувство долга — оно с годами растет в человеке, если живешь правильно. Оно, как годовые кольца в срезе дерева, все о человеке расскажет. Чем больше таких колец — тем серьезнее человек, тем больше в нем этого чувства — долга. Ответственности больше. За себя. За других. За время, в котором он наживает эти самые годовые кольца.

РАДИК ХАЗИЕВ, секретарь комсомольской организации школы:

— Мне еще не приходилось делать в жизни выбора, равного, скажем, выбору Андрея Петровича, и потому отвечаю на ваш вопрос так, как понимаю, что мне подсказывает мой, еще небольшой жизненный опыт.

Свой долг перед обществом лично я на данном этапе понимаю так: учиться, учиться, учиться. И как можно лучше. Это, если придерживаться образных выражений, первое «годовое кольцо» на срезе моего дерева. Конечно, далеко не последнее, но первое, этапное. Я должен стать грамотным, толковым специалистом.

Второе, я должен не ошибиться в выборе профессии. В нашей школе созданы все условия, чтобы мы могли еще на школьной скамье верно сориентироваться, выбирая профессию. Один день в неделю мы, разбившись на группы по интересам, занимаемся электротехникой, автоделом, фармакологией, радиоделом, кулинарией... Почему именно этими специальностями, а скажем, не дизайном или журналистикой, хореографией? Не готовят из нас и пожарников, следователей, водолазов, спелеологов... Почему? Да потому, что программа обучения опирается на потребности конкретной местности — нашего Октябрьского района. У предприятий района голод, скажем, на электротехников, а не на водолазов. И мы это понимаем. Не все, конечно, понимаем, но большинство.

Думаю, и в такой «мелочи», как выбор профессии, тоже проявляется чувство долга. Подлинно свободный человек тот, кто способен — и в большом и в малом — принимать решения со знанием дела, с чувством полной ответственности за его результат...

А. П. ПРОСКУРЯКОВ:

— Я бы даже сказал так: чем более свободен человек, тем более он и ответствен. Подлинно свободный человек не избегает ответственности, а идет ей навстречу. Его выбор — свидетельство его силы. Ведь недаром, если глубже разобраться, именно в ответственности перед собой, профессией, обществом человек реализует себя как личность максимально.

Возможно, мудроно сказал, но по мне лично так: настоящий мужчина, мужчина с твердым характером (за женщин говорить не решаюсь, не специалист я в этой области), выбирает или во всяком случае должен выбирать такое решение, которое в итоге своим ведет не к уменьшению, а к усилению его ответственности перед обществом. Вот так. Только так.

ИРИНА САМСОНОВА, член комитета комсомола школы, председатель клуба «Смена»:

— Вполне разделяю это мнение. Согласна я и с Радиком Хазиевым, который первым долгом сейчас счита-

ет учебу, выбор профессии. Все это так. Но для меня, например, это еще далеко не все. Скажу откровенно (в противном случае к чему тогда весь наш разговор) — своей сверхзадачей ставлю: вырастить обществу хорошего человека. Видимо, в каждой женщине долг матери, жены, хранительницы семейного очага — первородный и вечный долг. Он всасывается вместе с молоком матери же. У женщины, мне кажется, долг — быть женщиной. Со всеми вытекающими отсюда обязанностями.

Я на маму свою смотрю. Она инженер, и хороший инженер. На работе — безусловный авторитет. Но я же вижу, что основная ее мелодия (если так можно выразиться) звучит в ее доме, в ее семье. Это ей приносит более полное моральное удовлетворение, чем что-либо другое, поверьте. И я хочу походить на нее, быть счастлива ее счастьем.

Уверена, что именно этого хотят большинство женщин. Хотя знаю и другие мнения. Одна моя знакомая, например, вообще не понимает меня, моей сверхзадачей. И тоже, между прочим, по примеру семьи, в которой выросла. Что ж, это лишний раз подчеркивает мысль Алехина, моего любимого писателя: от родителей наследуется не только какое-либо душевное качество, но и отсутствие такового...

Я хочу, чтобы мои дети могли взять от меня только хорошее, много хорошего, как можно больше. Поэтому уже сейчас я должна, просто обязана заботиться о своем духовном мире, а не о приданом, как это еще нередко бывает.

ПАВЕЛ РАСКОВАЛОВ, вице-президент общества «Поиск», член комитета комсомола школы:

— Хочу продолжить формулу Радика Хазиева: «учиться, учиться, учиться». Давайте уточним — чему учиться? Алгебре, физике, языкам... Да. Безусловно. Но учиться только этому и считать это самоцелью — не значит ли ограничивать, обеднять себя? Здесь уже цитировали Гете. Вспомним его еще раз: «...то, что я знаю, узнать может всякий, а сердце такое лишь у меня».

Считаю, что мы как раз в том возрасте, когда законы че-ло-веч-ности надо усваивать с неменьшим, если не с большим, вниманием и желанием. Надо стремиться прежде всего развить сердце, а потом ум. В конечном счете все умные люди (в высшем смысле этого слова) именно сердцем своим и умны.

Мы сплошь и рядом твердим на уроках и в быту: «моральные ценности», «духовные ценности», «нравственные ценности». Мы так к ним привыкли, что, считая их достаточно существенными и серьезными, в то же время видим за ними — формулами — не жизнь живую, а что-то вроде школьного наглядного пособия — умной диаграммы или таблицы. Мы воспринимаем эти формулы как нечто безусловно важное, но отвлеченное, книжное.

Уметь разглядеть за всем этим «живую жизнь» со всеми ее остродраматическими и смешными ситуациями — непростая наука. И должно грызть ее гранит.

Мир хорош (или плох) не хорошими (или плохими) математиками. Мир хорош (или плох) хорошими (или плохими) людьми.

ВЕНИАМИН БАРКАН, ученик 9 «А» класса, президент общества «Поиск», политинформатор, член школьного комитета комсомола:

— Вот, кажется, простое слово: «долг». Всего четыре буквы. Твердое слово. Лаконичное и ясное, как приказ. Да, фонетически — простое. А по сути? По сути — попробуй достучись до его сердцевины, загляни в его глубину — голова кругом пойдет от высоты такой.

Долг... долги... должен... Что должен и кому? Я вот у Самсоновой брал в займы общую тетрадь в линейку неделю назад — должен вернуть. Дело яснее помидора.

Придет время — пойду служить в армию. Здесь то-

же более или менее ясно — долг перед отечеством. Мужской, солдатский долг.

Мы рождены под звездой с названием Долг. Я, например, понимаю это так: человек обязан быть тем, чем он может быть... И вы, и я, она, они — каждый из нас обязан реализовать для общества то, что заложено в нем природой. Вот путь, достойный человека! Да, наше время любит конкретные дела. Я президент группы «Поиск». Она образована в 1979 году. Мы отыскиваем участников войны, наших выпускников. Вот один из них — Герой Советского Союза Виктор Барковский, летчик, человек необычайного мужества... И с каждым новым именем новое подтверждение истины: долг и мужество — рядом. Долг и честь — рядом. Долг и героизм — слова-братья.

Прикоснувшись к подлинной истории, начинаешь понимать эту истину. И чувствуешь силы для служения ей.

...Вроде незаметно завязался разговор. Только незаметно ли? Убедительность опыта, восприимчивость молодости — не это ли гарантия преемственности нравственных идеалов поколений. Преемственности непрерывной, углубляющейся.

«Мы располагаем большими материальными и духовными возможностями для более полного развития личности и будем наращивать их впредь», — так сказал в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС Леонид Ильич Брежнев. Есть на что опереться в исканиях твоих, юный друг!

Беседу записали
С. РЫКОВ, Ю. БОРИСИХИН

Фото
А. Лысякова

У Карского моря

Анатолий
ПАШУК

Цветные фото
автора

Вам приходилось видеть, как после зимнего стойлового заточения телят выгоняют на луга? Они буквально шалеют от избытка свободы, чистого воздуха и пьянящих запахов трав. Немало усилий приходится приложить пастухам, чтобы остепенить опьяневших от вольной воли телят.

Нечто подобное происходит и с нами, горожанами. Я и сейчас со стыдом вспоминаю свою первую экскурсию в тундру.

Случилось это утром. Я даже не позавтракал — уж очень заманчиво поблескивали зеркальца озер в лучах утреннего солнца. Их было масса, больших и маленьких водоемов и просто мелководных луж в пойме небольшой речки, впадающей в Карское море. Стояла осенняя пора, молодняк уже поднялся на крыло. Такого обилия дичи, да еще совершенно непуганой, мне не приходилось видеть ни разу. Настороженно следили за мной крупные гаги в своем пуховом наряде. Правда, осторожность их проявлялась, когда нас разделяло расстояние не больше тридцати метров.

Верный выстрел!.. Поднялись в воздух встревоженные чирки и какие-то не известные мне утки. Кулички-плавунчики закрутились на воде, как поплавки при хорошей поклевке.

Я вошел в такой охотничий азарт, что всю дорогу бежал бегом. Запыхавшись, подбежал я к крайнему чуму, где жил с матерью молодой охотник Петя Лаптандер.

— Петя, бери ружье, идем на охоту — там столько уток!.. — с трудом сдерживая волнение, проговорил я.

— Нет, не пойду, — чуть помедлив с ответом, сказал Петя, — наш народ осенью птиц не бьет. За грех считаем бить птицу, которая еще мало летала и ничего не видела. А потом у нас и так есть еда.

И я представил, каким бы дикарем выглядел в глазах ненцев, если бы носился в азарте с ружьем от озера к озеру, палил бы по еще непуганой птице, достреливал подранков, а может, и не успешных даже подняться на крыло птенцов — попробуй разберись в охотничьем-то угаре! Бежал бы, обрадованный удачей, по мелководью подбирать дичь, а после, улыбающийся, тащил связку безжизненно висящих тушек...

Юридически осенняя охота уже была открыта. Но здесь, на побережье, свой закон, а вернее — мудрое правило, сложившееся в веках: нельзя стрелять дичь. Распугаешь птицу — покинет эти края и песец. Да и какой смысл стрелять — ловится омуль, есть оленина.

Если бы не это мудрое правило, охота на уток в наших краях практически длилась бы всего один день — день ее открытия...

Всякий визит в природу, с фотоаппаратом или ружьем, я считая праздником. Праздником началось для меня и то первое утро в тундре, когда я получил урок. Оставив ружье, я бродил по тундре, впитывая все ее краски, шорохи, объедаясь морошкой, которая, как говорят, похожа на фруктовое мороженое.

Но длилось это недолго. Океан тяжело завздыхал, широко раскачивая водяные валы по песчаным отмелям. На северо-западном склоне неба сурово сдвинули брови свинцовые тучи. Ветер заметно посвежел. Палатки округлились и стали похожи на мини-ангары или диогеновы бочки, наполовину вросшие в землю.

Мы ушли в гости в соседний чум, где хозяйничала молодая хозяйка Аннушка. На шкурах ползал привязанный за пояс ве-

ревкой (чтобы не смог добраться до раскаленной печки-железянки) маленький сынишка Колька. На Кольке меховая малица и меховые чулки-чижики. Штанишки надевать пока опасно, придется часто менять; и та часть тела, что ниже пояса, поблескивает белизной и, наверное, постоянно мерзнет. Видимо, поэтому Колька рад малейшему случаю посидеть на ладони у отца — она огромная и теплая.

Тэдэка, муж Анны, пилит оленью кость для упряжи. Тэдэка никогда не сидит без дела. Его мощные руки постоянно держат топор, нож или рубанок.

Сама Аннушка не так давно закончила школу. Мне говорили, что она была секретарем комсомольской организации в школе. Сейчас вот разделяет с мужем все тяготы нелегкой жизни охотника. Жены рыбаков, охотников и оленеводов числятся в совхозах и колхозах на работе и получают зарплату: ввели такую должность — работница чума. Суровые северные условия прибавляют забот женщинам: нужно шить кисы, малицы, торбаса и другую меховую одежду всем членам семьи, поддерживать ее в исправности, ведь малейшая дырка в обуви в сильные холода грозит обморожением. Нужно растить детей и постоянно топить печку, готовить еду, помогать обрабатывать добычу. В общем, забот много, и семья — это уже целый рабочий коллектив...

Постепенно все население перебралось в чум к Аннушке, и жилище превратилось в клуб. Кто-то просто беседовал, кто-то играл в подкидного дурака, женщины мяли нерпичью шкуру. Мой дорожный товарищ Василий Филипович Денисов делал фломастером наброски в альбом.

Петя Лаптандер вначале делал за рукой художника, а после сбежал в свой чум, принес оттуда чистую ученическую тетрадку, карандаш и журнал «Наука и жизнь» — для жесткости, чтоб удобнее было рисовать. Журнал этот Петя любит, выписывает его в поселок, где бывает не чаще одного раза в полгода, и сразу по-

лучает на руки целую кипу экзemplяров.

Через несколько минут Петя протянул Денисову тетрадь, где был нарисован портрет... Василия Филипповича. Причем выведен был портрет твердыми, с нажимом, линиями, словно профилей этот был настолько знаком Пете, что он мог нарисовать его с закрытыми глазами.

Потом в тетради у Пети такими же уверенными линиями нарисовал мой портрет Александр Лаптандер. Все-таки дар рисовальщика у северян, наверное, заложен с детства. Не случайно женщины — nenки, ханты, манси — такие искусные мастерицы: их орнаменты отличаются художественным вкусом. А вырезаются они, между прочим, сразу на материи — без выкройки или трафарета... В школах почти все дети любят уроки рисования. Бывая на Севере, я всегда с большим удовольствием просматриваю рисунки школьников и студентов: по-своему они видят мир, свое у них композиционное построение. И, как правило, сам рисунок у них четок — видимо, рука без колебаний выводит образ, родившийся в мыслях.

Дождь чуть поредел. Ветер в низинке стал не так силен. Володя Окоэтто предложил устроить соревнование по перетягиванию. Тэдэка прихватил с собой доску, а Петя сбегал в чум за новеньким топориком: оно заменило канат.

И вот уже уперлась первая пара соревнующихся в доску ногами, крепко ухватились за топориком, спины согнуты так, что грудь касается колен... И замерли в напряжении люди: те, кто соревнуются, и те, кто болеют. Только багровеющие лица соперников да вздувшиеся на руках жилы выдают волнение. Вот один из противников стал медленно отрываться от земли, он еще пытается схитрить — рывком подает тело вперед, а после резко тянет на себя; но исход борьбы уже предрешен — победитель перетягивает противника на свою сторону.

Без поражений во всех схватках прошел Иван Сэримович Лаптандер. И неудивительно! Во-первых, за него страстно болела его красивая жена Таня. Во-вторых, и сам он не промах. Рослый молодой парень, настоящий сын своего отца-богатыря. Я видел его отца. В день нашего прилета он приходил из соседнего стойбища в лавку за товарами, а это по тундре напрямую десять километров, по берегу же, во время отлива — и все пятнадцать будет. Крепкий старик! Рост — сто девяносто, в плечах косяк саженей... И стариком я его ни за что бы не

назвал, если бы председатель сельсовета не уверила меня, что Сэрима Лаптандеру уже за семьдесят... Всего у Сэрима — шестнадцать детей.

Такой вот у Ивана отец. И сыну, видно, досталась его силушка! ...Кругом тундра. На сотни километров — ни единого деревца. Да и лесотундра, которая после придет на смену безлесью, не очень-то щедро на добротное, годное для хозяйственных нужд дерево. Все — нарты, шесты для чумов, длинные и легкие хорей, лодки, лыжи, пол в жилище, бочки для засолки омуля — все это подарило море.

Николай Окоэтто вчера нашел на берегу дубовый брусочек, а сегодня пристроился с южной стороны чума, за ветром, и старательно шлифует ножом новое дубовое топориком.

Рядом сидит на бревнышке Тэдэка. Сосредоточенно строжеет что-то, то и дело соскакивает с места и ныряет в чум — там у него на костре распаривается какая-то деталь. Наконец он вытаскивает дымящуюся паром деталь наружу. Это оказывается выточенная ножом втулка. Он насаживает ее на деревянную ось, и я догадываюсь, что мастерит Тэдэка ненецкую дрель, какие делали еще в прошлом веке.

К концу дня дрель была готова, и я с тревогой подумал, что вот сейчас Тэдэка станет пробивать отверстие для сверла и может расколоть ее.

Но Тэдэка пошарился в грузовой нарте и вытащил из-под оленьей шкуры обычную железную дрель с шестернями, какие продают в магазинах строительных материалов, и просверлил ею отверстие. У него, оказывается, дрель была.

Просто нашел Тэдэка чурочку ольхи, а этот материал легко обрабатывается и как нельзя лучше подходит для сложных деревянных поделок. И не мог он позволить, чтобы такой вот дефицитный в безлесном крае материал стorer в костре. Да и деревянная дрель легче, для зимних охотничьих странствий удобнее.

...Петя Лаптандер обещал мне показать гнездо сокола. Долго собирался, наконец, взял для меня у Володи Окоэтто суконную парку, и мы пошли.

Для Пети такая ходьба привычная, он родился и вырос в тундре. С шестнадцати лет стал охотником. Петя окончил восемь классов, когда умер отец; ему, как старшему сыну, пришлось заменить в семье хозяина. Два младших брата, двойняшки, учатся в школе и уже улетели в Белый Яр, в интернат. Петя с матерью ос-

тался здесь, в тундре. Скоро они откаслают в глубь материка, на зимние охотничьи угодья, где будут добывать песцов, ловить куропаток и слушать завывание выюги длинными полярными ночами.

За большим мысом на берегу озабоченно ходили по туше нерпы чайки, словно раздумывали, как лучше с ней разделаться. К своей должности санитаров они относились со всей ответственностью.

Петя протянул за желтоватую щетину нерпу. Она не поддавалась. Значит, шкура не подопрела. Он решил подождать, когда окончательно уйдет вода, чтобы освежать нерпу, а мне предложил сходить в тундру. Он поднял с земли палочку и начал рисовать на песке карту. Его рука уверенно обвела контур мыса, после на песке появились озера и просто лужицы, бугры и впадины... Я поражаюсь Петиной памяти: малейшие приметы однообразной тундры он помнил, как школьник таблицу умножения.

Так вот откуда четкие рисунки северян! Многовековая практика ориентирования обострила зрительную память и развила чувство линии, благодаря чему человек в любой момент может восстановить в памяти скупые на этой земле ориентиры, а если потребуется — то и воспроизвести их на песке или снегу. Рисуя, nenцы переносят на лист бумаги отложенные в памяти картины природы, а главное в таких картинах — сам факт существования предметов, их расположение в пространстве, отношение друг к другу, а вовсе не масштабное соотношение на рисунке...

Гнезда я не нашел. Карта была настолько подробной, что я ничего не запомнил, а перерисовать на бумажку сразу не догадался. Так все было четко на песке обозначено, что я представил себя у гнезда воочию... А, может быть, и был в том районе, но уже подросли и улетели птенцы.

Закончился летний сезон... Скоро ударят морозы, птицы покинут эту щедрую летом землю. Скоро опустеет тундра в этих местах. Останутся здесь Николай с женой и двумя маленькими ребятишками. Одни на сотни километров — в чуме, стоящем на семи ветрах...

Н а с н и м к а х:

в тундре буйно цвели ромашки; скоро закончится сезон, и останется здесь, на сотни километров, одна семья; солнце не очень радует северян, но это лето выдалось жарким.

УЧАСТНИК ЛЕГЕНДАРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

**Алексей
ВОРОБЬЕВ**

Латыш Фридрих Малер встретил революцию в Москве. В семнадцать взял винтовку, чтобы защищать Советскую власть. В составе бригады курсантов дрался на Южном фронте против банд атамана Зеленого. Был связан с Союзом красных фронтовиков Германии, который возглавлял Эрнст Тельман. И еще одна памятная страница биографии Малера — он был участником легендарной экспедиции на ледоколе «Александр Сибиряков».

Июнь 1932 года. Фридрих Юльевич работал тогда в научно-экспериментальном секторе треста Союзвзрывпром, руководил группой по разработке методики борьбы с ледяными заторами и донным льдом. Управляющий трестом Диннер, кстати, знакомый еще по службе в латышской армии, предложил Малеру поехать с экспедицией Шмидта в качестве взрывника.

Экспедиции предстояло за одну навигацию пройти впервые в истории Великим Северным путем. И, естественно, желающих было — хоть отбав-

ляй. В плавание просились все, не останавливаясь ни перед чем. Рядовым матросом на корабль «Александр Сибиряков» поступил... штурман дальнего плавания Адаев. Буфетчиком, о котором упоминает в своей книге «Великим Северным» кинорежиссер В. А. Шнейдеров, стал писатель Александр Лесков...

Ближайшим помощником Шмидта был профессор Владимир Юльевич Визе, большой знаток Арктики. Командовал кораблем известный полярный капитан Владимир Иванович Воронин. Радистом служил на ледоколе Эрнст Теодорович Кренкель.

В экспедиции участвовали также писатель Сергей Семенов, художник Лев Канторович, специальный корреспондент «Известий» Борис Громов, врач Л. И. Лимчер. Секретарем экспедиции назначили Леонида Муханова, одновременно он исполнял обязанности корреспондента «Комсомольской правды». Малеру предложили освещать ход экспедиции в газете «Труд».

В море вышли 28 июля.

На борту «Александра Сибирякова» были... живые коровы и поросята — на случай цинги. А фотограф А. К. Новицкий, уже не раз ходивший в Арктику, взял с собой даже петуха.

Провожать Муханова приехал его товарищ, студент полиграфического института Федя Решетников. Он очень просил взять его с собой. Тем и понравился Шмидту — взяв Федора в последний момент. И когда уже были в пути, Шмидт заметил, что коровы стоят недоенные. На другой день в кают-компании висел экстренный выпуск «Ледового крокодила». На рисунке был изображен сам Шмидт, доящий коров. При этом к нарисованному от руки его профилю была приклеена из крашеной пакли борода — ни дать, ни взять знаменитая, шмидтовская.

Федя Решетников был организатором шумовых оркестров и вместе с Громовым, Трояновским, Шнейдером и Мухановым выдумывал разные шутки, подбадривающие экипаж в тяжелые моменты плавания. А их было немало...

Море Лаптевых. 16 августа вошли в тяжелые льды. Корабль, наезжающий на них, повисал — не мог ни продвигаться дальше, ни отойти назад. Тогда приходила на помощь Малер с взрывчаткой.

Однажды при форсировании не

слишком толстого льда корабль словно налетел на подводный камень. Оказалось, обломаны все лопасти винта. Механики заменили их на запасные ту же, в море.

18 сентября, рано утром, корабль опять испытал два страшных удара. На этот раз авария была неисправимой — обломился конец гребного вала, унесло на дно ступицу со всеми четырьмя новыми лопастями. Судно превратилось, как выразился капитан Воронин, во временную ледокольную баржу с электрическим освещением и паровым отоплением.

Тогда и началась дрейф, длившийся до 1 октября.

Весь остальной путь до Берингова пролива сибиряковцы проделали следующим образом. Выбрасывали на лед якорь с тросом — подтягивались, выбрасывали другой — снова подтягивались к нему с помощью лебедки. Лед под носом корабля взрывали. А когда удалось выйти в сравнительно большую полынью, по предложению матроса Павла Снзых на рен навесили трюмные брезенты, и ледокол превратился в судно под черными «пиратскими» парусами. Так и двигался мужественный экипаж.

— Сообщив в Москву об испытываемых нами затруднениях, — рассказывал много лет спустя Ф. Ю. Малер, — мы тотчас получили предложение многих иностранных кораблей прийти к нам на помощь, но лишь в Беринговом проливе, когда сибиряковцев встретил рыбный траулер «Уссуриец», встали на буксир и пошли в Петропавловск-Камчатский.

Задание партии и правительства — преодолеть Великий Северный путь за одну навигацию — было выполнено. В следующем, 1933 году такой переход, но в обратном направлении (Владивосток — Архангельск) проделал повторно ледорез «Литке». А потом этот путь стал безотказно действующей магистралью, оснащенной самолетами, вертолетами, мощными ледоколами...

Родина высоко оценила подвиг экспедиции на «Сибирякове». В числе других ордена Трудового Красного Знамени был удостоен и Фридрих Юльевич Малер.

Долгие годы Малер работал затем на Урале, в Нижнем Тагиле. Он немного не дождал до своего 75-летия и до полувекового юбилея экспедиции на «Сибирякове»,

В ДОРОГЕ ВСЕ, КТО МОЛОДЫ

Донесения с партизанских троп

Экспедиционный отряд юных туристов «Искра» из Киева вместе со своим руководителем Кимом Иосифовичем Вахлисом до сих пор выбирал себе дальние маршруты: Карпаты, Саяны, Каракумы, Карелию. Но вот прошлой осенью ребята обьявили своим поисковым районом Житомирщину — сначала ушел в разведку штаб, а потом отправился в экспедицию и первый отряд...

Олевск, Перга, Словечно. Овруч — это путь партизанского соединения под командованием Степана Федоровича Маликова, ныне директора института повышения квалификации руководящих работников и специалистов Минторга СССР. В его кабинете в присутствии бывшего секретаря Житомирского подпольного обкома комсомола В. А. Голика, собственно, и был продуман новый маршрут, выбранный следопытами.

Осенью 1942 года высадился в Полесье, в глубоком вражеском тылу, десант, посланный из Москвы, — двенадцать человек. Он и положил начало отряду народных мстителей. Одних комсомольцев было потом в соединении 2600 человек; одиннадцать подпольных райкомов комсомола действовали в тылу врага. А сколько пионеров помогало партизанам!.. Лихому партизанскому командиру Степану Маликову было тогда двадцать девять лет.

Цель новой экспедиции украинских следопытов — пройти дорогами народных мстителей, записать воспоминания старых партизан и местных жителей, подробно описать боевой путь партизанского соединения.

«Кто посадил лес?»

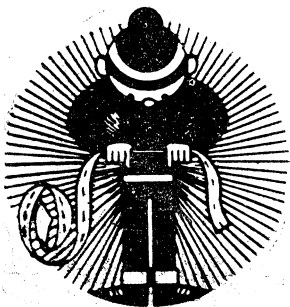
Пески, пески на левобережье Днепра... Называют их Алешковские, а точнее Олешковские, Олешье. Так и чувствуется в этом слове корень «лес». Только где он сам? Одни пески, безводные, сыпучие, и курганы-кучугуры, наметенные тоже песками.

Между тем веков семь-восемь назад были в Олешье настоящие леса — сосна, дуб, береза, лещина. Об этом говорят исследования археологов, географов, лесоводов. Об этом свидетельствовал и Геродот.

Четверть века херсонские лесоводы высаживают на Олешковских песках новый лес. Сто тысяч гектаров насаждений!.. Работа эта непростая. «Будет ли здесь расти сосна?» — спрашивают лесовода из Голый Пристани Евдокию Гордеевну Яценко, тридцать лет высаживающую здесь сосну. «Кто его знает, — отвечает она, — который лес раньше сажали, тот вырос. В нашем деле загадывать трудно, стараемся...» Вот так, спокойно, не загадывая — надо делать. Хотя, наверно, в этом есть что-то от подвига: вернуть людям лес, существовавший еще семь веков назад, на песках поднять сосновые боры...

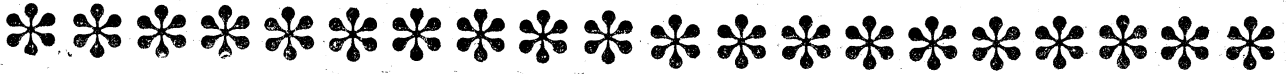
Кто сажит лес в нашей стране? Чьими руками украшается родная земля? Не стоит ли ввести таблички при входе в новорожденные леса, чтобы люди знали, кому надо быть благодарным за это великое и трудное дело? Газета «Лесная промышленность» обращается ко всем следопытам страны: узнайте, кто автор рукотворных лесов. Пройдут поколения, и даже самым настойчивым следопытам невозможно будет доискаться, кто носил нежные саженцы на голые места, кто махал сапкой и лелеял поросль. На той же Херсонщине, неподалеку от Голый Пристани, работает лесник Михаил Загреба. Еще подростком он стал сажать сосенки. Хорошо помнит, что начинал сажать леса в его местах М. П. Присяжный, впоследствии ставший Героем Социалистического Труда. А сынишка Загребы уже не знает, чьими руками посажены сосны, мимо которых он ходит в школу...

Следопыты могут узнать много имен. И пусть не у всех лесов будут визитные карточки, но там, где особенно трудно вырастить деревья, где боры и чащи поднялись словно чудо, вопреки условиям и благодаря человеку, — там должны быть таблички с именами людей, на века вперед оставивших дело рук своих.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Судьба-символ

Много ездят по родному краю следопыты из клуба «Поиск» троичкой средней школы Анивского района Сахалинской области. Одна из последних поездок совершена в Благовещенск. Школьники побывали в краеведческом музее и музее истории высшего командного танкового училища, в городском Доме пионеров, на предприятиях. Им довелось встретиться со многими интересными людьми. Но своей главной удачей ребята считают знакомство с Федором Яковлевичем Чихманом.

Есть люди, символизирующие судьбой своей историю целого поколения. Вот почему так дороги следопытам встречи с этим замечательным человеком, воспоминания, записанные с его слов, подаренные фотографии, ставшие теперь экспонатами музея троичкой школы.

...Не было легких боев у солдата Чихмана, как и у всех солдат. Однажды из всего оружейного расчета остался он один. Лишился в бою правой руки... Что он мог сделать? Однако Федор Чихман вышел из сражения только тогда, когда подбил еще один фашистский танк — девятый по счету.

После тяжелейших ранений и долгого лечения в госпиталях он добился, чтобы его оставили в действующей армии. А после войны сумел вернуться к своей довоенной профессии — водителя.

Недаром поэт Сергей Васильев взял Федора Чихмана в качестве прообраза наводчика Отрады в поэме «Москва за нами»...

● Дорогой мужества

У каждого школьного музея в Прибалтике есть своя тема, свой поиск. Ребята из сосновоборской школы № 2, например, собирают материалы о 5-й отдельной морской бригаде, школьники из Лопухинки могут многое рассказать о местных партизанах... Но надо не только знать о сражениях в своем районе, поселке. Надо представлять, что значили выигранные бои, как изменяли положение на фронте и сливались в общую победу.

С этой целью сосновоборские школьники отправились в путь. Начинаясь дорога от речки Воронка, маленькой речки, каких в России тысячи. Но именно здесь в сентябре 1941 года воины 8-й армии и моряки-балтийцы остановили фашистскую орду, прошедшую всю Европу... Дальше — Копорье, Лопухинка, Гостилицы, под памятными плитами которых захоронено 2354 воина... Километр за километром ребята прошли по дорогам Ораниенбаумского «пяточка». Деревня Порожки, шоссе, где стояли насмерть курсанты и преподаватели морского училища, Петергоф...

Монумены, обелиски, мемориалы отметили ныне путь, где сражались защитники Ораниенбаумского плацдарма. И каждый подвиг, каждое имя, о которых знали ребята у себя в школе, получили новый, масштабный смысл. Многое становится ясным, когда увидишь своими глазами...

● Урок истории в музее

● Музей 6-го гвардейского Краснознаменного орденов Ленина и Суворова II степени штурмового авиаполка создан в 692-й московской школе. Уроки мужества в школе проводят первый командир полка генерал-майор Л. Д. Рейно, генерал-майор авиации В. И. Коробкин и их однополчане.

● Около тысячи экспонатов, воссоздающих обстановку старинного якутского жилища, — хороший наглядный материал для уроков истории в елдейской средней школе Якутской АССР. Музей этнографии размещен на территории школы, в старой якутской избе.

● Останки гигантских мамонтов и носорогов, гербарии целебных трав, чучела птиц и зверей — сотни интереснейших экспонатов собрали в музей ученики школы № 55 в Талицком мехлестхозе Свердловской области во главе с главным лесничим Г. В. Коростелевым. Музей лесхоза стал базой для проведения районных и городских конкурсов юных лесоводов, ботаников.

● По всей Сибири разбросала судьба ссыльных декабристов. В селе Новоселенгинск Бурятской АССР многие годы собирали школьники вещи, принадле-

жавшие декабристам. Обнаружены дневники М. Бестужева, вещи с его инициалами, мебель, сделанная в мастерской ссыльных. Для школьного музея нашлись интересные материалы о пребывании декабристов на Селенге. Теперь музей стал государственным.

● На Хустчине в Закарпатье школьниками роковской средней школы создается музей атеизма. В его экспозиции есть стенды: «Религия античного мира», «Происхождение религии», «Новые обряды» и другие.

● Чем богат родной край, какие полезные ископаемые хранит в себе — на эти вопросы без запинки ответят на уроке учащиеся школы № 3 города Кок-Янгака Киргизской ССР. Для своего геологического музея они привезли множество образцов из экспедиций по родному краю.

● Еще один экспонат появился в музее авиационной техники при Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина. Им стал вытасченный из болота и восстановленный штурмовик ИЛ-2 под номером 301060, который совершил во время войны вынужденную посадку после жестокого воздушного боя под Новгородом.

Шелестит топо

Повесть из цикла „Следствием установлено“

Михаил
ЧЕРНЕНКО

Рисунки
Е. Стерлиговой

II. Бежать бесполезно

Время тянулось медленно. Исподволь приглядываясь к каждому вновь вошедшему в вокзал, Голубев чуть не наизусть выучил расписание поездов, несколько раз сходил в станционный буфет выпить лимонаду, с равнодушным видом постоял у закрытого киоска «Союзпечать» и за пятнадцать минут до прибытия поезда вышел на освещенный электрическими лампочками перрон. Пройдя вдоль него до багажного склада, возле которого, по словам сержанта линейного отдела, должен был остановиться девятый вагон, Слава прислонился к затененной стене.

Поезд прибыл с незначительным опозданием. У девятого вагона выстроилась очередь. Васи Цветкова среди пассажиров не было. У других вагонов стояли одни лишь проводницы.

Когда последний пассажир втащил в девятый вагон громоздкий чемодан, Голубев с досадой подумал, что, по всей вероятности, кассирша ошиблась. Слава хотел было уже выйти из укрытия, но в этот момент от противоположной стороны затененного багажного склада к проводнице девятого вагона подбежал высокий парень в джинсах и торопливо подал ей билет. Не успела проводница разглядеть, тот ли номер вагона указан в билете, Голубев уже был рядом с нею. Присмотревшись в совсем еще юном лице подростка черты, отдаленно напоминающие портрет Грегга Бонама, спросил:

— Молодой человек, если не ошибаюсь, вы Вася Цветков?

— Ну и что? — скорее удивился, чем испугался подросток.

— Я из уголовного розыска, — Слава показал удостоверение. — Нам надо поговорить.

— Поезд сейчас уйдет.

— Проедешь вместе с тобой.

Подросток, оставив билет в руках ничего не понимающей проводницы, бросился вдруг вдоль перрона. Голубев метнулся за ним. Сержант линейного отдела милиции, наблюдавший со стороны, мгновенно оценил обстановку и пересек подростку путь. Поймав его за руку, успокаивающе заговорил:

— Та ты шо, сынок, як с цепи сорвался?... Ты шо, милиции боишься?..

Тут же, запыхавшись, подоспел Слава.

— Ну, Вася, ты даешь!.. Покушением на побег ты

Окончание. Начало см. в № 8.

левая роща

облегчил мою задачу... Теперь на основании статьи сто двадцать второй уголовно-процессуального кодекса я имею полное право задержать тебя, как подозреваемого в совершении преступления.

— Никаких преступлений я не совершал,— тяжело дыша, сказал Цветков.

— Туфельку Ирины Крыловецкой сегодня в Доме культуры забирал?

— Ну, забирал.

— Зачем?

— Чтобы Ирине отдать.

— А где сейчас Ирина, знаешь?

— Нет! Нет!! — закричал парень.
— Не шуми,— сказал Слава.— Зайдем в линейный отдел милиции, оформим протокольчик о твоём задержании.

— Не виноват я,— сдавленно буркнул Цветков.
— Вот и прекрасно. Утречком побеседуешь со следователем и начальником уголовного розыска. Они мужики умные, и, если ты действительно не виновен, сразу отправят домой.

Новокузнецкий поезд, с шипом отпустив тормоза, плавно тронулся с места. Заметив, как на глазах Цветкова навернулись слезы, Слава попытался успокоить его:

— Не расстраивайся, Вася. Поможешь разобраться нам в запутанной истории и спокойненько уедешь к маме с папой...

При оформлении протокола Вася отвечал на вопросы вроде бы искренне, но настолько лаконично, что создавалось впечатление, будто он боится сказать что-то лишнее. По его словам выходило, что с Ириной Крыловецкой он познакомился несколько дней назад в райцентре на танцах. Несколько раз встречался с ней у Тюменцевой, но ни разу там не ночевал. Поругался с Ириной, когда узнал, что она замужем. Как узнал? Случайно заглянул в ее паспорт. О том, что Ирина тупля находится в Доме культуры, узнал от знакомой девчонки, с которой раза два или три танцевал, однако ни имени, ни фамилии ее не спрашивал. Почему забрал? Просто хотел, чтобы Ирина поняла, что нельзя так сильно напиваться и что знакомство на этом кончается.

— Как же ты, Вася, узнал, что Ирина была пьяной? — спросил Голубев.

— Видел ее вечером перед началом танцев, она с каким-то мужчиной разговаривала.

— С каким?

— С бородатым и сутулым, как боксер.

— О чем они говорили?

— Я на мосту стоял, не слышал. Кажется, ругались. Он ее за руку держал, а она вырвалась и побежала. Потом остановилась, вроде как кольцо с руки сорвала и мужчине швырнула.

— Точно кольцо?

— Не знаю. Мужчина нагнулся, что-то поднял и сразу спустился с насыпи к реке, в кусты.— Цветков тревожно взглянул на Голубева и сразу опустил глаза.— Больше я ничего не видел, ушел домой, к тете Марусе.

Приглядываясь к этикетке на левом кармане Васиной рубашки, Голубев спросил:

— У тебя и джинсы «Рэнглер»?

— Да.

— Где раздобыл?

— Папа из-за границы привез.

— А не ты вчера возле озера мне по глазу зафитил?..

Цветков исподлобья уставился на Голубева:

— Я вас первый раз вижу...

— А на мотоцикле гонять умеешь?

— Теперь каждый пацан умеет.

— Позавчера в Заречном пять пачек сигарет «Мальборо» не ты покупал?

— Я не курю.

— А зачем конфисковал у подростков пачку «Космоса»?

— Чтоб не курили.

— Интересно... Ну, а теперь Расскажи, что за колечко продал на вокзале мороженщице...

Лицо Цветкова вздрогнуло, и он тихим голосом проговорил:

— Какое еще кольцо... Никаких колец не продавал, у меня свои деньги на билет были.

— Не убедительно, Вася... Ладно, пойдем-ка в наше отделение, а то до утра выспаться не успеем.

Голубев и Цветков вышли из вокзала. Ночные улицы безлюдны. Редкие лампы дневного света тускло освещали дорогу. Вышли на мост, пересекающий сонную речку. Внезапно Цветков шарахнулся от Голубева, прыжком вскочил на перила моста и головой вниз бросился в черную темень.

Тяжелый всплеск привел остолбеневшего Славу в себя. Он перемахнул через перила и, едва успев вытянуть руки по швам, «солдатиком» врезался в воду. В ушах гулко зазвенело. Спружина ногами о дно, пробкой выскочил на поверхность. Почти рядом, беспомощно барахтаясь, пытался плыть Вася Цветков...

Когда оба вконец обессиленные выбрались на берег, Голубеву показалось, что он переплыл, по крайней мере, Обь. Долго сидели молча, глубоко дыша и не чувствуя мокрой одежды. Болезненно морщась, Цветков руками тер живот.

— Пузом хлопнулся? — спросил Слава.

— Н-н-ну...

Голубева вдруг прорвало:

— Ты что, ошалел?! Нашел время трюкачить! А если бы я за тобою не прыгнул?.. Сейчас бы уже концы, дурачок, отдал! Еще раз на побег покушался... Зачем, а? Мог бы уже понять, что от нас бежать бесполезно.

Цветков, съежась, застонал.

— Идти сможешь?

— Н-не зна-а-аю...

Слава с трудом поднялся на ноги:

— Ну-ка, шальной... Держись за меня...

12. Первая разгадка

Утро выдалось солнечным. В дежурной части райотдела тихо. Узнав, что задержанный Голубевым Вася Цветков находится в больнице, Антон Бирюков потянулся к телефону, но тот зазвонил.

— Дядя, говорит Марина Горлова, мне четыре годика,— залепетал детский голосок.— Мама с папой ушли на работу, мы остались с бабушкой, и у нас Мурка потерялась. Кошка наша, такая пушистая-пушистая!

— И ты решила позвонить в милицию? — с улыбкой спросил Бирюков.

— Меня мама научила: когда увижу пожар, сразу звонить ноль-один; когда бабушка заболит, звонить ноль-три; а когда непонятное случится, звонить ноль-два. Мурка потерялась, и мне не понятно: куда она потерялась?

— Может, гулять пошла?

— Может, но мне все равно не понятно.

— Давай, Марина, договоримся: если Мурка к обеду не появится, ты нам перезвони.

— Спасибо, я вам перезвоню.

В трубке зачастили гудки отбоя. Опуская руку на аппарат, Антон Бирюков вздохнул:

— У каждого свои заботы.

Судмедэксперт Борис Медников словно ждал звонка. На вопрос Антона о состоянии Цветкова он пробурчал:

— Хорошо, что этот мастер беспарашютного спорта животом об воду ударился. Если бы нырнул головой — воткнулся бы в дно, и — поминай, как звали.

— Скоро поправится? — спросил Антон.

— Парень здоровый. За два-три дня отлежится.

— Поговорить с ним нельзя?

— Какой сейчас разговор...

Положив телефонную трубку, Антон вышел из дежурной части и в коридоре чуть не столкнулся с мороженщицей. Взволнованная Нина Муранкина тянула за руку еле поспевающего за ней подростка.

— Мы к вам, товарищ начальник! — И резанула подростка сердитым взглядом. — Что надо сказать дяде?

Мальчишка зыркнул черными глазами:

— Здравсте.

Бирюков поздоровался и, прикидывая в уме, что привело эту разбитную женщину спозаранку в уголовный розыск, пригласил войти в свой кабинет. Тут, усадив рядом с собою мальчишку, мороженщица затараторила:

— Это сын мой, Борька. Четырнадцать лет балбесу. Был парень, как парень, а вчера... — Муранкина бесцеремонно шлепнула сына по затылку.

Борька упрямо набычился:

— Кольцо мамино в карты проиграл.

— Как же это ты, Боря? — с упреком, но дружелюбно поинтересовался Бирюков.

— У нашего дома мы в дурака играли. Подошел Васек, спрашивает: «У кого деньги есть?» Я двадцатник показал. Говорит: «Хочешь, в настоящую игру научу? Двадцать одно называется». — Борька рассказывал и хмурился. — Я у Васька рубль выиграл, потом еще пятьдесят копеек. Он говорит: «Ух, шнурок, какой ты везучий! Сыграем по-крупному?» Я сказал, что у меня крупных денег нет. «Из дома принеси», — говорит, — выиграешь — назад положишь». Я пошел в дом. Мамка всегда в буфете деньги оставляла, а вчера не оставила. Кольцо взял, принес. Васек говорит: «Годится. По частям или разом все ставишь?» — «Разом», — говорю. Сбанковали... Васек банк взял. Я говорю: «Банкуй еще». Он говорит: «Некогда». И ушел с кольцом. А у меня рубль пятьдесят его остались.

Муранкина всплеснула руками:

— Сбанковал балбес! Золотую печатку за рубль пятьдесят фуганул! — И стыдливо опустила глаза. — Самое главное, товарищ начальник, картежник Васек мою же печатку и мне же продал. Я уж к Данильчуковой бегала, а ее племянника и след простыл...

— Как же вы не узнали свое кольцо? — нахмурясь, спросил Бирюков.

— Подумала, чес-слово, подумала: вылитая моя печатка! Но этот Васек так охмурил меня, что перед людьми теперь стыдно.

— А когда покупали у знакомого подростка золотое кольцо, не стыдно было?

— Не знала я Васька! Этот балбес мне рассказал. Я ж за трудовые деньги кольцо покупала.

«За трудовые не больно-то купишь», — подумал Антон и обратился к мальчишке:

— Как же ты, Боря, согласился на деньги играть?

— Не думал, что Васек меня обыграет. Он еще карандаш мне подарил...

Мальчишка достал из кармана черный фломастер. Антон взял его и положил перед собой на стол:

— На время забери у тебя. С кем еще Васек в карты играл?

— Не знаю.

— А дружил с кем?

— С подружкой Галки Тюменцевой, которая в озере утонула.

— Где ты их вместе видел?

— На танцах и на пляже.

Борька, в общем-то, оказался разговорчивым малым. Бирюков узнал от него, что Васек не только танцевал и купался с подружкой Галки Тюменцевой, но и катал эту подружку на Галкином мотоцикле. Еще Борька своими глазами видел, как позавчера после обеда Васек укатил от дома Тюменцевой с каким-то парнем в белой футболке. Был ли на футболке у парня нарисован волк, Борька сказать не мог, потому что смотрел на мотоциклистов издали. Часа через полтора, может, через два, во всяком случае засветло, они вернулись и закатали мотоцикл в гараж.

— Боря, а ты не знаешь, кто у Галины Тюменцевой в ту ночь угонял мотоцикл? — спросил Антон.

— Не знаю.

Примолкшая было Муранкина внезапно вспыхнула:

— Чего прикидываешься! А кто у дяди Вити Суржикова машину хотел угнать?

Мальчишка боязливо отодвинулся от темпераментной мамашы, глядя на нее исподлобья, сказал:

— Меня не про машину спрашивают.

— Рассказывай всю правду!..

— Минуточку, — остановил Муранкину Бирюков. — Давай, Боря, спокойно поговорим. Ты знаешь, кто хотел угнать у Суржикова машину?

Борька насупленно засопел:

— Это на прошлой неделе было.

— Я об этом тебя и спрашиваю.

Наступила затяжная пауза. Заметив, что нервная Муранкина вот-вот опять вспылит, Бирюков перехватил ее негодующий взгляд и приподнял руку. Хрустнув суставами пальцев, мороженщица демонстративно отвернулась от сына. Мальчишка заерзал на стуле. Молчание взрослых его начало беспокоить, и он вдруг признался:

— Я хотел на дяди Витиной машине прокатиться.

В больших карих глазах Муранкиной метнулся ужас. — Чего мелешь, балбес?! — сорвавшимся голосом крикнула она.

Борька боязливо поежился.

— Это правда, мам...

— А что ты мне про Пашку Мохова молот?! — Пашка мне уши надрал.

— За что!

— За то, что хотел на его молоковозе прокатиться.

— Ох, я тебя, балбес, сегодня прокачу! Ох...

От возмущения у Муранкиной перехватило дыхание. Борька, изредка бросая на возмущенную родительницу боязливый взгляд, откровенно рассказал, как Павел Мохов застал его в кабине молоковоза и как потом у него всю ночь «горели» уши. В отместку Борька решил проехаться на машине Суржикова, а сказать на Пашку. Но самосвал в избу врзался, бежать пришлось.

— Кто тебя, Боря, научил заводить машину? — спросил Бирюков.

— Дядя Сережа Тюменцев, — ответил Борька. — Когда у Галки жил, часто меня катал на машине.

— А Галины Тюменцевой брата знаешь?

— Валерку? Знаю. Его фамилия Воронкин.

— Когда последний раз его видел?

— Давно, как в тюрьму посадили.

— И ты, балбес, туда же сядешь! — снова сорвалась Муранкина. — Ну, хмырь, сегодня буду сечь тебя, как сидорову козу!

— За правду сечь нельзя, — строго сказал Бирюков и посмотрел на мальчишку. — Боря, выйди в коридор, мы с мамой поговорим.

Мальчишка с явным облегчением вышмыгнул за дверь. Муранкина глубоко вздохнула, однако Бирюков остановил ее:

— Нельзя так воспитывать ребенка.

— Как... как это нельзя? — на лице Муранкиной появилось откровенное удивление. — Он же черт-те что на себя напел!

— Дети, как правило, на себя не наговаривают.

— Так Борька же у меня неправильный! Он, как две капли воды, в отца дураком уродился! Тот, кровосос, десять лет мне нервы трепал, пока не окочился, теперь... Ну разве нормальный ребенок станет такую несурзацу в уголовном розыске про себя рассказывать?..

— Очень прошу сына не бить, — хмуро сказал Бирюков.

— Что же мне с ним делать? — растерянно спросила Муранкина. — Я ведь целыми днями на работе, присмотреть некому...

— Постараемся помочь. Поставим его на учет в нашей инспекции, будем контролировать. — Бирюков, сняв телефонную трубку, набрал номер Голубева. — Слава, сейчас к тебе придут мать с сыном, расскажут. Оформи их показания, как положено. После зайди ко мне. В одиннадцать я уеду в Новосибирск.

Муранкина заволновалась:

— Товарищ начальник, а как же моя золотая печатка?..

— Вашим делом займется старший инспектор по делам несовершеннолетних. По коридору направо шестнадцатый кабинет, — ответил Бирюков.

Голубев появился у Бирюкова только через час. Прямо с порога возбужденно заговорил:

— Ну, Игнатьич, дает Вася Цветков! И наш начальник ГАИ, кажется, по делу Суржикова опростоволосился, а?..

— Надо, Слава, очень внимательно во всем разобратся, — сказал Антон.

— Конечно, разберусь. Но Вася Цветков — феномен! Скажи: заурядный подросток отважится самой хозяйке продать ее же кольцо?

— Сомневаюсь, что это сознательно... — Антон помолчал. — Надо, Слава, через областное управление внутренних дел срочно отыскать Валерия Петровича Воронкина.

— Понял. Ты надолго в Новосибирск?

— Надо с мужем Крыловецкой встретиться. Смотри, чтобы Вася Цветков из больницы не улизнул, и срочно вызови из Новокузнецка его родителей. — Бирюков протянул Голубеву взятый у Борьки Муранкина фломастер. — А это передай эксперту-криминалисту. Пусть сравнит химический состав чернил тут и на записках.

13. Женитьба Вадима Фарфорова

В большом, размахнувшемся на десятки километров, Новосибирске Антон Бирюков ориентировался не хуже, чем в своем райцентре. Сойдя с электрички на вокзале Новосибирск-Южный, он быстро отыскал магазин «Хрустальный башмачок», рядом с которым в сером многоэтажном доме по улице Гурьевской находилась квартира Фарфорова. На одной из дверей четвертого этажа Антон увидел нужный номер и надавил кнопку мелодично тренькнувшего электрического звонка.

За время работы в уголовном розыске Бирюкову множество раз доводилось входить в чужие квартиры незваным гостем, и поначалу при каждом таком визите он испытывал сковывающую неловкость. С годами скованность прошла, но чувство «незваного гостя» все-таки осталось.

Дверь открыл невысокий мужчина с загорелым лицом и окладистой бородой. Наморщив широкий обветренный лоб, он снизу вверх уставился бесцветными глазами на рослого Бирюкова, одетого в штатский костюм, и резко шевельнул сутулыми плечами, как будто поправил за спиной тяжелый рюкзак.

— Простите, Фарфоров Вадим Алексеевич? — спросил Антон.

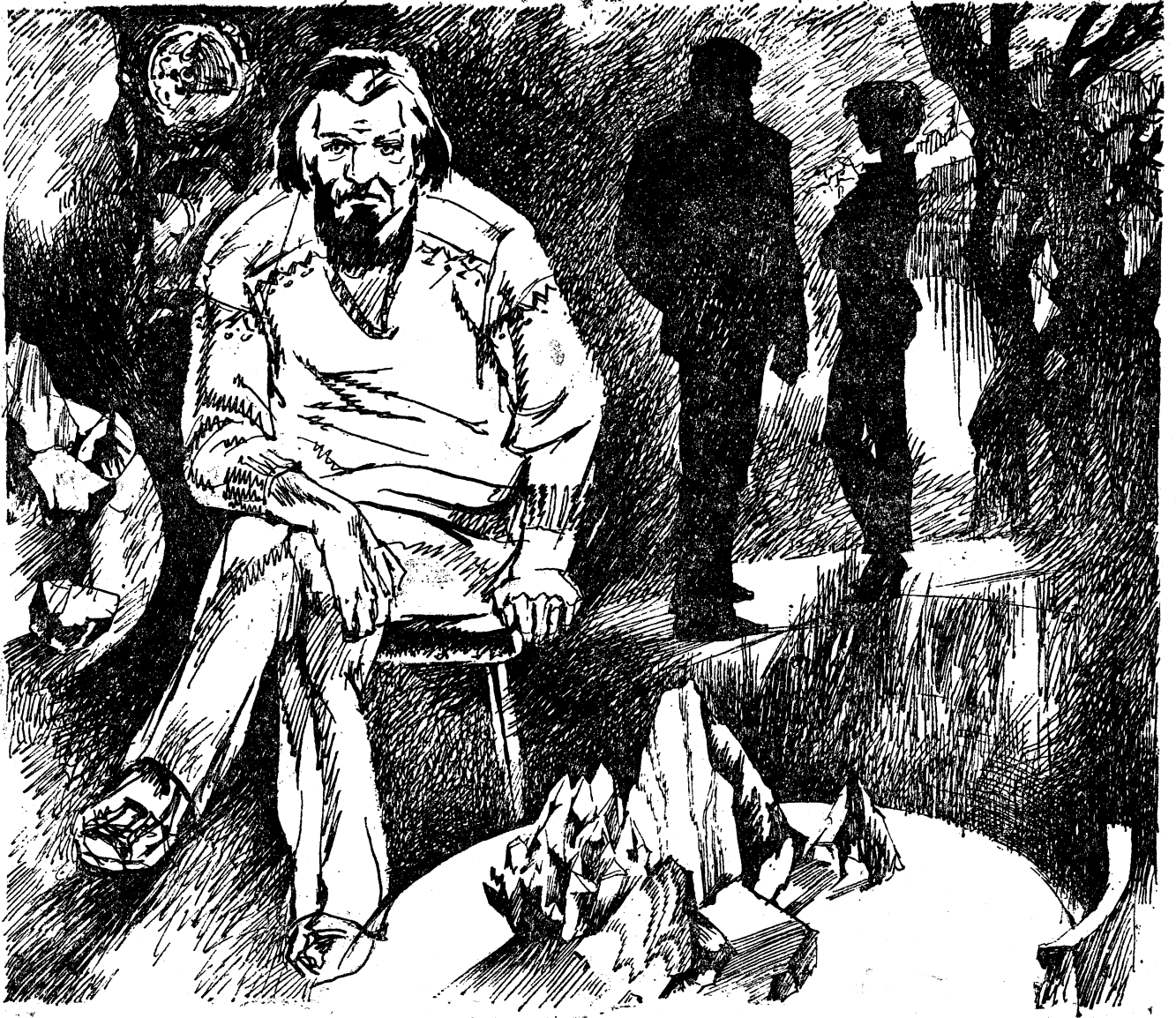
Мужчина несколько секунд помолчал:

— Да, я Фарфоров Вадим Алексеевич. Простите, а кто вы?

Бирюков отрекомендовался...

Просторная комната, в которую Фарфоров провел Бирюкова, походила на уголок геолого-минералогического музея. Чего только здесь не было! Оригинально устроенный из прозрачно-слюдянистых кирпичиков электрический камин, красные и оранжевые сердолики, крупные куски ярко-зеленого малахита, яшмы всевозможных тонов и узоров, отшлифованные до глянца пластинки белоснежного мрамора и кроваво-черного гранита. Камни загромождали двухтумбовый письменный стол, за которым на стене висел увеличенный портрет бородатого хозяина квартиры. Камни лежали на пианино, книжных полках, подоконниках и на полу по краям пушистого яркого ковра, устилающего всю комнату.

— Вы геолог? — спросил Антон.

— Да, геолог. Вот документы...— внезапно занервничав, Фарфоров достал из ящика стола паспорт и удостоверение личности.— У меня безупречная репутация. Можете справиться в тресте.

— Разговор о вашей жене.

Бесцветные глаза Фарфорова уставились на Антона:

— Ирина совершила преступление?

— Трудно сказать...

Фарфоров показал на одно из кресел:

— Садитесь, пожалуйста,— и опустился в кресло напротив.

— Меня интересует прошлое Ирины.

Фарфоров поморщился.

— Стыдно признаться, но ее прошлого, можно сказать, я не знаю. Будем взаимно откровенны: что случилось с Ириной? Если не скажете правды, отвечу тем же...

Фарфоров смотрел на Бирюкова взглядом уставшего, мучительно переживающего человека. Создалось щекот-

ливое положение: с одной стороны, чтобы установить с Фарфоровым контакт, надо сказать о смерти его жены, с другой — такое откровение может быть преждевременным. Антон пошел на компромисс:

— Вадим Алексеевич, я скажу вам правду, но прежде прошу ответить на несколько моих вопросов. Согласны?..

— Согласен,— чуть подумав, сказал Фарфоров.

— Когда вы узнали, что ваша жена уехала в райцентр?

— Несколько дней назад.

— Точнее?..

Фарфоров зажал в кулак бороду:

— Позавчера... Последние три месяца я находился в нарымской тайге. В Новосибирск прилетел неделю назад— Ирины уже дома не было, хотя о своем прилете я предупредил телеграммой.

— От кого вы узнали, что Ирина в райцентре?

— Отыскал Ирину подругу. Она дала мне номер

телефона какой-то Галины Тюменцевой из райцентра. В конце дня через междугородную я дозвонился до этой Галины, но она сказала, что моей жены у нее нет и никогда не было.

— И вы поверили?

— Нет, не поверил.

— Почему же тогда не поехали туда?

— Зачем больше двух часов трястись в электричке, если тебя не хотят видеть?..— с нескрываемой обидой проговорил Фарфоров и побагровел.— Больше не отвечу ни на один вопрос, если не скажете, что произошло с Ириной.

— С Ириной случилось непоправимое... Она утонула,— медленно сказал Бирюков.

Морщинистый лоб Фарфорова стал быстро покрываться испариной, словно в квартире наступила неимоверная жара. Какое-то время он недоумевающе смотрел на Антона, затем как будто опомнился:

— Что?.. Как?.. Нет! Вы шутите...

Антон покачал головой.

— Как же... Как же такую жестокую правду вы можете так спокойно говорить? — почти прошептал Фарфоров.

В глазах его перемешались и боль, и испуг, и надежда на то, что сообщение о смерти жены нелепая черная шутка.

— Вы часто ссорились? — спросил Бирюков.

— Что? — Фарфоров явно не расслышал вопроса.

— Если вам трудно сейчас говорить, Вадим Алексеевич, я могу подойти попозже.

— Нет-нет, спрашивайте, пожалуйста,— Фарфоров попытался взять себя в руки.— Мне хуже остаться одному...

— У вас бывали ссоры?

— Никогда... Я — взрослый человек и знал, на что иду, дав согласие на брак с Ириной.

— Вы не оговорились, Вадим Алексеевич? — уточнил Антон.— Обычно женщина дает согласие на брак.

Фарфоров мрачно усмехнулся:

— Не оговорился. Инициатором нашего брака была Ирина.

— Как вы с ней познакомились?

— У Ирины, по-моему, все знакомства были случайными. В кинотеатре «Мир» наши места оказались рядом. Смотрели фильм «Женщина, которая поет». Выйдя из кино, разговорились. Мнения совпали. Вдруг Ирина спрашивает: «Вы богатый человек?» — «Относительно». — «Можете одолжить сто рублей?» — «При мне таких денег нет, но зайдем домой, одолжу». — «У вас очень строгая жена?» — «Я не женат». — «Идемте!» Придя вот в эту квартиру, Ирина залюбовалась моей коллекцией, как ребенок. Я не мастер плести разговоры, особенно с девушками, поэтому передал ей деньги и пожелал всего доброго. На следующий день улетел в командировку. Вернулся через месяц. В почтовом ящике — записка: «Как вернуть вам долг? Позвоните по телефону 21-55-18, спросите Ирину Крыловецкую». Набрал номер. Ответил какой-то мужчина, затем послышался женский голос. Позднее я узнал, что это была Леля Кудряшкина — подруга Ирины. Короче говоря, через час после моего звонка Ирина была уже здесь. Положила на стол деньги и спрашивает: «Хотите,

стану вашей женой?» Признаться, от столь бесцеремонного предложения я остолбенел, пролепетал что-то насчет родительского благословения. Ирина заплакала: «У меня нет родителей, я детдомовская»... — Фарфоров вскинул на Бирюкова глаза.— Вам это не интересно?..

— Внимательно слушаю, Вадим Алексеевич,— сказал Антон.

— Собственно, добавить почти нечего... Упоминание о детском доме отозвалось во мне. Я ведь тоже вырос не у родителей. Словом, на следующий день мы с Ириной подали заявление в загс, и через месяц нас зарегистрировали. На свадебном банкете в основном были мои друзья. Со стороны Ирины только Леля Кудряшкина... — Мочки ушей Фарфорова ярко зарозовели. Он нервно дернул плечом.— О том, что Иринина мама Алла Константиновна Крыловецкая живет в Новосибирске по улице Дмитрия Донского, мне стало известно лишь через полгода после свадьбы.

— Ирина вышла замуж втайне от матери?

— Конечно. У них произошел какой-то серьезный конфликт, и год Ирина вместе с Кудряшкиной снимали комнатеку в частном доме на улице Тургенева. Иными словами, Ирина не жила с матерью.

— Как отнеслась к вашему браку Алла Константиновна?

Фарфоров печально усмехнулся:

— Теща оказалась всего на два года старше зятя. Отсюда можете представить... Но к чести ее... Она не стала закатывать истерик и поливать зятя грязью, выставляя в роли соблазителя.

— Какая же причина толкнула Ирину на замужество?

— Сначала мне показалось, что ее привлекает материальная сторона... Перед загсом мы выбирали обручальные кольца, Ирина попросила купить ей бриллиантовый перстень и на радостях расцеловала прямо в магазине, воскликнув: «Я жестоко счастлива, Вадим!»

— Почему жестоко?..

— Любимое ее слово.

— Значит, не материальная сторона...

— Нет. По-моему, она запуталась, и брак был возможностью обрести надежный тыл.— Фарфоров тоскливо уставился в окно.— И потом, мне кажется, у Ирины были какие-то дальние планы... Меня, конечно, она никогда не любила...

— Вы упомянули Лелю Кудряшкину. Кто она?

— Самая близкая подруга Ирины и, по-моему, сожительница какого-то фарцовщика.

Спросив адрес Кудряшкиной, Антон Бирюков с разрешения Фарфорова осмотрел комнату Ирины. Здесь ничего не было лишнего. Узкая односпальная кровать, покрытая золотистого цвета пледом. Возле кровати, на полу — пушистый коврик. Единственное окно прикрывала светлая шелковая штора. Справа от окна стоял раскрытый секретер. В нем небольшая стопка школьных учебников и портативный магнитофон со множеством кассет. Слева — трельяж с флакончиками и коробочками, пестрота этикеток. К трельяжу сиротливо прислонилась гитара. На стене против окна красовался большой рекламный плакат кинофильма «Женщина, которая поет» с портретом Аллы Пугачевой. Рядом на одной кнопочке держалась

цветная фотография самой Крыловецкой, эффектно позирующей в пляжном наряде.

— Вы сильно ревновали жену? — осторожно спросил Бирюков.

— Ревность — не то слово. Я старался предостеречь Ирину от спрометчивых поступков... В мое отсутствие, как поговаривают соседи, сюда заходили мальчишки...

— Как встретиться с Аллой Константиновной?

— Она отдыхает в Ялте. Сегодня же дам ей телеграмму...

Сутулые плечи Фарфорова совсем опустились. Геолог, безусловно, был потрясен свалившимся горем, однако ни единым словом не поинтересовался, как и при каких обстоятельствах погибла его молодая жена. Это насторожило Бирюкова. Расставаясь с Фарфоровым, Антон уже у самого порога спросил:

— Вадим Алексеевич, значит, позавчера в район не приезжали и жену там не видели?

Фарфоров энергично крутнул головой:

— Нет, нет! Что вы!..

14. Банальная история

Настроение у Антона Бирюкова после встречи с Фарфоровым было тягостное. Чтобы досконально разобраться в «спрометчивых» поступках Ирины, предстояло найти ее друзей. Но прежде чем встретиться с неведомой Кудряшкиной, Антон решил побывать в Управлении внутренних дел, навести справки о Воронкине, посоветоваться с кем-либо из знакомых сотрудников областного угрозыска.

Заместитель начальника отдела капитан Шехватов разговаривал по телефону, когда зашел Антон.

— Вот Бирюков у меня появился. Ничего к нему нет?.. Тогда поезжай в Горный, там все с Воронкиным и выяснишь... Пока, желаю успеха.— Положил трубку, пояснил Антону: — Голубев звонил, рассказал о ваших происшествиях. Фотография Крыловецкой с собой?

Бирюков достал небольшую фоторепродукцию, сделанную с разорванного снимка. Заметив, что Шехватов задумчиво прищурился, Антон спросил:

— Знакомая девчонка?..

— По картежному делу свидетельницей проходила.

Бирюков знал историю этого дела, нашумевшего полтора года назад. Группа отъявленных мошенников, используя такси от аэропорта Толмачево до Новосибирска, словно наивных детей, обыгрывала в карты бесшабашных северян, имеющих при себе крупные деньги. Капитан Шехватов несколько месяцев потратил, чтобы разоблачить шайку.

— Сама Крыловецкая не участвовала?

— Были предположения, что картежники использовали ее в качестве приманки, но доказать не удалось.— Шехватов вернул Антону репродукцию.— Вообще надо отметить, что Крыловецкая особым умом не блистала, общалась с разными сомнительными типами, кутила в ресторанах. Но судебный процесс ее напугал, и она вскочила замуж за вполне приличного геолога.

— Признаться, Виктор Федорович, этот геолог произвел на меня не совсем приятное впечатление. Ревность отпадает, но видно, что ревновал.

Шехватов задумался:

— Кажется, Фарфоров его фамилия?

— Да.

— Мы наводили справки. Прошлое Фарфорова безусловно, ну а ревность — чувство сложное. Тут всякое возможно.

— Он дал мне адрес некой Лели Кудряшкиной. Не знаешь такую?

— Знаю. По паспорту — Лена. Она-то и свела Крыловецкую с картежниками. Словом, одного поля ягоды. Сейчас пригласилась у Сашки-империалиста. Есть в Новосибирске такой книжный спекулянт. В настоящее время гастролирует по Уралу, добывает дефицитные книги. Вернется — сядет. Грехов у него достаточно, да еще ребята собираются с поличным взять.

— Почему — «империалист»?

— На языке книжных спекулянтов «империал» — пятнадцать рублей. Этот Сашка дешевле пятнадцати рублей книгу не продает.

— Посоветуй, чем вызвать расположение Кудряшкиной.

— Обогащает внимание к своей персоне. Сделай вид, что очень она тебе понравилась...

Пришлось несколько раз продолжительно нажимать на кнопку звонка, прежде чем за дверью послышался раздраженный женский голос: «Щас!» Дважды щелкнул замок. В распахнувшейся двери прямо перед Бирюковым появилась высокая молодая девица с выдающимся — в полном смысле слова — бюстом и шелушащимся от чрезмерного употребления косметики поблекшим лицом. Легкое, с глубоким вырезом на груди платье подчеркивало стройную фигуру.

— Красавица, хозяин дома? — почти по-цыгански спросил Антон.

Девица бесцеремонно смерила его взглядом:

— Для чего тебе хозяин?

— Книгу обещал...

— Детектив?

— Нет. «Княжну Тараканову» Данилевского.

— Разыгрываешь? Что это за княжна с рабоче-крестьянской фамилией?

— Честное слово, была такая! — поклялся Бирюков и сразу сделал вид, будто удивился: — Вы, кажется, Лена Кудряшкина?!

— Допустим. Дальше что?

Антон изобразил смущение:

— Да нет, ничего. Ирина Крыловецкая нас как-то знакомила. Помните, я еще в любви вам объяснялся? Тонко выщипанные брови Кудряшкиной чуть-чуть дернулись, а серые глаза с напускным равнодушием скользнули по лицу Бирюкова.

— Наверно, в кабаке дело было? По пьянке все чуваки мне объясняются, а как проспятся — ищи ветра в поле.— И вдруг грубовато предложила: — Заходи, чего в дверях стоишь?

Бирюков очутился в узком коридорчике и вошел в просторную комнату, уставленную книжными стеллажами, на которых, казалось, не было сантиметра свободной площади. Здесь теснились старинные издания Гоголя, Льва Толстого, Достоевского и основательно потрепанные комплекты дореволюционных журналов. Все это было расставлено, как приметил Бирюков, в определенной последовательности и, учитывая нынешний книжный ажиотаж, безусловно, представляло большую ценность.

Небрежно предложив Бирюкову кресло, сама Кудряшкина села у письменного стола, заваленного старыми номерами «Книжного обозрения», и бесцеремонно, как на смотринах, стала разглядывать Антона.

— Ты кем работаешь? — спросила она.

— Геологом, — не моргнув глазом, ответил Антон.

— О-о-о!.. — на лице Кудряшкиной появился нескрываемый интерес. — Вадима Фарфорова знаешь?

— Конечно. Ирины Крыловецкой муж.

— Вместе вкальваете?

— Нет, в другом управлении.

— Денег столько же зашибаешь, как Вадим?

— Не меньше.

— А Ирку откуда знаешь?

— В ресторане познакомились.

— Вот профура ломовая!

— Что?..

— Не что, а кто... — Кудряшкина брезгливо дернула тонкими губами. — Козырного мужика на себе женила и еще по кабакам подбирает.

— Нет, Лена, — серьезно сказал Бирюков, — мы с Ириной по-хорошему знакомы.

Кудряшкина махнула рукой.

— Толкуй мне басни дедушки Крылова. Знаю я кабакские знакомства. — И вдруг без всякого перехода спросила: — Слушай, геолог, у тебя заточки есть?

— Какие? — опять не понял Антон.

— Ты что, русского языка не понимаешь? Знакомства, связи... Дозарезу к зиме надо дубленку. Есть у тебя кто из знакомых — по госцене дубленку организовать?

— Надо подумать... — Бирюков решил поскорее перевести разговор на интересующую его тему. — Ирина, я слышал, от Фарфорова ушла. Сегодня Вадима встретил — расстроен ужасно.

— Так лопуху и надо! Я ведь ему сказала, где Ирку искать. Поехал бы в райцентр, начистил бы, как следует, ей физиономию, пригрозил, что выгонит из дому, — Ирка мигом бы своего фирмача-малолетку забыла бы.

— Васю Цветкова?

Кудряшкина недоуменно наморщила лоб:

— Откуда знаете?

— Секрет фирмы, Леночка... — Бирюков, стараясь перехватить инициативу разговора, интригуяще подмигнул.

Кудряшкина задумалась. Как сказал капитан Шехватов, надо было войти в доверие. Запросто поверив, что Антон — геолог, что зарабатывает он не меньше, чем известная ей Вадим Фарфоров, Лена перешла с Антоном на «вы» и, беспардонно кокетничая, стала во всю чернить Ирину. Причиной раздора между подругами явился, вероятно, Вася Цветков.

История, в общем-то, была банальная. Недели полторы назад Крыловецкая попросила Кудряшкину отнести в общежитие института связки, на Нижегородскую, какому-то Васе Цветкову корзиночку с викторией. Судя по всему, Лена понравилась Васе, и тот пригласил Кудряшкину в кино. Цветков оказался «фирмовым» мальчиком, мастером спорта, а его папа — крупным специалистом. Своей радостью, что завела такое «козырное» знакомство, Кудряшкина тут же поделилась с Крыловецкой. Ирина тоже захотела познакомиться с Васей. По простоте душевной Лена привела Цветкова к Крыловецкой, «а тот лопух мигом влюбился в Ирку»...

— Вадим, наверное, ревнует Ирину?

Кудряшкина внезапно расхохоталась:

— В ревности Вадька юморной. Нынче перед новым годом, как всегда, мотался в командировке. Мы с Иркочкой в новогоднюю ночь забалдели от шампанского и чувака знакомого у себя ночевать оставили. Утром слышим: трам-тарарам! Оказывается, Фарфоров, как гром с ясного неба, домой заявился. Увидел спящего мужика и, не поверите, со злости джинсы его в форточку выкинул. Вот клоунада была!.. Народу уже на улице полно, а чувак тот, приплясывая босиком на морозе, штаны на себя напяливает...

Бирюков улыбнулся:

— Повеселил, значит, вас Вадим?

— Пришлось, конечно, Ирке поплакать. Фарфоров ей, как нашкодившей кошке, чуть ухо не оторвал. Недели у меня жила, кое-как я их помирила. Ох, если бы Вадька застал свою женушку с Васьком! Убил бы обоих... — заметив недоверчивый взгляд Антона, Кудряшкина воскликнула: — Точно убил бы! Знаете, как он раскипятился, когда чувака того из квартиры выметал? Чуть дверь в щепки не разнес!..

Вскоре разговор о Крыловецкой Лене явно надоел. Видимо, не теряя надежды понравиться Антону, она бестолково принялась искать на стеллажах «Княжну Тараканову». Поняв, что больше здесь делать нечего, Бирюков поднялся.

— Вы что, уходите?! — словно испугалась Кудряшкина.

— Позже зайду, когда хозяин вернется.

В глазах Кудряшкиной мелькнула откровенная тоска:

— Заходите без хозяина. Честное слово, мне приятно будет.

— Спасибо, постараюсь, — на всякий случай обнадежил Бирюков.

15. Без выстрела

В Горный Слава Голубев поехал рейсовым автобусом. В распадке каменистых сопков дымил заводскими трубами рабочий поселок. Наглядевшись через окно автобуса на индустриальный пейзаж, Голубев спросил у русоволосой соседки:

— Где у вас тут стройка народного хозяйства?

Женщина широко провела рукой:

— У нас кругом стройки. Какую надо?

— На которой осужденные работают.

— Химики?.. Так они по всем стройкам, а общежитие их — на следующей остановке надо выходить.

Голубев несольно улыбнулся, подумав, насколько крепко укоренилось в народе слово «химик». После указа, разрешающего заменить лишение свободы исправительно-трудовыми работами, первых осужденных, как правило, направляли на новостройки химической промышленности. Много воды утекло с той поры. Давно уже выросли химические гиганты, давно их коллективы укомплектованы кадровыми рабочими, а осужденных по указу, как и прежде, называют с иронией «химики».

В общей комнате общежития «химиков» стояли новенький телевизор, большой с зеленым сукном бильярд, несколько столов, на которых громоздились потрепанные подшивки газет и журналов. У открытого окна двое коротко стриженных парней, видимо, недавно прибывших из исправительно-трудовой колонии, играли в шахматы. Один из них — щупленький, в полинялой маечке-безрукавке — вежливо ответил на приветствие Голубева, другой — богатырского сложения, с татуировкой «НЮРА» на пальцах левой руки — лишь мельком взглянул в сторону Славы и, прикусив толстую губу, мужественно сходил кочем. Щупленький по-лиси двинул одну из пешек:

— Гроссмейстер, вам — мат!.. — И довольно потер ладони. — Новенький или к бригадиру? — спросил он у Голубева.

— К бригадиру, — сказал Слава, усаживаясь на расшатанный стул.

Через стенку слышалось приглушенное бречанье гитары. Сиплый, будто простуженный голос, надсадно выкрикивая начало каждой фразы и нежмая на «р», как заведенный старый патефон, тянул:

А у нее широкая натура,

А у меня открытая душа.

А у нее — такая вот фигура!

А у меня — в кармане ни гроша...

В комнату вошел рослый молодой парень, по комплекции не уступающий «гроссмейстеру». Не обратив на Голубева ни малейшего внимания, он небрежно кинул на спинку стула пиджак, который до этого нес на плече, достал из заднего кармана брюк пачку нарядов и, отодвинув шахматы, сел за стол. Заполняя ученической шариковой ручкой наряды, покосился на стену, откуда слышалось пение. Словно сам себя спросил:

— Как этот артист работал?

— Нормально! — воскликнул щупленький.

— В рюмку не заглядывал?

— Стаканы предпочитал.

— Почему не позвонил мне?.. Больше, Ушмоткин, ни разу ты у меня старшим куда не поедешь!

Щупленький обиженно сморщил лицо:

— Вам легко, Сан-Саныч, строжиться — вы бригадир.

А я — кто?.. Нафискалю начальству — темную схлопочу.

Притихшая было за стеной гитара забречала опять. Все тот же сиплый голос затянул пуще прежнего:

Я женщин не бил до семнадцати лет,

В семнадцать ударил впервые...

Бригадир сердито трахнул кулаком по стене — пение тотчас оборвалось. Голубев засмеялся:

— Оригинальнсе выключение...

Бригадир удивленно посмотрел на него:

— Простите, вы откуда?

— Из районного уголовного розыска. Приехал поговорить с вами.

— Одну минуту...

Размашисто подписав наряды, бригадир сунул их шахматистам, и те вышли.

Едва Слава упомянул фамилию Воронкина, бригадир нахмурился. Оказывается, на одном из его объектов строительного-монтажного управлению на прошлой неделе потребовались газосварщики. Эту работу бригадир поручил троим — Ушмоткину, Телкову и Валерию Воронкину.

— Первых двух вы сейчас видели, — сказал бригадир. — А Воронкин за стеной арии исполняет. Натворил он что-то в райцентре?

— Разбираемся. У него есть футболка с картинкой «Ну, заяц, погоди!»

— Нет, по-моему... В такой футболке уезжал Ушмоткин.

— Воронкин с ним одинаковы по комплекции?

— Как две капли. И замашки у обоих одинаковые.

— Кто из них на магазинную кражу способен?

— Оба по одной статье отбывают.

— Живут все трое вместе?

— Да.

Молчание за стеной показалось Голубеву подозрительным, и он предложил бригадиру встретиться с Воронкиным. Когда они вошли в соседнюю комнату, Ушмоткин и Телков, сидя на кроватях друг против друга, молча дымили сигаретами. На третьей кровати лежала гитара. Воронкина в комнате не было.

— Где артист? — кивком показав на койку с гитарой, строго спросил бригадир.

— В магазин смотался, пожрать купить, — ответил Ушмоткин.

Голубев шагнул к окну — улица была пустынной. Через дорогу от общежития на двери скромного магазинчика с вывеской «Продукты» висел здоровенный замок. Сразу за магазином хмурился дремучий сосновый лес. «Ушел Воронок!» — с досадой подумал Слава и повернулся к Ушмоткину.

— Вы говорили Воронкину, что у бригадира находится сотрудник уголовного розыска?

— А что, нельзя было?

— Ушмоткин!.. — вспыхнул бригадир. — Не прикидывайся дураком! Куда Воронкин исчез?

— Гадом стать, Сан-Саныч, не знаю! Сказал — за шамовкой...

— Где ваша футболка? — перебил Ушмоткина Слава.

— Ханыге одному в райцентре продал.

— Какому?

— Та я его совсем не знаю. Прилип, как банный лист...

Начальник отдела, отвечающий за соблюдение режима условно-досрочно освобожденных, узнав от Голубева о происшедшем, немедленно объявил розыск Воронкина. Слава на попутке помчался в райцентр, надеясь на конеч-

ной остановке, у железнодорожного вокзала, перехватить водителя рейсового автобуса, на котором, по предположению Славы, мог укатить Воронкин.

Догадка подтвердилась. Шофер новенького «Икаруса» припомнил невысокого парня в черной рубашке навывпуск, который, покупая билет, болезненно морщился, словно у него невыносимо зудела спина. Доехал этот парень до конца маршрута и вместе с другими пассажирами ушел к центру городка.

— Наверно, «химик» тягу дал? — не удержался от вопроса шофер.

— Пытается дать, — уточнил Слава. — Я вот о чем хочу вас попросить...

Переговорив с шофером, Голубев забежал в линейный отдел милиции. Туда уже поступила ориентировка на Воронкина. Слава строго-настроено наказал сотрудника «смотреть в оба» и созвонился с дежурным по райотделу. Там тоже получили ориентировку из Горного и немедленно оповестили всех участковых. Кроме этого на патрулирование улиц райцентра вышла оперативная машина. Оказавшись вроде как не у дел, Голубев после недолгих раздумий направился на объект, где еще вчера работали горновские сварщики.

На станции полным ходом шли отделочные работы. В кабинетах стучали и строгали плотники. Громко переговаривались слесари, отлаживающие отопительную систему. Молодые девушки в комбинезонах и легоньких козынках, слаженно напевая протяжную песню, штукатурили коридорные стены. В конце коридора, у большого светлого окна, усатый старик неторопливо стеклил раму. Возле него стоял низенький мужичок в серенькой кепке и, похоже, давал «руководящие указания». Это был прораб, Иван Ефимович. Узнав, кем интересуется Голубев, он предложил пройти в прорабскую — дощатый вагончик...

— Ну чо про ребят сказать?.. Ушмоткин — классный сварщик, — обстоятельно рассказывал мужичок. — Другой бы на его месте в два раза дольше канителился. Телков молодец, крепко Ушмоткину помогал. Крестьянской хватки мужик. Говорит, по пьяному делу супружницу свою Нюру поучил малость и залетел на химию...

— А Воронкин как? — поторопил Слава.

Прораб покачал головой.

— Этот — прохиндей. Больше суетился, чем работал.

— Со стройки часто отлучался?

— Последние дня два я вообще его тут не видел.

— Где ж он находился это время?

— Вроде сестра у него здесь, в райцентре, живет. Чтобы не путался под ногами, Ушмоткин как-то при мне сказал: «Катился бы ты, Валера, отсюда, хоть сеструху, что ли, проведаль». Ну Валере, ясно-море, как бог такое предложение послал — мигом смотался. Еще и в футболку Ушмоткина принарядился.

Голубев крутнул пальцем у себя на груди:

— Футболка... это самое... с картинкой волка?

Прораб утвердительно кивнул.

— Иван Ефимович, а где эта компания жила?

— Здесь, в вагончике. Вот их койки.

Голубев машинально кинул взгляд в узкий проходик между койками — под одной из них виднелось горлыш-

ко бутылки. Прораб, перехватив взгляд Славы, тоже увидел бутылку. Нагнувшись, достал ее и хмуро усмехнулся — Дорогое вино пили.

— Разрешите... — попросил Голубев.

Бутылка была из-под французского коньяка «Камю и Славу обожгла мысль: Воронкин прикатил в район, чтобы замести свои следы! Тотчас возник вопрос: где спрятал украденные запонки?..

— Иван Ефимович, в последние полчаса Воронки здесь не появлялся? — торопливо спросил Слава.

Прораб пожал плечами:

— Да нет как будто...

— Если появится, нам сообщите.

— Чего сообщать?.. Мои ребята, ясно-море, без сообщения непосредственно в милицию этого субчика не ставят.

— Вот спасибо!

Голубев почувствовал «второе дыхание». Формально сти, связанные с обнаружением коньячной бутылки, заняли не больше пятнадцати минут. Вскоре Слава вихрем ворвался в райотдел. Узнав от дежурного, что Антон Бирюков в своем кабинете допрашивает Галину Тюменцеву, Слава недоуменно выпалил:

— Чего она к нему заявлялась?

— Привезли на патрульной машине, — ответил дежурный.

По его словам, дело выглядело так. Патрульная машина, посланная на розыск Воронкина, подъезжала к улице Заводской. В составе патруля находился участковый инспектор Федорчук. Внезапно он попросил шофера остановиться и, показывая на молодую женщину со спортивной сумкой, свернувшую в тополиную рошу у озера, сказал: «Вон сестра Воронкина пошла. Давайте-ка спросим: не заглядывал ли к ней сегодня братец?» Выйдя из машины, Федорчук громко окликнул: «Галина! Тюменцева не обернулась, словно оклик ее не касался. Тогда участковый догнал ее: «Вы что, не слышите?!» Тюменцева от испуга чуть не выронила сумку. «Что несете?» — строго спросил Федорчук. Тюменцева онемела. Участковый попросил открыть сумку — там лежала коробка, полная «лордовских» золоченых запонок...

— Сейчас Бирюков и выясняет, каким путем эти запонки попали к Тюменцевой, — закончил дежурный.

Голубев выскочил из дежурной части и, перемахивая разом через несколько ступенек, взбежал на второй этаж. Антон уже заканчивал разговор с Тюменцевой, лицо которой горело нервными пунцовыми пятнами. На столе красовалась импортная коробка с запонками. Едва за Тюменцевой закрылась дверь кабинета, Слава спросил:

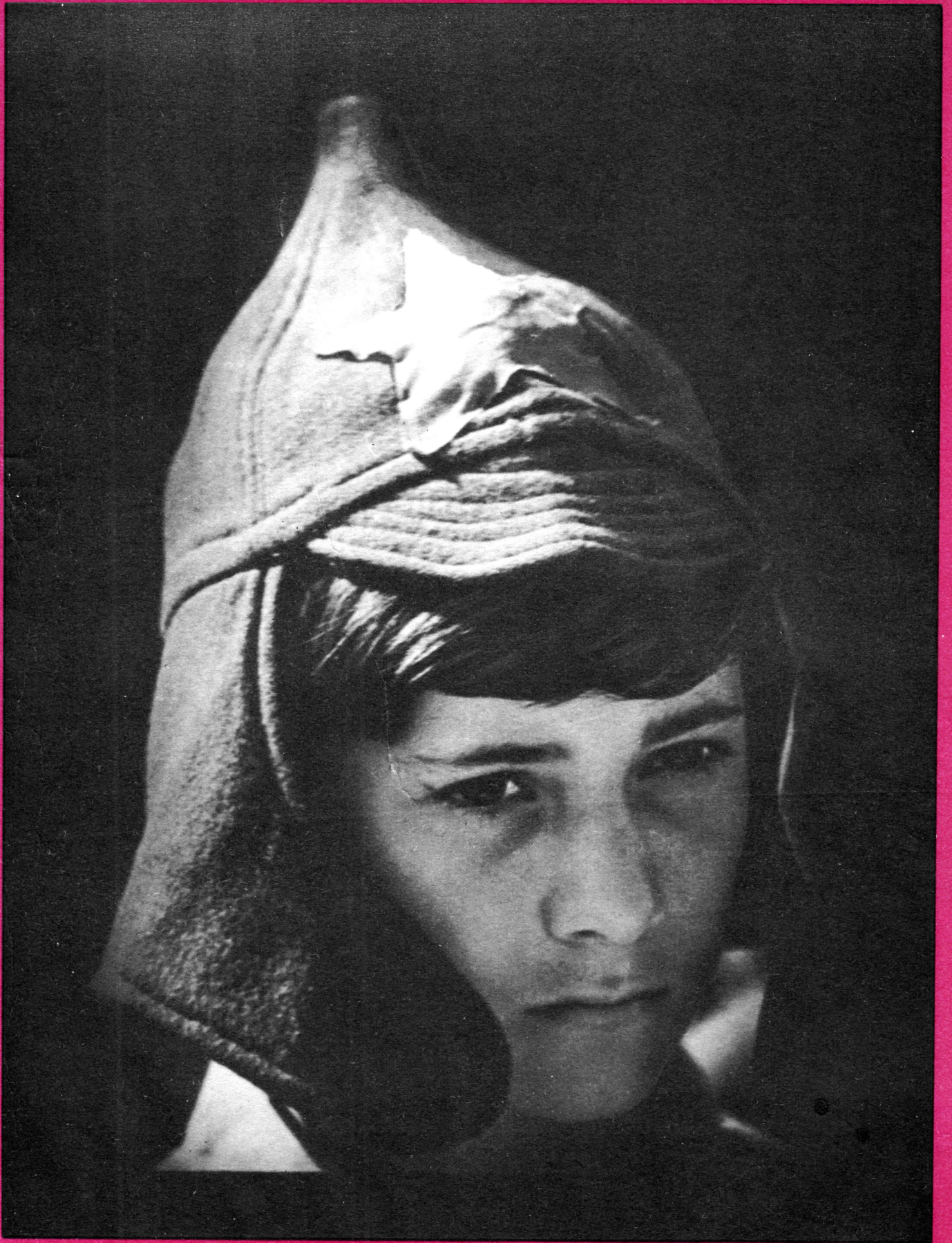
— Ну, что она наговорила?

— Час от часу не легче, — укладывая в папку протокол допроса, ответил Бирюков. — Говорит, внезапно зашел брат и предупредил, что под крыльцом ее дома Вася Цветков спрятал коробку с иностранными запонками. Если, мол, не хочешь, дура, влипнуть, срочно куда-нибудь унеси эти запонки.

— Куда Тюменцева их несла?

— Хотела в озере утопить.

— Слушай, Игнатич, по-моему, Воронкин следы оставляет, а?..

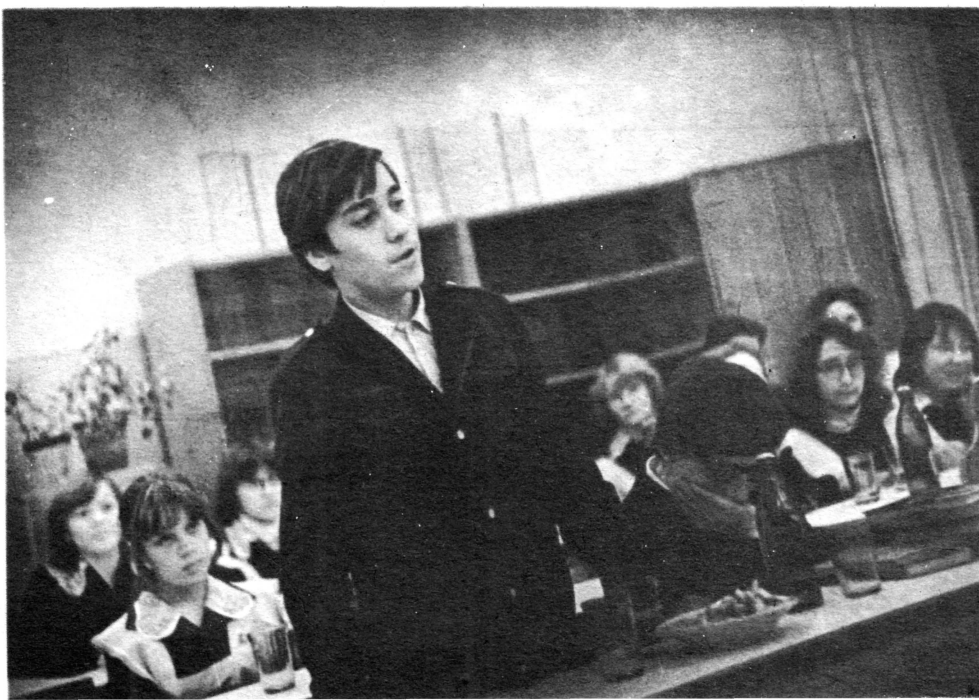

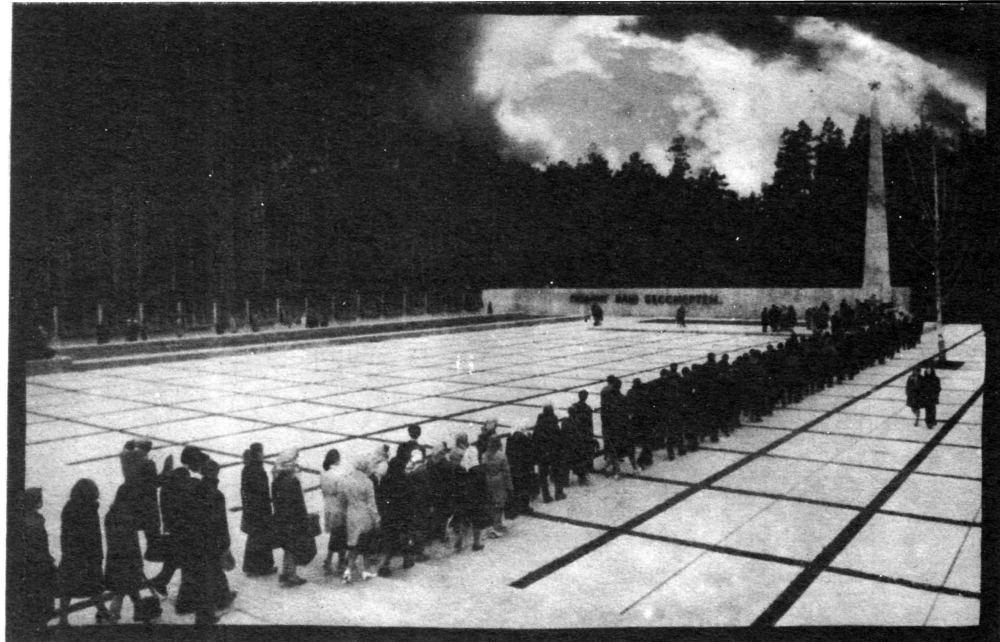
Николай Петрович Чуденков, Герой Социалистического Труда:
— Чувство долга, рабочая совесть у настоящих мастеров очень высоки.

Старшеклассницы...

Вениамин Баркан, ученик:
— Мы рождены под звездой с названием Долг...

Анатолий Андреевич Ануфриев, заслуженный учитель школы РСФСР:

— За драгоценное понимание собственного долга нужно бороться, если тебя даже и не все понимают.

Андрей Петрович Проскуряков, участник Великой Отечественной войны:
— В ответственности перед собой, профессией, обществом человек реализуется как личность максимально.

— Похоже, что так.

— Но ведь дробовое ранение на спине он никуда от нас не спрячет. К тому же, это самое... — Слава рядом с запонками поставил пустую бутылку «Камю». — Я вот тару из-под французского коньячка обнаружил. — И рассказал о поездке в Горный, начиная с неудачи в общезжитии «химиков»...

— В том, что кражу совершил Воронкин при соучастии Васи Цветкова, сомнений почти нет, — внимательно выслушав Голубева, сказал Антон. — Сложнее со смертью Ирины Крыловецкой. Сплошной туман... Разговаривал с криминалистом. Помнишь, на пожарном настиле у озера было засохшее кровавое пятно?.. Эксперты установили, что кровь не Ирины.

— А чья же?

— Аналогичная группа у Васи Цветкова, но... у него нет ни малейших телесных повреждений. Это вроде бы в пользу Цветкова, однако опять же «но»... На лицевой стороне фотографии «Дикой кошки» остались четкие отпечатки Васиных пальцев. Значит, можно предположить, что Цветков на берегу озера поссорился с Ириной и сгоряча разорвал фотографию... — Бирюков посмотрел на часы. — Вот что, Слава... Скоро пройдет электричка на Новосибирск, надо проконтролировать: не попытается ли туда укатить Валера Воронкин.

Голубев махнул рукой — пока, мол!..

На привокзальной площади в ожидании рядом стояли небольшие автобусы и грузотакси, обслуживающие сельские маршруты. Особняком — новенький горновский «Икарус» с распахнутыми дверями, в салоне которого сидели пассажиры. Обойдя машины стороной, Слава вышел на вокзальный перрон и чуть не столкнулся с шофером «Икаруса». Тот обрадовался и взволнованно сказал, что нервный парень в черной рубашке сел-таки в автобус и купил билет до Горного.

— Я объявил пассажирам, что сбегая на вокзал за папиросами. А сам — в линейное отделение...

— Что же двери автобуса не закрыли?

— Категорически запрещено, когда пассажиры в салоне, а водителя нет.

— Значит, поступаем так... — решил Голубев. — Вы сядете на свое место, а как только я войду в заднюю дверь, переднюю закроете. Понятно?..

Едва шофер сел за руль, Голубев шагнул в «Икарус». Окинув взглядом пассажиров, Слава сразу узнал Валерия Воронкина, сидящего неподалеку от водителя. Внезапно Воронкин оглянулся. Реакция его была молниеносной: словно катапультировавшись из кресла, Валера бросился к передней двери, но та захлопнулась. Воронкин выхватил из кармана пистолет и, направив на водителя, приказал:

— Немедленно открой!

Шофер побледнел. Ошарашенные пассажиры вжалась в кресла. Голубев рванулся вперед.

— Застрелю!!! — пронзительным дискантом взвизгнул Воронкин.

Видимо, впопыхах, от волнения он машинально надавил на спуск, и из ствола пистолета метнулся безобидный язычок пламени.

— Спокойно, граждане, стрельбы не будет... — тотчас

проговорил Голубев. Чувствуя от нервного перенапряжения слабость во всем теле, Слава, как в замедленной киносъемке, подошел к ощерившемуся в безысходной ярости Воронкину, поймал трясущуюся с «пистолетом» руку и облегченно засмеялся. — Не надо, Валера, пугать людей. Отдай зажигалку!..

16. Непутевые дети

Утром на столе Бирюкова щелкнул внутренний селектор: подполковник Гладышев срочно приглашал к себе. В кабинете, кроме подполковника, сидел представительный, еще не старый, но совершенно седой мужчина.

— Анатолий Захарович Цветков, — представил его Гладышев и, указав взглядом на Антона, добавил: — А это начальник нашего уголовного розыска товарищ Бирюков. Надеюсь, вы с ним установите обоюдное понимание.

В кабинете Антона Цветков, попросив разрешения, первым делом закурил. Рассеянно посмотрев на подставленную Антоном пепельницу, спросил глуховатым голосом:

— За что арестовали моего сына?

— Он подозревается в серьезном преступлении. Подполковник, видимо, вам рассказал...

— В общих чертах. Мне надо знать подробности.

— Подробностей, Анатолий Захарович, пока мы сами не знаем.

— Тогда на каком основании Вася арестован?

— Ну, если быть юридически точным, — помедлив, сказал Антон, — то сын ваш не арестован. Его задержали, чтобы выяснить возникшие подозрения, однако он пытался бежать, ушибся и попал в больницу.

— Странно звучит — пытался бежать...

— К сожалению, это так.

— Ушиб серьезный?

— Сегодня-завтра Вася будет совершенно здоров. Цветков-старший глубоко вдохнул дым.

— Вас интересует характер моего сына?

— Безусловно.

Цветков облегченно вздохнул. Притушив в пепельнице недокуренную сигарету, он щелкнул замком портфеля. Порывшись, протянул Бирюкову пачку Почетных грамот:

— Вот Васины заслуги, так сказать, на сегодняшний день.

Грамоты были разные: «За отличную учебу и примерное поведение», «За активную работу с пионерами», «За победу в летней Спартакиаде народов СССР», «За призовое место в туристском ориентировании», «За добросовестное участие в озеленении города Новокузнецка» и так далее, и тому подобное.

Когда Бирюков отложил последнюю грамоту, Анатолий Захарович подал ему роскошную красную обложку с золотым тиснением:

— А вот диплом чемпиона города по мотогонкам.

— Значит, Вася прекрасно водит мотоцикл?

— Да. В прошлом году он получил звание мастера спорта.

Антон вкратце рассказал Цветкову о магазинной краже в Заречном. Словам подряд две спички, Цветков нервно прикурил новую сигарету. Затягиваясь раз за разом, тревожно спросил:

— Вы твердо уверены, что именно Вася управлял мотоциклом?

— Утверждать рано, но не исключено,— ответил Бирюков.

— Не могу представить, чтобы сын мой связался с уголовниками. Мать контролировала каждый его шаг.

— А вырвавшись из-под родительского контроля, такие ребята нередко сбиваются с заученного.

— Вы правы. Но Вася... Нет, не могу представить!

— В деле замешана еще и молодая красивая женщина, мягко говоря, не совсем строгого поведения. Для подростка — это большой соблазн...

— Еще не легче! У Васи были с ней какие-то отношения?..

— Анатолий Захарович,— произнес Бирюков,— все, что мог, я вам сказал. Остальное касается тайны следственного портфеля.

— Мне можно с Васей встретиться?

— Не рекомендую. Сейчас нам важно быстрее выявить истину. А встреча ваша может помешать, и это осложнит Васину судьбу...

— Когда же мне ожидать ясности?

— Думаю, через день-два.

Цветков встал, сдержанно попрощался и, склонив седую голову, тяжело вышел из кабинета. Мысленно представив себя на его месте, Бирюков почувствовал, как защемило сердце.

Из невеселых раздумий Антона вывел телефонный звонок. Звонил следователь Лимакин.

— Знаешь, Игнатьевич,— озабоченно сказал он.— Вася Цветков на допросе наговорил такое...

— Что именно? — хмуро спросил Бирюков.

— Почти все грехи на себя берет. И, понимаешь, обстоятельства складываются таким образом, что многому из его показаний приходится верить.

— Подожди делать выводы. Иду к тебе...

Однако не успел Бирюков подняться из-за стола, как в кабинет, осторожно постучав, вошел бородатый Фарфоров и худенькая, с отрешенным взглядом женщина в траурном платье.

— Алла Константиновна по моей телеграмме из Ялты вернулась,— тихо поздоровавшись с Антоном, проговорил Фарфоров и, как будто Бирюков сам не мог догадаться, добавил: — Мама Ирины.

Женщина отрешенно глядела перед собой. Бирюков предложил ей сесть. С неожиданным облегчением он вдруг подумал, что на этот раз избавлен от необходимости сообщать трагическую весть. Смотрел на Аллу Константиновну и невольно отмечал, насколько сильно погибшая дочь похожа на нее. Такая же короткая прическа, те же мягкие черты лица, тот же подбородок и даже тени под глазами казались одинаковыми, с той лишь разницей, что у дочери они были наведены искусственно, а у матери — от безысходного горя. Заметив на себе взгляд, Алла Константиновна срывающимся голосом чуть слышно спросила:

— Как это произошло?

— Обстоятельства смерти Ирины еще выясняются,— ответил Бирюков и налил Крыловецкой стакан воды.

— Она замешана в предсудительном?

— Многое не понятно,— Бирюков бросил короткий взгляд на сутулящегося Фарфорова.— Вадим Алексеевич, к сожалению, объяснить поступки Ирины не смог. Может быть, вы внесете какую-то ясность...

Алла Константиновна медленно раскрыла черную дамскую сумочку на «молнии», вынула из нее распечатанный почтовый конверт и подала Бирюкову.

— Буквально за день до страшной телеграммы от Вадима Алексеевича Ирина прислала мне в Ялту письмо...

Антон развернул тетрадный лист, исписанный разборчивым почерком:

«Дорогая мамуля! Приближается мое девятнадцатилетие, а рядом — ни тебя, ни бородатого Вадима Алексеевича, ни подруг... Даже с Ленкой К. на днях окончательно разругалась. Она, дура, по-черному завидует мне и даже не подозревает своим куриным умом, что мое «счастье» страшно жестокое.

Ты, конечно же, усмехнешься и не поверишь в искренность этого письма. Но, клянусь всеми святыми, на сей раз ни капельки не лгу. За последнюю неделю не единожды вспомнила слезы, которые причинила тебе своим дурным поведением, обдумала каждое твое слово, когда ты уговаривала меня остепениться и прекратить глупости. Бог мой, как ты была права! Какой набитой дурочкой выглядела я, мечтая о беспечном счастье! И вот только теперь, накануне девятнадцатилетия, поняла, насколько жестоким и наглым выглядит такое счастье...

Мамуль, ты отдыхай спокойно, лечись. Я тебя люблю и глупостей больше делать не буду. Когда вернешься из Ялты, все-все объясню. И если последний раз меня простишь, клянусь, мы заживем с тобой по-настоящему, как жили тогда, когда ты звала меня киской. Как хорошо и как давно это было!..

Обнимаю и целую тебя в щечку. Твоя непутевая доча Иришка».

Прочитав письмо, Антон стал рассматривать почтовый штемпель на конверте. Письмо было отправлено из Новосибирска в день отъезда Ирины в райцентр.

— Вы были в ссоре с дочерью? — спросил Антон.

— Конфликт наш начался, когда Ирина училась в десятом классе,— глухо проговорила Алла Константиновна.— За погибшего в испытательном полете мужа мне установили приличную пенсию и выплачивали до совершеннолетия дочери. Она, можно сказать, ни в чем не нуждалась. Когда перешла в десятый класс, я с тревогой заметила, что Ирина слишком много внимания уделяет своей внешности. Часами просиживала за косметикой, исчезала из дома «к подругам». Однажды пришла выпивши. В другой раз в кармане ее шубы я случайно обнаружила пачку американских сигарет, которые на черном рынке, как мне сказали, стоят около двадцати рублей... Не на шутку испугавшись, я прекратила давать Ирине деньги. И тут она закатила мне такую истерику, что меня с инфарктом уложили в больницу. На какое-то время Ирина стала прежней послушной девочкой, но...— Алла Константиновна, устало протянув руку к стакану, отпила глоток воды,

помолчала.— Но стоило только мне немного отойти от болезни, все началось сызнова. Школу Ира закончила еле-еле, в институт поступать не стала. А тут появилась Кудряшкина, которую она называла Лелей...

Крыловецкая тяжело вздохнула, задумалась. Воспользовавшись паузой, Бирюков спросил:

— Какие интересы их объединяли?

— Точнее будет: отсутствие интересов.— Алла Константиновна, видимо, стараясь сдержать слезы, крепко сдвинула побелевшими пальцами переносицу.— Обе хотели жить, не затрачивая ни умственного, ни физического труда...

— Насколько мне известно, последнее время перед замужеством Ирина не жила с вами...— сказал Антон.

— Однажды, не сдержавшись, я назвала ее тунеядкой и нахлестала по щекам... Это был финал...

Бирюков посмотрел на сутулящегося Фарфорова:

— Вадим Алексеевич, говорят, вы сильно ревновали Ирину...

Фарфоров вздрогнул:

— Чушь! — резко ответил он.— Единственный раз выставлял за дверь полупьяного молодца, который разлегся спать в моей квартире.

— Простите за нескромный вопрос,— сухо извинился Антон и спросил Крыловецкую:

— Вы приехали, чтобы забрать... Ирину?

Алла Константиновна, похоже, не смогла произнести «да» и лишь утвердительно склонила голову.

— Для этого вам надо будет зайти в прокуратуру и поговорить со следователем Лимакиным,— сказал Антон.

Наступило молчание. Крыловецкая с трудом поднялась и, попрощавшись, медленно пошла к двери. Фарфоров, направившись следом за ней, у порога задержался. Заметив это, Антон спросил:

— Вадим Алексеевич, вы хотите что-то сказать?

— Да... Собственно, нет,— растерялся Фарфоров и торопливо вышел из кабинета.

Немного подождав, Бирюков снял телефонную трубку и стал набирать номер следователя Лимакина. Услышав знакомый голос, сказал:

— Петя, только что от меня ушли в прокуратуру мать и муж Ирины Крыловецкой. Допроси-ка обстоятельно этого мужа. Интуиция мне подсказывает: приезжал он все-таки в райцентр и виделся с Ириной накануне ее смерти...

— Сделаю все, как надо,— ответил следователь.— А с Васей Цветковым ты не передумал встретиться? Знаешь, с ним произошла прямо-таки метаморфоза. Вначале признал себя виновным и в магазинной краже, и в смерти Крыловецкой. Когда же дело коснулось подписания протокола допроса, категорически отказался.

17. Сплошные парадоксы

Вася Цветков, сопровождаемый сержантом-конвоиром, вошел в кабинет Бирюкова с таким насупленным видом, с каким провинившийся ученик обычно входит к строгому директору школы, ожидая нахлобучки. Отпустив козырнувшего сержанта, Антон сказал:

— Садись, Василий, говорить будем.

Цветков покосился на стул, будто хотел убедиться, нет ли в нем иголки, и осторожно присел на самый краешек.

— Садись надежней, беседа предстоит долгая,— твердо произнес Бирюков.— Не буду заигрывать и обещать помилования. За то, что натворил, ответишь по закону. Однако предупреждаю: чистосердечное признание учитывается при вынесении судом приговора. Так вот...

— В чем хотите меня обвинить? — перебил Вася.

— Обвинение будет после, а пока давай-ка кое-что выясним,— продолжал Антон.— Сейчас я стану приводить факты. Ты будешь или подтверждать их, или опровергать. Да или нет. Третьего не дано.

Антон раскрыл папку и подал запротоколированные Славой Голубевым показания Борьки Муранкина о проигранном в карты золотом кольце. Цветков, словно заучивая наизусть, долго читал написанное. Возвращая Антону протокол, насупленно сказал:

— Это не факт.

— Почему?

— На днях я отобрал у ребят пачку сигарет, вот Борька по злости и плетет на меня...

— Ты мать его знаешь?

— Не знаю.

— Это тебя и подвело.

— Как?..

— Выигранное у Борьки кольцо ты продал его матери — она на вокзале мороженым торгует.

Во взгляде Цветкова мелькнуло недоумение, однако он упрямо повторил:

— Какое-то совпадение. Никакого кольца я не выигрывал и не продавал.

— Значит, опровергнуть этот факт не можешь?

Цветков отвернулся к окну.

— Совпадения, Вася, бывает не много. Позавчера вот на этом же стуле, на котором сейчас ты, сидела Галина Тюменцева и пыталась доказать, что случайно пошла за огород и обнаружила угнанный мотоцикл...— Цветков медленно повернул голову, ожидая, что скажет Бирюков дальше.— На самом же деле, как выяснилось, пошла Тюменцева туда совсем не случайно, а по записочке, которую ей подсунили. Не ты написал записку?..

— Ничего я не писал,— буркнул Василий.

— Следователь прокуратуры брал у тебя образец почерка?

— Ну... брал.

— Как у тебя в школе с русским языком было?

— Хорошо

— Без ошибок писал?

— Конечно.

— А записка, подsunутая Тюменцевой, написана малограмотно, только почерк...— Бирюков умышленно сделал паузу, и Вася, не сдержавшись, усмехнулся:

— Какой там почерк...

— Тебе разве известно, что записка написана печатными буквами? — спокойно спросил Антон.

Цветков, взглядом столкнувшись с Антоном, почти выкрикнул:

— Я так не говорил!

— Как?

— Что записка печатными буквами написана.

— Но знать-то об этом знаешь.

— Ничего я не знаю!

— Хорошо. Еще один факт проверим. Ты знаком с Валерием Воронкиным?

Цветков молчал. Вопросы ставили его в тупик, и он начал, видимо, понимать, что отрицать очевидное бессмысленно.

— Повторяю: брата Галины Тюменцевой Валерия Воронкина знаешь?

Василий хмурился, нервно ерзал на стуле. Наконец сказал:

— Один раз видел у Галки.

— В Заречное за сигаретами «Мальборо» с ним ездил?

— Нет, не с ним,— Вася сказал и осекся. Это был явный промах: он признался, что пользовался мотоциклом Тюменцевой, этого не следовало допускать. Васиному лицу сделалось пунцовым.

— С кем ездил? — спросил Антон.

— Парень какой-то попросил попутно подвезти,— Вася смутился еще больше.

— Его имя?

— Не знаю.

— Жаль! А тот парень обворовал в Заречном магазине. В момент кражи было покушение на сторожа. Следы от мотоцикла абсолютно схожи с протекторами мотоцикла Тюменцевой. И еще: тот парень говорит, что спрятал ворованные запонки под крыльцо дома Галины... Кто бы ты думал?.. Вася Цветков. Он тебя знает, а ты его нет?

Цветков с искренним удивлением уставился Бирюкову в глаза и вдруг вспылил:

— Подлое вранье! Никаких запонок я не прятал!

— И к магазинной краже в Заречном, конечно, никакого отношения не имеешь? — усмехнулся Антон.

Вася уткнулся взглядом в пол.

— Ладно, не будем больше толочь воду в ступе. Расскажи, из-за чего поссорился с Ириной Крыловецкой?

— Не ссорился с ней,— еле выдавил Цветков.

— Зачем же подаренную тебе фотокарточку разорвал?

— Какую?

Антон положил на стол репродукцию с разорванной фотографии. Заметив, как насторожился Вася, сказал:

— Чтобы не играть втемную, сразу поясню: на снимке сохранились отчетливые отпечатки твоих пальцев...

— Это совпадение,— с большим трудом выговорил Вася.

— Нет, Вася. Таких совпадений никогда не бывает. История криминалистики не знает случая, чтобы пальцевые отпечатки разных людей оказались идентичными.

Тут внимание Антона привлекла «рэнглеровская» этикетка на кармашке Васиной рубашки. Под этикеткой темнела смазанная вертикальная полоса. Вспомнилась засохшая кровь на пожарном настиле у озера.

— Кто тебе разбил нос?

Цветков потянулся было к носу рукой, но, спохватившись, насупись:

— С чего вы взяли?

— На рубашке следы крови остались. Плохо замыл. Вася, круто скосив взгляд, несколько секунд рассматривал кармашек рубашки и вроде как вспомнил:

— Это давно... от жары кровь из носа пошла.

— А почему замывал недавно? — с укором спросил Бирюков и, не давая Цветкову раздумывать, добавил: — Кровь такой же группы, как у тебя, обнаружена на пожарном настиле у озера, где, кстати, нашли и разорванную фотографию. Ты встретился там с Ириной?

— Я уже говорил,— набычась, ответил Цветков,— что видел Крыловецкую, когда она разговаривала на насыпи у моста со своим отцом.

— С кем? — будто не поняв, уточнил Бирюков.

— Ну это... С бородатым мужчиной ругалась.

— Отец Ирины был летчиком-испытателем и погиб несколько лет назад.

На лице Цветкова появилось откровенное недоверие, и у Антона мелькнула мысль о том, что Вася искренне заблуждается в родственных отношениях Крыловецкой и Фарфорова.

— Ты не веришь мне? — спросил Антон.

— Не верю... Ирка рассказывала, что отец у нее бородатый, как Хемингуэй, и работает геологом.

— Бородатый геолог — муж Ирины, а не отец...

Закончить разговор Бирюкову не дали. Открылась дверь, и Слава Голубев ввел в кабинет, держа под руку, словно задушевного друга, растрепанного Валерия Воронкина. Увидев сидящего перед Бирюковым Васю Цветкова, Слава замешкался:

— Прошу прощения... — Голубев положил на стол пистолет-зажигалку и золоченые часы с браслетом:

— Изъято у гражданина Воронкина при задержании.

Антон с интересом взял часы. На их тыльной стороне была гравировка «Васе в день 17-летия от мамы». Показывая надпись Цветкову, спросил:

— Мамин подарок отдал другу?

Пока ошарашенный появлением внезапных посетителей Цветков собирался с мыслями, Воронкин торопливо зачистил:

— Попухли, Васек, с магазинчиком. Раскалывайся безо всяких-яких. А Ирину мокруху, извини-подвинься, я на себя не возьму...

— В капээз его,— обращаясь к Голубеву, сухо сказал Антон.

— Гражданин начальник!.. Подожди садить в пред-варилковку, послушай, все откровенно расскажу!..

Воронкин отшатнулся было от Голубева, но Слава опять взял его под руку:

— После расскажешь, после...

— Это Васек сторожа в Заречном по башке заче-мерил! — уже из коридора крикнул Воронкин...

— Такие пироги получаются, Вася,— глядя на подав-ленного Цветкова, спокойно сказал Антон.— Такая-то она, с позволения сказать, «солидарность» уголовников.

— Не убивал я Ирину! — с отчаянием выкрикнул Ва-ся.

Антон почувствовал усталость и не стал скрывать это-го. Вздохнул и облокотился на стул.

— Вот что, Цветков. Только что ты отрицал почти все факты. Прикажешь верить теперь? Нет. Соберись-ка

с мыслями и, когда решишь, поставь меня в известность.

Бирюков вызвал конвойного.

Погода начала портиться. Небо густо закурчавело темными облаками. Ветер, закручивая на асфальте дорожную пыль, порывисто трепал верхушки деревьев. Отворачивая лицо от пыльных зарядов, Бирюков вошел в коридорчик прокуратуры. У кабинета Лимакина молча сидели со скорбными лицами Алла Константиновна и Фарфоров.

Поздоровавшись с Антоном, Лимакин тыльной сторонной ладони потер лоб.

— Сплошные парадоксы... Фарфоров при допросе на удивление быстро сознался, что приезжал в райцентр, чтобы убедить жену немедленно уехать домой. Ирина категорически отказалась. Заявила, что скорее утопится, нежели вернется в Новосибирск. Тогда в Фарфорове заговорило самолюбие, и он потребовал у Ирины драгоценности...—следователь показал на бриллиантовый перстень и золотое кольцо.—Вот первый парадокс: Вадим Алексеевич прямо как специально, чтобы поставить себя под подозрение, выложил мне эти дамские цацки. Скажи, нормальный человек так поступит?

Бирюков задумался.

— Так, Петя, может поступить или кристально честный человек, или дилетант-преступник: вот, мол, если бы я был виноват, разве показал бы вам отнятые у потерявшей драгоценности?..

— Кто, по-твоему, Фарфоров? Дилетант?

— Понимаешь... Вадим Алексеевич несколько раз вроде бы порывался мне что-то сказать, но у него не хватило смелости.

— Почему же он мне сразу все выложил?

— Психология, Петя... Я вел с Фарфоровым окольный разговор, вокруг да около, а ты сразу взял быка за рога: «Я—следователь прокуратуры... Ваша фамилия, имя, отчество? Предъявите паспорт»... И так далее, и тому подобное. Это, знаешь, действует...

Лимакин подал Бирюкову стандартный железнодорожный билет пригородного сообщения, пробитый в двух местах ревизорским компостером:

— Вот единственное алиби Вадима Алексеевича. Утверждает, что приехал в райцентр на семичасовой электричке, а обратно укатил в десять вечера, то есть когда Крыловецкая была еще жива. Но билетик-то этот действителен для проезда в пригородных поездах двое суток...

— Да, неубедительное алиби,—согласился Антон.—Знаешь, давай-ка еще с ним поговорим, а?..

Фарфорова пригласили в кабинет, и, когда он сел на предложенный стул, Бирюков спросил:

— Вадим Алексеевич, почему скрыли от меня, что приезжали в райцентр и встречались здесь с Ириной?

Лицо Фарфорова мгновенно сделалось виноватым.

— Смалодушничал,—виновато ответил Фарфоров.— Можете судить, привлекать к ответственности, я готов на все. Прошу лишь об одном снисхождении: разрешите похоронить жену.

— Этого вам не запрещают,—сказал Антон.— Но попробуем еще раз разобраться в последних поступках Ирины. Почему она буквально перед самым вашим возвращением из командировки внезапно уехала в райцентр?

Фарфоров дернул плечом.

— К сожалению, помочь вам не в силах. Ирина не оставила ни письма, ни записки...

— И в квартире, когда вы вернулись, все было, как обычно?

— Да, как обычно...—Фарфоров помолчал.— Единственное, на что я обратил внимание: в гардеробе Ирины появилось новое платье фирмы «Софари».

— Почему это платье привлекло ваше внимание?

— Потому что на рынке оно стоит триста пятьдесят рублей, а таких денег я жене не оставлял...

Бирюков попробовал выяснить отношения Крыловецкой с Тюменцевой, но Фарфоров на все вопросы только дергал плечом. Не мог он и ничем, кроме билета, подтвердить своего алиби. Разглядывая пробитый ревизором билет, Антон спросил:

— Внешность ревизора, который проверял у вас билет, не запомнили?

— По-моему, невысокий старичок в очках,—неуверенно ответил Фарфоров.

Н невысокого старичка-ревизора в очках отыскать оказалось совсем нетрудно. Через полчаса он уже прибыл в прокуратуру. Проблема возникла в другом. Для опознания вместе с Фарфоровым следовало предъявить еще не менее двух бородатых мужчин примерно такого же возраста, как и Фарфоров, а в райцентре бороды были не в моде. Кое-как отыскали одного бородача, работающего инспектором в госстрахе, а другого—художником в комбинате бытового обслуживания.

Ревизор, которому Лимакин объяснил суть дела, в присутствии понятых очень долго протирал носовым платком очки, затем с чрезвычайно суровым видом разглядывал предъявленных для опознания и вдруг, когда Фарфоров нервно дернул плечом, обрадовался:

— От этот!.. Провалиться сквозь землю, этот! Два раза собственноручно проверял у него билет.

— На каких электричках?—спросил уточнить Лимакин.

— Когда ехали из райцентра—на вечерней десятичасовой. Помню, еще спросил гражданина: «Только приехали и уже обратно возвращаетесь?» Он в ответ плечом дернул, как сейчас, и к окну отвернулся.

Алиби Фарфорова подтвердилось.

Оставшись вдвоем с Лимакиным, Бирюков проговорил:

— Один парадокс ликвидирован. Осталось еще два: Воронкин и Цветков. Ты не предупреждал Цветкова об ответственности за ложные показания?

Лимакин отрицательно повел головой:

— Цветков задержан в качестве подозреваемого... Можешь почитать протокол, который он отказался подписать.

Следователь порывлся в столе и протянул Бирюкову три стандартных листа, заполненных с обеих сторон убогористым почерком. Антон внимательно стал читать. Показания Цветкова действительно были настолько путанны

и так беспардонно лживы, что, читая их, создавалось впечатление, будто Вася с азартом участвовал в забавной игре «сыщики-разбойники», а не держал ответ перед следователем прокуратуры. Возвращая Лимакину бумаги, Бiryюков спросил:

— Откуда у Ирины Крыловецкой появилось новое платье «Софари»?

Лимакин досадливо поморщился:

— Черт знает, где они умудряются доставать импортные тряпки. Собственно, чего тебя вдруг это платье заинтересовало?

— Я глубоко уверен, что всякое тяжкое преступление начинается с малого. Это, знаешь, как камешек с горы, а потом лавина. Согласен?

— Конечно.

— Вот и давай порассуждаем. Допустим, Крыловецкая, заняв деньги у кого-то из знакомых втайне от мужа, решила расплатиться с долгом тоже тайком. Доходов у нее — ноль целых и столько же десятых. Что она могла сделать в такой пикантной ситуации?..

— Сговорить Васю Цветкова на кражу...

— Не исключено... Хотя обворовал магазин Валера Воронкин при соучастии Цветкова, а в роли наводчицы, под влиянием Крыловецкой, вероятнее всего, выступила Галина Тюменцева, которая узнала, что завмаг получила новые товары...

— Дальше что?

— Дальше как в одной старой песенке: «Что-то мы с тобой не поделили»... Насколько известно, у Ирины нагловатый характер. Чтобы завладеть львиной долей — ей ведь надо было триста пятьдесят рубликов! — она вполне могла пойти на шантаж, и соучастники кражи заставили ее «замолчать». Это одна из версий... — Бiryюков подумал. — Другая, на мой взгляд, заключается в банальной формуле «Вася плюс Ира равняется любовь». Здесь все значительно сложнее.

— Совершенно не пойму, почему Цветков забрал в Доме культуры туфлю Крыловецкой, оставив вместо нее расписку, выводящую на свой след... — медленно проговорил Лимакин. — Так мог поступить только тот, кто не знал о трагедии на озере.

— Мог не знать, а мог и знать... Подростки порою идут на такие дерзкие поступки, что с точки зрения взрослого человека их поведение кажется необъяснимым.

Лимакин встал из-за стола и прошелся по кабинету.

— Кто ж все-таки, Игнатьевич, приложил к Ирине Крыловецкой руку: Воронкин или Цветков?

— Если подтвердится версия дележа краденого, то — Воронкин. При любовной версии — Цветков.

— Ну, а если кто-то третий?..

— Давай пока эти две отработаем.

Тихо задребезжал телефон. Лимакин снял трубку, послушал и встретился взглядом с Бiryюковым:

— Дежурный по капзэз говорит, что у задержанного Воронкина на спине — дробное ранение.

— Что и требовалось доказать.

— И еще: Цветков изъявил желание сделать некоторые уточнения в протоколе.

Выждав, пока Вася усядется, Бiryюков показал ему протокол допроса:

— Что именно хочешь здесь уточнить?

Цветков насупленно повернулся к окну и не проронил ни слова.

— Здесь же — сплошная неправда, — не дождавшись ответа, снова сказал Антон.

— Почему сплошная? — не отрывая взгляда от окна, буркнул Вася.

— Потому, например, что кражу из магазина совершил не ты, а Валерий Воронкин при твоём соучастии. Сознайся, Воронкин запугал тебя?

— С чего вы это взяли?

— Хотя бы из того, что твои часы, подаренные мамой, оказались у Воронкина.

— Может, я продал их Валерке...

— Может — надвое ворожит. Во всяком случае, денег у тебя не было. Ты ведь от безденежья обманул в карты сына мороженщицы и выудил у него золотое кольцо, чтобы на билет до дому раздобыть... — Бiryюков сделал паузу, ожидая, что Вася возразит, однако тот промолчал. — Вот, видишь, и сказать тебе в свое оправдание нечего. Пойми, расследование будет продолжаться до полной ясности, а поэтому рано или поздно придется рассказывать правду во всех подробностях. Словом, судьба твоя сейчас зависит от твоей искренности...

Цветков, насупленно глядя в окно, словно в рот воды набрал. Антон не торопил его. В наступившей тишине отчетливо было слышно, как бьется об оконное стекло большая муха, залетевшая в открытую форточку и пытающаяся вырваться на волю. Внезапно Вася повернулся к Антону, поднял на него глаза и сначала сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое, затем постепенно успокаиваясь, заговорил...

18. «Мастер и Маргарита»

Сдав документы в приемную комиссию Новосибирского электротехнического института связи и получив место в студенческом общежитии, Цветков первую неделю самым добросовестным образом отсидел на подготовительных курсах, где в основном подобралась рабочая парни и девушки, давно закончившие школу; демобилизованные из армии солдаты, успевшие за время службы подзабыть школьные науки; да разного рода пройдохи, рассчитывающие не столько на пополнение своих жизненных знаний, сколько на знакомство с институтскими преподавателями, которые, по слухам, должны были принимать предстоящие вступительные экзамены. Ни к одной из этих категорий абитуриентов Цветков не принадлежал. Школьную программу Вася знал уверенно, и, убедившись, что подготовительные курсы ровным счетом ничего ему не дадут, он предпочел проводить время на городском пляже.

В один из вечеров, когда Вася вернулся в общежитие, сосед по комнате — пухлый здоровяк с веселой фамилией Загуляйко, имевший привычку к месту и не к месту употреблять слово «впрочем», — оторвался от учебника и с сожалением проговорил:

— Сегодня, впрочем, тетушка к тебе приезжала, ка-

жется, Марией Захаровной зовут. Похоже, корзинку с харчем привозила...

На следующий день, когда Вася прилег с книжкой на койку, вошла основательно раскрашенная девица. Смерив взглядом поднявшегося стройного парня, бесцеремонно спросила:

— Цветков?

— Допустим,— шутиливо ответил Вася.

— Чулки спустим. Цветков или нет, спрашиваю?

— Цветков.

— С чем и поздравляю. Тетя ягодок тебе прислала. Кушай на здоровье, расти большой и толстый,— девица оценивающе посмотрела на Васю и вдруг сказала:— Слушай, у тебя, кажется, козырные заточки есть...

Цветкову не нравились наглые девицы, но из этой настолько откровенно выпирали простота и непосредственность, что Вася решил от скуки поболтать с ней. Он узнал, что Леля Кудряшкина работает на телеграфе и что Васина тетя, забыв оставить в общежитии корзиночку, передала ее какой-то соседке из райцентра, соседка— подружке, а подружка в свою очередь попросила Лелю... Беспредметный разговор Кудряшкиной скоро надоел. Рассматривая яркую этикетку на левом кармашке Васиной рубахи, она неожиданно спросила:

— Где ты фирмово приоделся? На барахолке?

— Зачем на барахолке? Отец привез.

— Он за границу ездит?

— Два-три раза в год.

— Козырно! Слушай, а мне дубленку не сможет достать? Попроси, а? Ведь ты единственный сыночек у мамочки с папочкой?..

Задетый за самолюбие Цветков достал из кармана джинсов удостоверение мастера спорта и показал его Кудряшкиной.

— Между прочим, Лелечка, такое звание даже единственному сыночку не обеспечат самые сверхобеспеченные родители.

— Ты— мастер спорта?!— изумилась Кудряшкина.

— И чемпион к тому же,— с напускным равнодушием добавил Вася.

— Олимпийский?

— Нет, но если займусь каким-либо из олимпийских видов...

— Обязательно займись!— не дала договорить Кудряшкина.— Знаешь, в нашем городе живет Александр Тихонов— чемпион по бим... бом... Ну, как этот спорт называется, где стреляют и на лыжах бегают?

— Биатлон,— не сдержав улыбки, подсказал Вася.

— Правильно. Так вот, где он только не побывал! А подарков, а наград! Не веришь?— Кудряшкина игриво подмигнула:— Знаешь, Мастер, давай с тобой любовь закрутим!

— А куда награды и подарки складывать будем?— как можно серьезнее спросил Вася.

Видимо, сообразив, что перехлестнула, Леля йокетливо надулась.

— Думаешь, мне твои награды нужны? Просто мне понравился.

— Спасибо. Но купаться мне больше нравится.

На этом и кончилась их первая встреча. Шутиливо мах-

нув Леле рукой из уходящего к пляжу автобуса, Вася даже не предполагал, что когда-либо еще увидит эту простоватую раскрашенную девицу с неимоверно объемистой грудью. Но следующим же утром, к Васиному удивлению, Кудряшкина вновь заявила в общежитие— на этот раз с купальником.

Почти весь день они провалялись на пляже, потягивая из горлышка лимонад, охлажденный в мокром песке. Когда полуденная жара сникла и от реки потянул холодок, Леля, зябко обхватив ладонями покрасневшие от загара плечи, предложила поехать к ее подружке.

Так Вася впервые увидел Ирину Крыловецкую. Она была в роскошном цвета морской волны вечернем платье с глубоким вырезом на спине и обнаженными плечами.

Включив магнитофон и оставив Цветкова в комнате созерцать уникальную коллекцию минералов, подружки удалились на кухню. В одну из пауз в магнитофонной записи из кухни донесся голос Кудряшкиной:

— Ирк, оставь нас одних.

— Нельзя совращать невинных.

— Ой, тошно мне!.. С каких это пор...

Магнитофон, чуть передохнув, загудел все заглушающей джаз-музыкой, затем Васю пригласили пить кофе. Кудряшкина многозначительно посмотрела на Ирину:

— Может, флакончик беленькой замочим?..

— Ты же знаешь, что я не пью водку.

— Нам с Мастером накропи по стаканчику.

Ирина погрозила пальцем:

— Тебе на работу, не забывай.

— Ой, тошно мне!..— с сарказмом воскликнула Кудряшкина и, прихлебывая кофе, сердито принялась уничтожать бутерброды с ветчиной. Мрачно сказала Цветкову:

— Ну, что, Мастер, поблагодарим хозяйку за угощение vsухую и откланяемся?..

— Мне некуда торопиться,— неожиданно для себя сказал Цветков.

Крыловецкая, будто поддерживая Васю, улыбнулась:

— Иди, иди, Леля, не съем я Мастера.

На лице Кудряшкиной появилось выражение не то растерянности, не то обиды. Молча подойдя к двери, она вдруг остановилась и с ядовитой усмешечкой предупредила:

— Если хочешь, чтобы фирмовые джинсы не упорхнули в форточку, не вздумай, Вася, здесь остаться ночевать.— И, хлопнув дверью, застучала каблучками по лестнице.

...Пили кофе, шутили. Цветков спросил о портрете бородатого мужчины над письменным столом:

— Что за Хемингуэй?

— Это?..— вроде бы сбита с толку, переспросила Крыловецкая.— Это мой папочка, геологом работает.— И сразу предложила:— Хотите послушать самодеятельный концерт? Я ведь артисткой когда-то собиралась стать.

Крыловецкая принесла гитару. Подстраивая, взяла несколько аккордов. Играла Ирина, как показалось Васе, замечательно. Знала много старинных романсов. Зачарованный ее пением, Вася поймал себя на мысли, что ему безумно хочется поцеловать Ирину. И она, словно уга-

дав его желание, резко прижала ладонью струны, тихо сказала:

— Вы мне очень-очень нравитесь, Мастер. Хотите, стану вашей Маргаритой?.. Булгакова читали?..

— Читал,— сорвавшимся голосом прошептал Вася и потянулся к Ирине. Крыловецкая испуганно отстранилась:

— Не надо торопить события, Мастер...

В общежитскую комнату Цветков заявился около полуночи. Клевашший носом над учебником Загуляйко посмотрел на часы:

— Впрочем, уже не ждал тебя. Влюбился, что ли?

— Угадал! — сияя, ответил Вася.

На следующее утро ноги сами привели его к многоэтажному дому. Первым желанием было — подняться к знакомой двери и нажать на кнопку звонка. Однако смелости хватило лишь на то, чтобы позвонить из кабинки телефона-автомата.

Телефон долго не отвечал. Вася хотел уже повесить трубку, когда в ней послышались щелчки и заспанный женский голос:

— Да!..

— Ирину можно?..

— Слушаю!

— Маргарита, это — ваш Мастер,— деревенеющим от волнения языком проговорил Вася.

В трубке тянулось молчание, затем Ирина обрадованно воскликнула:

— Васек?! Милый, я так счастлива, что ты позвонил! Надеюсь, увидимся сегодня?

— Готов сейчас.

В трубке снова замолкло. Ирина или не очнулась ото сна, или о чем-то раздумывала.

— Приходи через часик. Мне надо привести себя в порядок,— наконец сказала она и чуточку замаялась: — Только... прошу... не входи в квартиру на виду у соседей, в звонок тоже не греми — дверь будет на заперта.

Обусловленный час показался Цветкову вечностью. С замирающим сердцем, почти на цыпочках, он поднялся по лестнице. Сразу же закрыв дверь на защелку, Крыловецкая провела Васю в комнату и, заговорщицки приложив палец к губам, предупредила:

— Никому не открываем, на телефонные звонки — молчим...

— Ты что, замужняя? — почувствовав тревогу, спросил Вася.

Ирина рассмеялась.

— Чудак... Мой папочка очень печется о нравственности своей единственной доченьки и, если соседи ему что-то накап... словом, наговорят... Ну, ты же знаешь: «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!»

Сказано это было с такой искренностью, что Вася, почувствовав себя круглым дураком, угрюмо извинился:

— Прости, Ир, ревную, как мальчишка.

— Значит, любишь?..

— Люблю.

— Я — тоже,— удивительно просто сказала Крыловецкая и, словно заключая пари, протянула руку: — Мир — дружба?

...Они встречались с неделю. И каждый раз, предвзвительно созвонившись по телефону, Вася поднимался

по лестнице с ожиданием, что в его отношениях с Ириной вот-вот произойдет что-то новое, значительное. Однако ничего нового не происходило. Они по-прежнему радостно улыбались друг другу, разговаривали о незначительных пустяках, пили кофе, жевали бутерброды, которые Ирина делала на скорую руку, слушали магнитофонные записи и подолгу развлекались с гитарой. Ирина вела себя легко и непринужденно, но стоило допустить хоть маленькую вольность, Ирина тотчас шарахалась от него. Между тем все шло как по сценарию...

Однажды, войдя в квартиру Крыловецкой, Вася почувствовал запах табачного дыма. Стараясь избежать лобового вопроса, шутиливо-угрожающе проговорил:

— Здесь мужским духом пахнет...

— Это я, Васек, надымил,— изобразив провинившуюся девочку, ответила Ирина.— Когда расстроюсь, сигарета успокаивает... Между прочим, другой спросил бы, отчего я расстроилась, а ты о дыме... Ну, хочешь, поцелую? — Встав на цыпочки, Ирина чмокнула Васю в губы.— Разит табаком, да?..

Теряя рассудок, Вася схватил ее на руки и ошалело принялся целовать губы, щеки, шею, глаза. Целовал до тех пор, пока Ирина не прикрикнула:

— Перестань — обижусь!..

— Кто посмел тебя расстроить? — не отпуская Ирину, наконец опомнился Вася.

— Лелька Кудряшкина... — тяжело переводя дыхание, ответила она.— Понимаешь, Мастер, любовник подарил Лельке настоящее «Софари». Платье такое: цвета хаки, с патронташиком, пуговички на всю длину, четыре кармана, рукавчик короткий с отворотом и вверх, типа погончика...

Вася шутиливо затряс головой:

— Патронташики, погончики... Чем тебя Лелька расстроила?

— Тем... Лельке с ее монументальной грудью только безразмерные водолазки носить, а не «Софари». Не лезет на нее платье, а на меня — в самый раз. Вот чем...

— Ну и что? — не понял Вася.

— Надо триста пятьдесят рэ, а у меня, как назло, оставленные папочкой деньги кончаются. Хотя бы три сотни где-то перехватить.

— Пошли в общежитие. Триста рублей, по-моему, у меня наберется.

— Васек, милый! Ты не можешь себе представить, какую радость для меня сделаешь! Только в общежитие не пойду. Давай через час встретимся у библиотеки?..

На следующий день — как запомнил Цветков, это было воскресенье — телефон Крыловецкой ответил лишь к вечеру. Узнав, что звонит Вася, Ирина радостно спросила:

— Мастер, хочешь увидеть свою Маргариту в «Софари»?

— Конечно,— радуясь предстоящей встрече, сказал Вася.

— Немедленно приходи.

В новеньком элегантном платье Крыловецкая показала Цветкову изумительной. Закрыв дверь на защелку, Ирина сразу бросилась Васе на шею. Потом они долго целовались на диване, закрывая глаза от палящего через

светлое окно солнца. Внезапно Ирина дрогнувшим голосом попросила:

— Задерни шторы.

Когда Вася выполнил это и комната погрузилась в полумрак, Ирина сказала:

— А теперь помоги мне снять платье...

Усталые и опустошенные, они молча лежали в наспех разобранной постели в Ириной спальне. С рекламного плаката на стене мимо них смотрела поющая Алла Пугачева. Рядом с плакатом на цветном фотоснимке красовалась в купальнике задорно улыбающаяся Крыловецкая.

— Подари мне эту фотографию,— попросил Цветков. Ирина помолчала.

— Эту нельзя, папочка сразу заметит. Хочешь, подарю другую, когда на паспорт снималась. Там я такая киса, что даже сама себе нравлюсь.

— Подари. Только подпиши не от «Кисы», а от «Дикой кошки».

Лицо Крыловецкой вспыхнуло. Она приподнялась на локте и, заглядывая с прищуром Васе в глаза, отрывисто спросила:

— От Лельки узнал?..

— Что?

— О «Дикой кошке»?

Цветков усмехнулся:

— Почему от Лельки... Сам в душе называл тебя «Дикой кошкой» за то, что шараялась от меня, как от чумного.

Крыловецкая облегченно вздохнула:

— Мастер, я у тебя первая?..

— Конечно.

— Значит, запомнишь на всю жизнь. Я где-то читала, что в памяти каждого мужчины навсегда остаются три женщины: первая, последняя и еще одна.

Ослепленный и оглушенный любовью, Василий по мальчишеской наивности считал, что безоблачное счастье будет вечно. Но уже сгущались над его головой облака.

От родительских денег у Васи осталось всего три рубля. Даже при самом скромном питании этого могло хватить дня на два. Но тревожнее показался ему разговор Ирины, когда он ей позвонил:

— Мастер, нам нельзя больше встречаться,— сказала она.— Папочка прислал телеграмму, завтра будет дома.

— Познакомь меня с ним, и все в порядке.

— Сумасшедший, ты не представляешь моего папочку! — испугалась Ирина.— Знаешь, что... Поедем в райцентр, где живет твоя тетя? Там у меня подруга есть, я у нее останюсь.

За это предложение Цветков ухватился — у тети действительно можно было спокойно прожить до вступительных экзаменов...

В райцентр Цветков и Крыловецкая приехали с последней электричкой, уже в сумерках. Их хлебосольно встретила Галина Тюменцева, и Вася догадался, что Ирина предварительно созвонилась с подругой. За обильно уставленным столом во время ужина Ирина впервые при Васе выпила коньяк и закурила. Вася хотел ее упрекнуть, но после двух рюмок, выпитых под усиленным нажимом развеселой Тюменцевой, ему самому захотелось вот так же, как Ирина, небрежно взять в пальцы сигарету и задымить совсем по-взрослому... Вася даже потянулся было к пачке, однако, вспомнив своего тренера, который не терпел табака и спиртного, стыдливо отдернул руку...

У тети, Марии Захаровны, Вася появился только к вечеру следующего дня.

19. Одного поля ягоды

Антон Бирюков посмотрел на часы — время летело стремительно. Вася Цветков рассказывал свою невеселую одиссею так обстоятельно и толково, как будто отвечал уроку.

— Когда вы с Воронкиным познакомились? — спросил Антон.

Цветков вытер ладонью вспотевший лоб, помолчал и заговорил снова.

...Став невольным свидетелем утренней ссоры Галины Тюменцевой с мужем, Вася отказался больше здесь ночевать и встречался с Ириной лишь в то время, когда Тюменцева была на работе. Однажды в середине дня вместо Ирины Васю встретил худощавый подвыпивший парень в футболке, назвавшийся Валеркой.

— Сеструха с подружкой пошли отпускные получать. До их прихода могу поразвлечь. Выпить хочешь?.. — парень открыл дверцу серванта.— Глянь-ка, сколь добра у сеструхи!..

Увидев несколько рядов коньячных бутылок, Вася усмехнулся:

— Ничего запасаец.

Валерка взял крайнюю бутылку.

— Думаешь, куплено?.. Держи карман шире! Сеструхе на работе отпускают коньячок для добавки в разную стряпню, а сеструха за экономию борется, излишки остаются. Понял, да?.. Хорошо, когда на работе спиртное отпускают. У меня в новосибирском зоопарке кореш один

работал. Во лафа была! Там обезьянке, чтоб перед зрителями веселее выкомаривала, коньяк для куража в рацион подливают. Думаешь, обезьянка тот коньячок нюхала? — Валерка показал фигу.— Во!.. На чае перебивалась.

Сели за стол. Цветков пить отказался, сославшись на то, что занимается спортом.

— Ну и чо?.. — удивился Валерка и налил себе полную рюмку.— Ну, как знаешь, а я для разгона приговорю вот эту рюмашку к казни через желудок. Понял, да? «Приговорив» за полчаса полбутылки, он предложил: — В картишки сбросимся?

От нечего делать Цветков согласился. Начали в подкидного. Вася, запоминая вышедшие из игры карты, обыгрывал Валерку, как первоклассника. Тогда Валерка сказал:

— Скучно. Давай в очко кинем.

— На деньги я не играю,— сказал Вася.

— Мы на деньги и не будем, мы — на «американку». Если сорвешь банк, любое твое желание выполняю. Мне подфартит — ты передо мной шестерись. Понял, да?..

Цветков усмехнулся:

— Ты можешь такое желание закатить, что...

— Ну, чо я, фраер?.. Прокрупному желать не будем, а так, по мелочевке: хохму какую-нибудь отмочить, песню любимую сбазлать, ну понял, да?..

Валерка, виртуозно перетасовав карты, стал объяснять игру, и она показалась Цветкову совсем несложной. Дважды подряд Вася выиграл. Первый раз, выполняя его желание, Валерка трижды прокукарекал по-петушиному под столом, а второй — спел на блатной манер свою любимую песню:

Я женщин не бил до семнадцати лет,

В семнадцать ударил впервые.

С тех пор на меня прямо удержу нет,

Налево-направо я им раздаю чаевые...

В третий раз неожиданно для Васи банк «сорвал» Валерка. Гордо откинувшись на спинку стула, он приказал:

— Кричи целых пять минут: «Я дурак, я дурак, я дурак».

Это показалось Цветкову унижительным.

— Отыграться можно?

— Вали, только не в штаны,— великодушно согласился Валерка и с блистательной быстротой снова набрал двадцать одно очко.

— Давай еще раз! — запальчиво сказал Цветков.

— Не, так неинтересно, — Валерка прищурился. — Слышь, Васек, сеструхина подруга толковала, что ты — мастер по мотоциклу. Правда, да?..

— Допустим... Дальше что?

— Дальше в лес — больше дров. Не хочешь дураком базлать — прокати меня на сеструхином «Восходе» до Заречного. Тут совсем близко, дорогу покажу.

— Что там делать?

Валерка достал из кармана пустую пачку «Мальборо» и пять рублей.

— Сеструха просила таких вот сигареток купить. Толковала, что в Зареченском сельмаге имеются. Полчервонца специально дала. Хотел на автобусе смотаться, да с тобой пробазарил время.

— Зачем Галке сигареты? — недоверчиво спросил Вася. — Она, кажется, не курит.

— Ты чо, в натуре, следовательно: «Что? Зачем?..» Почему я знаю. Может, подружку улестить хочет, которая дымит, как пароход. Я тут без тебя малость кирнул с ней — компанейская чувичка!..

— Поехали! — оборвал Валерку Цветков.

До Заречного они докатили с ветерком. По ошибке вначале зашли в промтоварный магазин, где разговорчивая продавщица и угрюмый молодой мужчина раскладывали только что привезенные товары. Из любопытства поглазели на витрину прилавка. Потом отыскивали Зареченский продмаг и купили пять пачек сигарет.

Возвращаясь в райцентр, Цветков гнал мотоцикл на всю «железку» и хмуро думал о Крыловецкой. С Ириной происходило что-то непонятное. С первого дня приезда к подруге она стала курить почти безостановочно. К тому же от нее постоянно попахивало коньяком, а с языка нет-нет да и срывались полублатные словечки Лели Кудряшкиной. Иногда Ирина словно спохватывалась, начинала ласкаться к Васе и на все лады костерить своего папочку, который строгостью своей портит ей всю жизнь...

Из невеселых раздумий Васю вывел испуганно-плаксивый голос сидящего за спиной Валерки:

— Ты чо, в натуре, гонишь по-самашедшему?! На тот свет опаздываешь, да?..

Цветков сбавил скорость. Впереди показалась узенькая речка, петляющая в зарослях ивняка перед окраиной райцентра. Валерка попросил остановиться, чтобы попить. Свернув в придорожный березник, выехали к чистому от кустов берегу.

— Ну, Васек, ты шуруешь по-мастерски!.. — соскочив с мотоцикла, восхищенно сказал Валерка. — Думал, от земли оторвемся на космической скорости и голова-ноги, голова-ноги сделаем...

— Иди пей, — буркнул Вася, опускаясь на траву рядом с мотоциклом.

Теплый летний вечер тихо угасал. От березок тянулись длинные плотные тени. В траве пострекотывали кузнечики. Чистый, без пылинки, воздух, казалось, был пропитан запахами полевых цветов, которые буйно усыпали пологую речную пойму. Все вокруг дышало умиротворенностью, а Вася, уставя взглядом в одну точку, почувствовал безутешную тоску.

Валерка, черпая пригоршнями воду, напился. Кистью руки вытер губы и, присев рядом с Васей, спросил:

— Чо такой вид имеешь, как толченого стекла заглотнул?

— Тебе-то что до моего вида, — хмуро проговорил Вася.

— Ну, как это чо?.. Ты ж вроде мне корешем стал. Слушай... — Валерка прищурился. — Чую, на полном серьезе с Галкиной подругой шуры-муры завел, да?.. По-корешевски советую: завязывай — она замужняя шалава...

Васю обожгло.

— Что ты сказал?!

— Чо слышал!.. Валерка испуганно отшатнулся от побледневшего Цветкова. — Ну, чо звереешь, чо? Правду нельзя сказать, да?.. Из интереса сегодня заглянул в под-

ружину дипломатку. Там — книжонка, бабская чепушонка разная и паспорт, а в паспорте — загсовский штамп.

Цветков схватил Валерку за грудки:

— Врешь, урка!

— Чо я, фраер, в натуре, да?.. Не веришь — сам спроси из интереса у подружки паспорт.

— Поехали!..

Когда Цветков заглушил мотоцикл у калитки Тюменцевой, Галина и Крыловецкая были уже дома. Хозяйка, поблескивая веселыми глазками, хлопотала на кухне. Не сказав ей ни слова, Вася стремительно прошел в зал. Ирина, откинувшись к спинке дивана и держа над пепельницей руку с дымящей сигаретой, читала привезенный с собой томик Франсуазы Саган. Мельком вскинув на Васю нетрезвый взгляд, она тут же уткнулась в книгу. Сдерживая волнение, Вася положил на стол купленные в Заречном сигареты:

— Твой заказ выполнен.

— Спасибо, — сухо ответила Ирина. — Это будет твоим подарком к моему завтрашнему дню рождения.

Цветков присел на диван рядом с Ириной.

— Опять навеселе?

Губы Ирины скривились в пьяной усмешке.

— Ты поил?.. Или спутал меня с Лелей Кудряшкиной?

— Я напою, дождайся... А с Лелей вы одного поля ягоды. Только та откровенная дура, а ты хитрая и злая... — чувствуя, как начинает колотить нервная дрожь, тихо проговорил Вася. — Не пойму, зачем ты меня обманывала...

— В чем?

— Покажи, пожалуйста, свой паспорт.

Какое-то время Ирина сидела с равнодушным видом, будто Васина просьба совершенно ее не касалась. Затем, не отрывая взгляда от книги, хладнокровно сказала: — Мастер, в чужие документы суют нос только откровенные подонки. Не предполагала, что ты из них...

— А я не предполагал, что ты... ты — замужняя шалава! — вспылал Вася, и тотчас, с молниеносной реакцией, Крыловецкая припечатала ему звонкую пощечину.

Такое в Васиной жизни случилось впервые. Чувствуя, как от нахлынувшей обиды потемнело в глазах, Цветков замахнулся было на Ирину, но хлестанул изо всей силы кулаком по упругому дивану и выскочил из дома на крыльцо. К нему мигом подсунулся Валерка:

— Чо, понял теперь, да?..

Цветков, срывая злость, ударил кулаком по перилам крыльца. Руке стало больно. «Домой! Немедленно — домой, в Новокузнецк!» — подумал Вася.

— Займи двадцать рублей! — в запале попросил он Валерку.

Тот присвистнул:

— Васек, таких башлей я давно не держал в руках.

— Перехвати у друзей. У тебя ж наверняка тут есть знакомые. Честное слово, верну...

Валерка задумался, царапнув затылок. Показал на мотоцикл:

— Вези! Будут деньги!..

Они долго плутали какими-то проселочными дорогами, проезжали незнакомые для Васи деревни. Несколько раз Цветков пытался узнать у Валерки, куда они едут, но тот, словно дурачась, затягивал одно и то же: «А мы

едем, а мы едем за деньгами! За туманом пушай едут дураки»... Давно наступили сумерки, пришлось включить фару. Уже за полночь, когда въехали в большое спящее село, Валерка попросил выключить свет и ехать тихо. Остановились у темного приземистого дома. По длинной вывеске «Промышленные и хозяйственные товары» Вася узнал Зареченский магазин, в который они с Валеркой заходили в поисках сигарет «Мальборо»...

Дальнейшее Антону Бирюкову было известно от колхозного сторожа Назара Гавриловича Русакова, однако Антон выслушал Васю до конца и, убедившись, что его рассказ совпадает с показаниями сторожа, спросил:

— И у тебя не дрогнула рука замахнуться на пожилого человека?

Цветков еще ниже склонил голову.

— Я бросил кирпич, чтобы отвлечь сторожа, и пошел нечаянно.

— Нечаянно и по рельсу проскочил?

— Дуракам везет... Лучше бы гробануться в том овраге...— Вася провел ладонью по лицу, глубоко вздохнул и стал рассказывать дальше.

...После выстрела Русакова Цветков выжал из «Восхода» все возможное. Когда промчались больше десятка километров и вдаль уже забрезжили огоньки сонного райцентра, сидящий за спиной у Цветкова Воронкин жалобно заскулил:

— Васек, кончай мотогонку... В натуре, гробанемся... Мне и без того тошно, кажись, в спину дробью засобачили...

Цветков сбросил газ. В этот момент мотоцикл чихнул и заглох. Наступила пугающая ночная тишина, нарушаемая лишь шуршанием шоссейной щебенки под колесами. Промчавшись по инерции добрых сто метров, остановились. Вася, отвинтив крышку топливного бака, с досадой обнаружил, что в бачке ни капли бензина. На спине Воронкина чернело расплывшееся пятно. Сели на траву у придорожного кювета.

— Жалко сеструхину технику бросать, придется ножным упором катить до дому,— морщась от боли, Валерка раздернул замок-молнию спортивной сумки и вытащил пузатую черную бутылку.— Для тонуса— из горла будешь?..

— Катись ты!— зло отмахнулся Вася.— Давай деньги...

Воронкин торопливо сунул бутылку назад.

— Васек, последним гадом стать, не успел выручку под прилавком найти! Только не зверей, не поднимай волны. Щас доцарапаемся до сеструхи— из пасти у нее пару червонцев вырву. Понял, да?..

— Ох, и сволочь же ты...

— Спокойно, Васек, спокойно. Все мы, по-своему, сволочи. Думаешь, подружка твоя лучше меня?..

— Замолчи!

— Слушай сюда, слушай!— заторопился Валерка.— Перед последней судимостью я в Новосибирске на картежных шулеров нарвался. Разули-раздели, как белочку. И подружка твоя, гадом стать, в том шалмане крутилась. Помню даже подружку кликуху... то есть прозвище— «Дикая кошка». Понял, да?..

Страшная черная ночь, казалось, придавила Васю.

До райцентра они добрались лишь на рассвете. Катить мотоцикл к дому Тюменцевой было уже нельзя— соседи могли увидеть окровавленную футболку Воронкина. Глухими переулками добрались в конец улицы Заводской и оставили «Восход» за огородами. Так, по мнению Валерки, было даже лучше: «Если сыщики зафиксируют у магазина следы, Галка может натурально затемнить, что «Восход» угоняла шпана. Записку подбросим...»

Заспанная Галина Тюменцева, увидев на спине брата кровь, заметалась по дому. С трудом она отыскала оставшуюся от мужа рубаху, а футболку тут же сунула в печь, чтобы сжечь. Когда Цветков под диктовку Воронкина только-только закончил на кухне писать записку, туда заглянула проснувшаяся Ирина. Потягиваясь, ядовито спросила:

— Кажется, и ты, Мастер, нашего поля ягода?..

Вася бросил взгляд на Валерку. Тот ошетинился, выхватил из кармана пистолет, о существовании которого Вася даже не подозревал, и, наставив на Ирину, угрожающе процедил:

— Попробуй мякнуть, кош-ш-шка...

Крыловецкая зевнула и засмеялась:

— Не трясись игрушкой, я уже от нее прикуривала.— И, лениво повернувшись, с усмешкой бросила через плечо:— Ты, Валерик, тоже теперь у меня на крючке...

Тайком пробравшись к сеновалу, Цветков, не раздеваясь, упал на свою постель и, несмотря на бессонную ночь, долго лежал с открытыми глазами. Мрачные мысли лезли в голову. Самая страшная из них заключалась в том, что Ирина Крыловецкая оказалась совсем не той очаровательно-чистой девушкой, которую он полюбил с первого взгляда. О магазинной краже почему-то не думалось. Правда, возникала смутная тревога, что за ним вот-вот придет милиция, но эту тревогу тут же оттесняли раздумья об Ирине. «Дикая кошка», разыгрывая бескорыстную любовь, просто-напросто забавлялась с ним, как с несмышленым мышонком, и теперь, наигравшись, готова проглотить. От безысходности сдавило горло. Вася впился зубами в край подушки и горько, навзрыд заплакал...

Вечером, когда со стороны танцевальной площадки послышались разнобойные звуки настраиваемых инструментов, Цветков отправился на условленную встречу с Воронкиным. На душе было мутно. Не доходя до площадки, Вася повернул назад, решил, что лучше встретиться с Воронкиным в сумерках. Побрел по оживленной улице. Увидел у табачного киоска мнущихся в нерешительности мальчишек, сообразил, что те намереваются купить курева. Вспомнив, как увидел Ирину впервые курящей от «расстройства», решил попробовать успокоиться табаком. Выдав ребятам по одной сигарете, сунул пачку «Космоса» в карман. Хотел сразу же закурить, но на глазах у проходящих людей прижечь сигарету с непривычки не хватило смелости.

Сумерки наступали очень медленно. Чтобы хоть как-то сгладить ожидание, Цветков направился к вокзалу. При входе на мост, возле танцплощадки, встретилась толпа приехавших на вечерней электричке. Внимание Васи привлек одиноко идущий мужчина, внешность которого показалась знакомой. «Это же отец Ирины!.. Отец?

Муж? — тревожно думал Цветков, вспомнив портрет похожего на Хэмингуэя бородача в квартире Крыловецкой. — Зачем он сюда приехал? Куда идет?»

Вася перешел на другую сторону моста, откуда насыпь просматривалась дальше. Отсюда, к своему удивлению, он увидел, что мужчина уже разговаривает с одетой в ярко-оранжевый батник Ириной, которая прямо как специально его поджидала. Издали нельзя было понять, о чем идет разговор, однако, судя по выражению лиц и резким жестам, беседа носила явно не ласковый характер. Васе захотелось подойти поближе, но в это время из прибрежных кустов на насыпь вынырнул Воронкин. Оглянувшись, Валерка подошел к Цветкову и, морщась, зашептал:

— Хило мое дело, Васек. Спину, кажись, разбарабанило, как скипидаром жгет...

— Деньги принес? — хмуро спросил Вася.

Валерка скривил физиономию:

— Башли имеются, но кореша просят залог. У тебя есть что-нибудь стоящее?

— Только часы...

— Годится! — обрадовался Валерка. — Давай сюда. К танцплощадке не лезь — там, кажись, инспектор угрозыска шухарит. Понял, да?.. Нырять в кусты к берегу и жди. Фраером стать, появлюсь с червонцами...

Безотчетно сняв с руки часы, Вася передал их Валерке и, показывая взглядом на Крыловецкую, разговаривавшую с бородачатым, спросил:

— Не знаешь, с кем это она?..

Воронкин, приглядевшись, пожал плечами.

— В натуре, пахан из незнакомой кодлы. Чо-то они друг другу права качают. Надо бы шалаве пасть заткнуть... Короче, Васек, мотаю к корешам. Жди на берегу... — И Валерка юркнул с насыпи по тропинке в прибрежные тальниковые кусты.

Крыловецкая вроде бы заметила стоящего на мосту Цветкова. Несколько раз она бросила в его сторону короткий растерянный взгляд. Стоявший спиной к Васе бородачатый мужчина тоже оглянулся. Сообразив, что оказался в роли подглядывающего, Вася быстро спустился по тропинке следом за Воронкиным. Пройдя вдоль берега, отыскал в кустах небольшую травянистую полянку и сел. Вечер угасал. На танцплощадке всюду играла музыка. Вытащив пачку «Космоса», Цветков хотел было закурить, но вспомнил, что у него нет спичек.

Сколько прошло времени, Вася не знал, однако казалось, что сидит он здесь уже целую вечность, а Воронкин с обещанными деньгами — как в воду канул. Наступила ночь, подмигивающая яркими звездами на безоблачном небе. От реки наносило прохладу и сырость. Тягучие, страшные мысли давили Васю. Внезапно на тропе со стороны танцплощадки послышались торопливые шаги. Думая, что наконец-то появился Воронкин, Цветков обрадованно встал. Однако вместо Воронкина из кустов вышла Ирина Крыловецкая. В ее руке дотлевал огонек сигареты.

— Ты что, Мастер, здесь прячешься? Видел, как я поцапалась с папочкой? — нетрезвым, хрипловатым голосом, словно заискивая, спросила Крыловецкая.

Цветков молча достал сигарету и грубовато попросил прикурить. Ирина чиркнула зажигалкой. Чуть не захлеб-

нувшись дымом от первой же затяжки, Вася раздавил подошвой ботинка сигарету и со злостью швырнул пачку «Космоса» через кусты в реку.

— Что молчишь, Мастер? — спросила Ирина.

— Зачем сюда пришла? — вопросом на вопрос ответил Вася.

— Чтобы переговорить с тобой.

— Нам не о чем больше говорить.

— Ой, ли?... — Ирина, бросив окуроч, сразу прикурила новую сигарету. — Как ты все легко решаешь... Пусть я была замужем. Что от этого меняется?..

— Ты подло меня обманывала с самой первой встречи, — сухо отрубил Вася.

— Трус ты, Мастер, и к тому же — подонок...

— А ты... ты... — от оскорбления у Васи перехватило дыхание. — Ты — шлюха!

Крыловецкая ловко, почти не размахиваясь, залепила хлесткую пощечину.

— Кошка! Гадина! — совсем по-детски выкрикнул Вася.

И тотчас от пощечин у него засверкало в глазах. Инстинктивно прикрывая лицо ладонью, Вася почувствовал, как из носа на подбородок потекла теплая струйка. Он замахнулся, чтобы дать сдачу, но как раз в этот момент из кустов выскочил невысокий шупленький парень, и вся сила Васиного удара досталась... Славе Голубеву.

Чувствуя погоню, Цветков бежал напролом через кусты. Затемненными аллеями он обогнул танцплощадку, крадучись перемахнул примостовую насыпь и, запыхавшись, вбежал в тополиную рощу возле озера, у старого пожарного настила. Прислонившись к толстому тополи, кое-как перевел дыхание. Сердце стучало так учащенно и сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Отдышавшись, поразился необычайной тишине, нарушаемой лишь легким шелестом тополиной листвы да приглушенно доносящейся от танцплощадки музыкой. Подержав ладонь у носа, долго разглядывал ее — кровь как будто остановилась. Чтобы успокоиться, поднялся на пожарный настил, сел у края и уставился на зеркальную гладь озера с отражающимися в ней звездами.

Крыловецкая появилась за спиной Цветкова так же внезапно, как и там, на берегу озера. Вася скорее почувствовал ее приближение, чем услышал. Вскочив на ноги, он разглядел в темноте оранжевый батник. Ирина была босиком. Подойдя к Васе, показала туфлю и опять, вроде заискивая, заговорила первой:

— Видишь, Мастер, из-за тебя осталась без новенькой туфельки. Сейчас по радио на танцах объявили, что мою потерю нашла директриса Дома культуры. Забери туфлю у нее, а, Мастер?..

Чувствуя нервный озноб, Вася сухо спросил:

— Еще что скажешь?

— Ты — цель моей жизни.

— Между нами все кончено.

— Нет, не все... Где мое фото? Не люблю оставлять свои визитных карточек кому попало.

Цветков быстро достал из нагрудного кармана рубашки подписанную Ириной в памятный день паспортную фотографию и, рванув ее на две половинки, бросил в ночную темень.

— Теперь все?..

— Нет, Мастер, от меня не так просто отделаться. Знаешь, что из-за тебя я потеряла обеспеченную жизнь?..

— Какая связь между мною и твоей обеспеченной жизнью? Разве я что-то обещал тебе?

— А кто в любви до гроба клялся?.. Пушкин?..— Ирина угрожающе приблизилась к Васе.— По-твоему, это не обещание?.. Не обещание это, Мастер?..

«Больше хлестать себя по щекам не позволю!» — со злостью подумал Вася и угрюмо предупредил:

— Если замахнешься — получишь сдачу.

Крыловецкая пьяно расхохоталась. Затем, внезапно оборвав хохот, резко вскинула руку с туфлей. Ударить она не успела. Мгновенно среагировав, Вася кулаком вышиб туфлю. Увидев, как Ирина, потеряв равновесие, прыгнула, стала заваливаться навзничь, Цветков со всех ног бросился от нее. Ни удара от падения Крыловецкой на подгнившие плахи настила, ни всплеска воды он уже не слышал...

Лежа у тети Маруси на сеновале в эту суматошную ночь, как и в предыдущую, Цветков почти не сомкнул глаз. В голове творился невообразимый сумбур, а в ушах похоронным набатом, словно на заевшей пластинке, гудели одни и те же слова из Валеркиной песни: «Я женился не бил до семнадцати лет, в семнадцать ударил впервые»... Догадка, что Воронкин обманул его, будто наивного младенца, почему-то пришла к Васе лишь перед рассветом. С горячечной отчетливостью осознав, наконец, в какую грязную историю влип, Вася обхватил руками голову и готов был биться ею об стену. И еще сильнее застучало в мозгу: «Домой! Немедленно — домой!»

К утру нервное потрясение сгладилось, и Вася с упрямым ожесточением начал действовать. Семь бед — один ответ. Прежде всего он решил доказать Ирине свою смелость — забрать у директрисы туфлю.

О смерти Крыловецкой Цветков узнал позже. Рассказали Васе об этом играющие в карты мальчишки, которые своими глазами видели, как поднимали труп из озера. И тут Вася, как говорится, пошел ва-банк — выиграл у простоватого Борьки Муранкина золотое кольцо с печаткой...

В этот день Антон Бирюков ушел с работы раньше обычного. Стараясь до начала дождя поспеть домой, торопливо вышел на асфальтированную насыпь к мосту через речку.

Перед близкой грозой шелестит тополевая роща. Справа, за тополями, показалось рябоватое от ветра озеро, где оборвалась жизнь Крыловецкой...

В середине дня звонил из Новокузнецка Анатолий Захарович Цветков. Что мог сказать ему Антон о судьбе его сына? Когда следствие закончится, судьбу Василия Цветкова решит суд. Учет, разумеется, и возраст, и личность подсудимого, его полное признание, учет и то, что спровоцировал Васю на ограбление магазина рецидивист Воронкин. Но какое бы наказание ни получил Цветков младший, ему до конца жизни помнить, что участво-

вал в краже, что поднял руку на старика сторожа, что по его вине — пусть косвенной — погибла непутевая Ирина, первая и горькая его любовь.

Недалеко от танцевальной площадки, у запрещающего знака, начальник ГАИ Филиппенко строго отчитывал юного мотоциклиста. Увидев идущего Бирюкова, он назидательно погрозил мотоциклисту пальцем и заторопился к Антону навстречу. Пожимая руку, участливо спросил:

— Чего мрачный? Заболел?..

— Чужой боли, Гриша, хватает, — ответил Антон.

— Да, на нашей работенке не повеселишься, — Филиппенко смутился: — Слушай, Игнатъевич, кажется, опростоволосился я относительно Суржикова... Нельзя как-нибудь это дело замять?

Бирюков отрицательно повел головой:

— Нет. Водительское удостоверение придется Суржикову вернуть.

— Это само собой! Имею в виду другое: чтоб до начальства моя промашка не дошла. А то, слушай, хоть с работы уходи...

— Иногда сменить работу полезно.

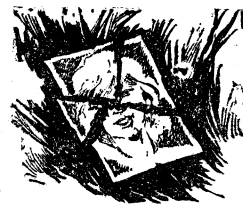
— То есть?..

— Черствый ты, Гриша.

— Я не сестрой милосердия работаю, — обиделся Филиппенко...

Антон Бирюков повернулся к озеру. На берегу четверо рабочих грузили в кузов ЗИЛа спиленные столбы давным-давно никому не нужного пожарного настила.

У горизонта коротко чиркнула яркая змейка молнии, и через несколько секунд пророкотал первый раскат грома.

Всего лишь — ПЛЫТЬ по течению

**Андрей
ИЛЛАРИОНОВ**

Если отягощающая ритмичность буден стала для вас сверх всякого терпения, если она сделала вас раздражительным и вздорным, если вы хотите почувствовать себя совсем другим человеком — есть верный способ: сесть в лодку и отправиться вниз по реке.

Для начала вам придется искать, откуда плыть и куда. Древний способ решения этой задачи — выбрать реку, которую хотя бы в двух местах пересекает железнодорожная линия, и сплыть от одной станции до другой. Карта подскажет тысячи вариантов.

Но такой маршрут оттолкнул меня и моего сына своей видимой простотой. Нет, уж лучше забраться подальше от шума колес на рельсах! Мы задумали было сплыть из тихого поселка Маслянино в город Искитим. Но тут нам встретился старожил тех мест и сказал разочарованно, что ниже Маслянина места обжитые.

— Вам придется ехать между двумя рядами стирающих женщин... Они вас замучают расспросами.

Мы снова взяли за карту, сантиметр за сантиметром стали исследовать таежные верховья Берди. Названия деревушек — Лапинка, Майка — манили нас. Мы радовались, что граница между Алтаем и Кузбассом проведена здесь по линейке — верный признак необходимости мест.

Но заглянувший к нам егерь из тех мест сказал, что Бердь тут еще не Бердь, а ручеек.

— Не пришлось бы вам в этой Лапинке зазимовать до половодья, — предостерег он. — Начинать надо ниже — с Мочиг.

Да, путешествие начинается с карты. И не будь ее, оно потеряло бы значительную часть очарования. Колесико нашего курвиметра покорно следовало капризным изгибам реки и в конце концов на шкале отложилось расстояние, равное двумстам километрам на местности. Не много, но и не мало. Другое удивило, что Бердь в верховьях на

каждые сто километров своего пути теряет в высоте столько же, сколько Обь за тысячу. Так карта открыла, что мы, намереваясь сплавляться по реке равнинной, попадаем на горную реку.

Бердь сливалась в одну струю и ухитрялась проходить в узкую щель между двумя валунами. Как здесь проплывем мы на нашей перегруженной резиновой лодчонке?

Пришлось разрабатывать тактику: подвели лодку к повороту, я, сидя на корме, шестом придерживаю ее на месте, и она разворачивается носом прямо в узкие ворота. Маневр стоил огромных усилий. И все же, как это ни удивительно, первый порог мы прошли. Совсем не удивительно другое: не прошли мы второго. Застряли в таких же, а может быть, более узких воротах, и веселая Бердь потекла поверх нашей лодки с рюкзаками, палаткой, спальными мешками. Хорошо, что, рассчитывая на это, мы упаковали бродяжки пожитки в полиэтиленовые мешки. На ближайшей же галечной косе пришлось выливать воду из сапог и из лодки.

Еще дома за скорость течения приняли самое малое из возможного — три километра в час. И стали прикидывать: если хотя бы десять часов в сутки будем плыть только по воле течения, не садясь за весла, то за день пройдем километров тридцать. На весь путь хватит нам семи дней. Да день-два на всякий случай останутся в резерве.

И с первого же дня стало ясно: единственное, в чем мы не ошиблись, — так это в том, что оставили резерв времени. Река сразу же обнаружилась своим капризным нравом. Бывали участки, когда на перекате вся она устремлялась к яру, неслась со скоростью пассажирского поезда: еле успевали отталкиваться шестами от берега и спасать головы от нависшего низко ивняка.

Но вот бег нашей лодки на глазах замедлялся, она останавливалась совсем. И нам приходилось таки садиться за весла.

В пути всякое было. Как-то залюбовался я горою, покрытой папоротником и камнем-плитняком. Прошло с полчаса — по курсу показалась еще одна точно такая же гора. Сфотографировал ее. Минут через сорок — третья, удивительно похожая на две первых. Что за навязчивое видение! И вдруг понимаю: Бердь змеєю вьется по широкой пойме, то приближает, то удаляет одну и ту же гору.

От Мочиг до Петеней Бердь не тронута человеком. Справа — болотины. Слева — крутизна сопки. Время от времени подходят они вплотную к реке, и мы убеждаемся, что по этим густо заросшим пихтою и осиною крутым склонам не только человеку — зверю трудно пройти.

Среди осинника, такого плотного, что кроны деревьев на дальних холмах можно было принять за зеленые лужайки, острокопными зубьями возвышались черно-синие пихты. Вершины их время от времени цеплялись за низкие сырые облака. Мне захотелось войти в этот странный лес, попытка закончилась смешно и печально. Внизу он зарос такими густыми травами и кустарником, что углубиться далее полусотни метров не удалось. Зато обратно я вышел промокшим до нитки: с каждой ветки при малейшем движении обрушивался холодный душ.

Потом удалось мне не раз наблюдать такой лес на Восточном Алтае и в Горной Шории, на Кузнецком Ала-Тау и на Западном Саяне, но впечатление от первой встречи не поблекло.

Чернь — так называют в Южной Сибири горные леса с преобладанием пихты и осины в отличие от великов — массивов высокоствольной березы. Чернь словно притягивает дожди. Уроженец крохотной таежной деревеньки рассказывал мне, что мальчишкой был убежден: во всем мире почти непрерывно идет дождь и стоят туманы.

Стоит, однако, хоть на минуту выглянуть солнцу — куда только девается хмурость пейзажа. Воздух наполняется пением птиц, жужжанием шмелей и слегка дурманящим ароматом таежного разнотравья. Над зонтиками дягиля и сытны, над огромными темно-красными цветками марьяна корня вьются осы и бронзовки, порхают бабочки. Тучами нападают на путника комары и оводы.

Но чернь не везде одинакова. В тех местах, где сплошьяком высится старый пихтач — в тайге в самый солнечный день господствует мрак, да такой глубокий, что травы тут не уживаются, и под ногами

шуршит лишь россыпь опавшей хвои. Разгоряченный ходьбою, приложишь к щеке бархатистую лапу пихты и ощущаешь, как отдает она тебе прохладу леса.

Вечер провели с Борисом у костра. Ночь была непроглядно-темной. Изредка только слышался из тайги хруст сучьев. Да как-то рядом на тихом плесе раздался вдруг такой мощный всплеск, словно бы туша какая-то с размаху обрушилась в воду.

Еще в деревне нам говорили, что к осени подрастают медвежата, пришла пора обучать их приемам охоты. Вот и решила медведица, что начать практику лучше всего с совхозных телят. За последние дни не раз вривалась эта дерзкая компания в гущу стада и крушила налево-направо, словно бы у таежной хозяйки была уверенность, что совхоз не успеет получить лицензии на отстрел.

Греясь у костра и оглядываясь по сторонам, Борис спросил:

— А что если медведица решит потренировать своих медвежат на нас?

— Она не так глупа, — ответил я, но сам далеко не был в этом уверен.

Яркое утреннее солнце вместе с легким ветерком развеивало все наши опасения. Чернь уж не была так мрачна. Скорее — наоборот. Самый замечательный реликт черни — липа сибирская. Та самая, которой в других таежных зонах когда-то пришлось отступать перед злыми морозами. Где-то на южном Салаире, в Горной Шории сохранилось чудо — целые липовые острова.

Чернь замечательна и своими животными. Старожил и знаток здешних мест егерь Г. Дараев по объеденным лапкам пихты учил меня узнавать зимние стоянки лосей. Издали наблюдали мы за молодой лисой, выжившей из норы сурка. Рассказал он, как недавно имел удовольствие держать в руках еще беспомощных барсучат. Теперь — новая забота: появились волки.

Осенью заросли Салаира привлекают немало любителей собирать смородину и малину. И на всех хватило бы, да трудность в том, как до ягоды добраться. Каждый шаг стоит великих усилий. Перелезть через позаленное дерево — все равно что стать акробатом. Сапог то оказывается накрепко опутанным ветками кустарника и стеблями прошлогодней травы, то внезапно проваливается в яму. Сломать здесь ногу — пара пустяков, а тогда уж и с места не сдвинешься. «Одному в тайгу не ходить» — таков таежный закон. Исключение разве для егерей да лесников.

Вот почему дикую ягоду собирают пока в основном вблизи дорог. Сколько ее остается в глубинах таежных массивов — занимает ботаников-ресурсоведов. И для сибиряка, испытывающего недостаток витаминов, это не безразлично.

Кто знает, по какому пути: глупинных ли экспедиций заготовителей, постепенного ли окультуривания диких ягодников пойдет заготовка таежных деликатесов. Ясно одно: дело это перспективное.

После полузаброшенного села Мочиги на карте значилось Сафатово. Но от него на берегу и следа мы не заметили. Процесс этот закономерный. Мелкие таежные деревушки не просто вымирают. Жители их переселяются в более крупные поселки, такие, как Дубровка — центральная усадьба совхоза «Восточный». Там и новая школа, и больница, клуб. И ежедневный рейс самолета в Новосибирск.

И все-таки жалко было, что редкой красоты места перестают быть обжитыми. И в этой, и в других поездках сколько пришлось повстречать изб еще крепких, но с выставленными окнами и без дверей. А ведь, вложив небольшие средства, можно было бы разместить в них пионерский лагерь, летний колхозный дом отдыха, туристскую базу. Чтобы вдали от шума и суеты буден человек отдохнул душою, вглядываясь в первозданную красоту тихих таежных мест.

Чем ниже спускались — темлюднее были места. Чернь теперь подходила к реке клиньями. Между ними все чаще росли березы по ковру папоротников. Время от времени на пригорках высились великаны — несимметричные, непричесанные лиственницы. А дальше пошли сосняки, приветливые, как в средней полосе России. Были они первым признаком песков и близкой уже Суенги — самого крупного притока Берди.

Надо всем этим сияло солнце, и настроение было бодрое. Опыта нашего на второй же день прибавилось. Раньше, когда мы решали, покупать ли резиновую лодку, нас в ней прельщала малый вес да возможность складывать ее в рюкзак. Мы ждали от нее прочности и вместимости, а во всех остальных качествах приравнивали к лодке деревянной. Мы боялись переоценить ее, и с первых же дней путешествия убедились, что недооценивали.

На водяных бурунах нашу лодку не раскачивало с борта на борт, грозя перевернуть, как это бывает с деревянной плоскодонкой. Резино-

вый челн плавно скользил по волнам, словно был не в споре, а в дружбе с ними. Если проход меж валунами оказывался узковат — стоило встать, и надувные борта уступали напору с боков, лодка протискивалась в ворота, которые для деревянной оказались бы неприступными.

Чем дальше мы плыли, тем все больше открывали удивительные свойства этой невзрачной посудины. Подводные камни вскоре нас перестали беспокоить. Резина только скользила по их ребрам да наши ноги ощущали, как камни проходят под нами.

И все же удивляла нас не столько лодка, сколько вода. Казалось бы, та самая, с какой мы долго не расставались на Волге и на Оби. Но там волны ходили на просторе, от берега до берега. Здесь с первого же дня на нашем пути возникли волны, которые упрямо стояли на месте. Там волны были от ветра, здесь — от течения. Мы неслись по ним, и нас покачивало, как на полевой дороге. Потом мы к ним быстро привыкли и даже знали наперед, за каким поворотом их ждать. Признак был прост: как только река сужалась и струи с обеих берегов, словно бы пускаясь на перегонки, сливались в одну — так начиналась града стоячих волн. И на этой, малой, реке водяные бугры на стремнине возвышались до метра. Они нас волновали, но только поначалу. Потом мы привыкли скакать по ним вместе с лодкой, хлопая днищем и держась за борта, чтобы не вывалиться.

На любой реке какая-то струя может идти против общего течения. Волжане ее называют суводью. Используя суводи, опытный рыбак часть пути вверх проезжает, отходя от весел. На малой горной реке суводи были такими сильными, что создавали круговорот, попав в которую, не сразу и выберешься. Надо было заметить такую ловушку издали и с ходу проскочить ее.

Так было и у Суенги. Решили проскочить. А перед этим, словно по иронии судьбы, вели разговор о том, какая прочная нам попалась лодка и что надо бы написать на завод-изготовитель, отблагодарить работницу, которая ее клеила. Тут-то и напоролись мы на трубу, забитую браконьерами для привязывания снастей на хариуса. Вода в лодку хлынула ключом. Вытащили — дыра в полметра длиною.

Пришлось сушить днище, потом терпеливо клеить его. А после выдерживать некоторое время из опасения, как бы оно не разлезлось по

шву. Потеряли часа три самого лучшего времени. Но этим последствия не ограничились. Прокол подействовал психологически.

— Ну как, проскочим? — спрашивал я Бориса перед очередным порогом.

— Мне надоело чинить! — отвечал он раздраженно, как будто бы всю дорогу только и делал, что чинил.

Но вот, наконец, и Маслянино — конечная цель путешествия. Распросив, где аэропорт, мы заночевали, по возможности, ближе к нему.

Не успели разбить палатку, как, видно, в ознаменование конца нашего странствия, разразилась гроза.

Потом дома мы сидели за столом и Борис удивлялся, как, оказывается, может быть вкусен обычный свежее выпеченный хлеб. И когда мне вспоминаются верховья Берди, я спрашиваю себя: что может быть лучше размеренного и наполненного внезапностями то стремительного, то неспешного движения вниз по течению реки? Как, оказывается, нужно человеку из теплого спального мешка попадать вдруг в гущу холодного утреннего тумана, по едва заметным движениям на поверхности воды угадывать силу и направление струй, всегда быть готовым к броску из последних сил поперек стремнины (иначе напорешься на корягу), умяться и заснуть так крепко, чтобы долгая ночь — как одно мгновение.

Если бы мы еще раз поплыли по такой небольшой реке, как Бердь, мы бы уже не метались, когда нас несло под крутой берег, не тревожились бы, услышав шум водослива. И все путешествие напоминало бы размеренную прогулку по тропинке старого парка. Кому-то нравятся повторение пройденного...

Кто-то повторения не приемлет. Кто-то, как по ступеням, подымается по категориям трудности маршрутов. Как? На это дадут ответ страницы отчета сотрудника одного института (после сплава по Берди я стал приглядываться к «плотоманам», как их сам назвал). Того самого сотрудника, с кем удивительно совпал у нас ход мыслей о смене отягощающего ритма буден.

Вот как вспоминает он прохождение по реке высшей категории трудности.

«От берега и косога вала, начинающегося от подводной скалы, три весла замерли над водой. Один из нас сделал мощный гребок за корму, пытаясь поставить нос плота по течению. Но произошло нечто поразившее нас. Плот дважды силь-

но качнуло на пологих волнах, корма, не слушаясь рулевого управления, обогнала нос, и в таком положении, почти задом наперед, плот двинулся в пенный слив.

Борт, попавший туда первым, остановился, будто натолкнувшись на стену, и стал медленно подниматься, подпираемый остальной частью резинового плота, еще продолжавшей плыть. Поднявшись до высшей точки, он неторопливо опустился, но было поздно: все остальное успело проплыть под ним».

Дочитав до этого места, я сказал себе: «Вот что может стоячая волна, если она в десять раз больше тех, по каким скакали мы!» Да, плот перевернуло. И дальше события разыгрывались следующим образом.

«В несколько взмахов отставшие догнали убегавший корабль, и тот, увлекаемый стремниною, демонстрируя небу свое черное дно, понесся вниз по течению и к середине реки. Четыре головы: три в шлемах и одна без — держались около него как приклеенные».

Потом оказалось, что одного из невольно испугавшихся дважды успело стукнуть о камни, а другой с трудом освободил ноги, запутавшиеся в веревках. Но самым неприятным была нехватка воздуха: дыхание сбивалось в непрерывной свистопляске волн. Предусмотрительно сделанный леер оказался под водой, за него было почти невозможно держаться. Пришлось хвататься пальцами за мокрый брезент и продлевать эту операцию снова и снова. Силы «щипка» не хватало, чтобы противостоять попыткам плота вырваться из рук».

Страх приходит с ощущением собственной беспомощности. Тогда он ощущается почти физически.

«В двенадцатом пороге один из нашего экипажа вдруг почувствовал, что веревки стягивают ему горло, и он судорожно пытался вырваться из капкана. На «спокойном» участке они с надеждой всматривались в берег, но тот не приближался. И вот впереди опять заплескали буруны. Измученные, ослабевшие и начинавшие замерзать люди вместе с перевернутым плотом неслись ко входу в шивер...»

Так река с первой же встречи показала, что с нею не шутят. Выбравшись кое-как на берег, они долго приходили в себя, если только могут придти в себя промокшие до костей, озябшие, почти не стоявшие на ногах люди. Они решили, было, даже возвращаться.

А надо было знать, что такое возвращаться по берегу, который

то и дело осыпался глыбами камня весом в тонны. Надо было учесть, что сюда добирались они сначала современным воздушным лайнером, потом — «кукурузником», взятым чуть ли не с бою, потом — благодаря лишь счастливой случайности — на редкой в тех местах моторной лодке и, наконец, пешком, с тяжелой поклажей за спиной.

Вечером они отогрелись у костра, отпились чаем, и страх отступил, но не сам собой. Главное было не в костре, а в знании лодий. Обсудили все за и против, подвергли критике тактику прохождения, и вариант возвращения постепенно уступил место решимости плыть по течению.

Предложение плыть было принято с восторгом, как будто только в этом и была цель жизни. Но это совсем не значило, что дальше было легче.

Да, они переворачивались, отчаивались, приходили в себя, но только теперь поняли, что такое приличный вал. Дойдя до дна впадины, нос плота, словно нехотя, начал набирать угол атаки, в то время как корма продолжала опускаться. Передние гребцы увидели перед собой стену воды — было невероятно, что жидкая вода может стоять вот так, почти вертикальной, упругой стеной.

Нос плота вонзился в стену, и было неясно, сумеет ли он пробить ее и вынырнуть по ту сторону или толшины стоячего вала хватит, чтобы смять и опрокинуть посудину.

«В то мгновение, когда гребень волны навис над плотом, находившийся на носу ухватился одной рукой за веревку и с воем бросился вперед, стараясь придавить нос своим телом. Нырять под гребень, он успел заметить, как товарищ инстинктивно подался назад. Но плот прошил-таки вал и, слегка развернувшись, опять заскользил во впадину.

— Носом!!! — и сидевшие на корме успели выровнять посудину. Плот опять полез наверх. На этот раз вперед, навстречу вспененной верхушке вала кинулись уже двое.

Вскоре никто бы уже не смог сказать, сколько валов преодолел плот. Никто не замечал ни берегов, ни того, что дождь прекратился...»

Да, им, конечно, было уже не до того, чтобы любоваться дикой природой Забайкалья, где все это происходило. Недаром же некоторые из плотогонов с одинаковой охотой идут по рекам Сибири, берега которых поросли могучим кедром, и по горным потокам Средней Азии, где нередко, кроме валунов

и голых скал, ничего не увидишь на расстоянии сотен километров...

«Плыть по течению», вопреки общепринятому смыслу этих слов, стало опаснейшей и захватывающей игрою, которую я про себя назвал плотоманией. И казалось, игре этой нет разумных границ.

Но вот однажды редакционная командировка занесла меня в один из самых глухих уголков Алтая...

Дела позади. Мы третий день терпеливо и безнадежно ждем вертолета. Жена лесника, белокурая, крепко сбитая Таня, поит нас парным молоком. Приходится от нечего делать заняться земляникой. Эх! Если б заранее знать, сколько дней таких будет — можно было б легко набрать ее на варенье на всю зиму.

Но вот и ягод больше не хотелось. Я прилег в тени под кустом таволжника, уже без всякого удовольствия рассматривал эти курумники, где сверху нависают десятитонные глыбы, и водопады и другие невероятные вещи.

И вдруг глазам своим не поверил. По этой, почти необитаемой земле шли двое в кедах и штормовках, немилосердно загоревшие и заросшие.

Один был крупный, сероглазый красавец с пышной шевелюрой. Другой — среднего росточка, сухощавый, и волос у него был соответственно жиденький. А на отвороте штормовки висела на засаленном ремешке какая-то огромная медаль, пробитая гвоздем и привязанная сквозь дыру белым грязным шнурком. И был он весь каким-то зачуханным.

Я думал, что они спросят, куда они попали и есть ли тут магазин. А я их удивлю: нет.

Но удивили все же они меня: — Вы улетаете на вертолете? — Уже третий день, — согласился я.

Это их не смутило: ждать, видно, было для них делом привычным. — Вы не могли бы взять с собой еще одного человека? — спросили они и при слове «человек» как-то неловко отвели глаза.

Я уточнил, что вертолетом не команду и что пилоты жалуются на движки: греются они в летнее время.

Они, видно, такого поворота не ожидали. Немного даже растерялись и начали издали. Сказали, что слышают на плотах, что сначала все шло хорошо, а вот вчера один потонул...

По логике вещей не было в этом ничего неожиданного. Такие дикие уж тут места. И реки дикие. И вчера, сидя на толстых корневищах сосны

над мощным шумным потоком, я с опаскою думал, что вот плотогонов в этом году много и как бы не было несчастья.

Мы дошли до дома лесника, на скамейке сидел, пожалуй, еще молодой человек, явно не сам лесник. Небольшого росточка, с римским профилем и белой жесткой бородкой. Вид у него был неприступный, как у побитого, который не хочет казаться побитым. Он, как оказалось, был старшим группы.

Я пожал ему руку и спросил о результатах невеселых его дел. Он сказал, что полчасу тому назад они дали по телефону молнию в КСС (контрольно-спасательную службу).

К пространному разговору он был не расположен. Судя по всему, твердо знал свое и не желал знать чужого. И вряд ли можно было рассчитывать, что по моему совету он позвонит в прокуратуру, и тем более — на его излияния о подробностях происшедшего. И я сел рядом, решив хоть таким образом выразить сочувствие.

Помолчали.

— Он не из интеллигентов? — почему-то спросил я.

— Из них самых, — подтвердил он, и тут его прорвало. Может, потому, что рядом не было, наконец, своих, с которыми вынужден он был молчать эти сутки, взяв на себя всю ответственность за происшедшее, может, потому, что рассчитывал хоть на какую-то помощь.

Он рассказал, что с покойником дружили они семьями. И что сейчас вот жены их и дети купаются, собирают себе грибы под Калинин, ни о чем не подозревая.

И эта подробность показалась мне страшнее самой смерти. Я на какое-то время потерял способность смотреть на происходящее рационально. Все хотел спросить его, дал ли он туда телеграмму, и не мог.

Мы сидели на крыльце, может быть, час, может быть, — три, вели неспешный разговор, естественно, все о том же.

Начальник отряда — а это был он — стал вспоминать, как неделю назад они с комфортом, на большом пассажирском вертолете добирались до райцентра. Потом был стремительный марш-бросок по каменной и по болотистой высокогорной тундре в разгар цветения альпийских лугов.

Им было не до цветов. Они вглядывались в каждое приближающееся ущелье с жадностью скорее увидеть их новую реку, их завтрашнюю судьбу.

И они ее, наконец, увидели. Она была такова, что глаза у них

сделались квадратными. Им пришлось видеть реки. Когда-то самой страшной считалась Катунь. Плот из бревнышек — по-местному салик — она проглатывала на пороге, чтобы ниже с силой выбросить его из воды. Когда-то на Катунь они собирали плот подлиннее, пошире и «как уютном гладили ее трехметровые буруны».

Теперь же Катунь лишь условно можно назвать рекою. Это была бешеная струя, с невероятной силой пробивалась она в теснине между огромных валунов по беспрерывным порогам. От расстройства на нее не хотелось смотреть, но она влекла к себе их взгляды, словно бы обладая гипнотической силой.

Плот переворачивался вместе с ними, и, как ни странно, они оставались невредимыми. Правда, смыло один рюкзак. Выловили — но строение было испорчено. Особенно у владельца.

На самом страшном пороге их плот закружило каруселью и перебросило через полутораметровый валун. Они прошли порог там, где никто никогда не проходил его и где, согласно расчетам, пройти было невозможно.

Вечером, за кружкой чая, владелец спасенного рюкзака говорил: «Если погибнем все — куда бы ни шло. Если погибнет один — остальным будет трудно».

С плота его сбросило на пустяковом перекате, который и порогом назвать было как-то неудобно. Он оказался перед плотом. Командир протянул ему руку, но вытащить не успел — плот несло на камни. Успел только крикнуть: «Нырять!»

И тот нырнул и благополучно вынырнул сзади.

Ему бросили веревку и он сумел ухватиться за конец. Веревка и стала его подтапливать.

Ее обрубили.

Под водой он пробыл всего секунд пятнадцать.

Старший оборвал рассказ. И я понял, что он заново перебирал подробности, может быть, подвергал сомнению сам смысл таких походов. Самые мужественные из плотогонов потом признавались мне, что на плоту бывает страшно.

...На другой день встали все спозаранку,

Командир погибшего вел себя достойно: он был полон решимости сильного человека, попавшего в почти безвыходное положение. Он через каждые полчаса звонил в район, в область: ему надо было вывезить труп на медицинскую экспертизу.

Когда на КСС, на прокуратуру и милицию пропали все надежды, жена лесника вдруг сказала, что слышит шум мотора.

Мы наперегонки кинулись отзывать и уводить неспешных лошадей, всласть пасущихся на посадочной площадке. Владельцу амулета лошадь досталась упрямая: сухонький, он еле оттащил ее.

— Труп? — удивился обходительный первый пилот. — Не имею права, — и только повел плечами.

— Нам нужен приказ — и мы тогда постараемся поскорее прибыть, — добавил второй.

Нам оставалось сочувственно разводить руками: правила есть правила, — мы обещали, что там, в области, расскажем и будем настаивать...

Винты набирали обороты. Машина все чаще подрагивала в такт им. Я смотрел с сожалением то на оставшихся там, то с какой-то еще надеждою на пилотов. И вдруг первый что-то сказал второму. Тот согласно кивнул. Винты замедлили свой бег. Мы спешно выгружали рюкзаки. Минут через двадцать туристы вместе с погибшим товарищем улетели, а я вынужден был остаться.

Проводив нежданных гостей, жены лесников завели тихий разговор о том, что людям дали отпуск, чтобы хорошо отдохнуть, а они вот мучаются, и что эта плотомания не доведет до добра. Я слушал их и думал, что гибель товарища — это слишком дорогая цена за игру с водой.

...Месяц-другой спустя я узнал о разборе дела. Командира понизили в разряде, но вины его не нашли. Потому я и не назвал его фамилии. Да, такое случается и с кандидатами в мастера.

А что говорить о многочисленном племени диких плотогонов, которые не проходят маршрутных комиссий и постараются скрыться от глаз КСС?

В автобусе, по дороге в областной центр, я познакомился с заядлым плотогоном из Зырянска. Он с удовольствием принял мне рассказывать об отчаянных своих друзьях. Один новатор построил плот из детских воздушных шариков, с какими ходят на демонстрацию. И даже спустился на нем по реке. Другой зашел еще дальше: надул огромную камеру от трактора «Беларусь», привязал к ней сверху звено от забора и поплыл.

Потом он ударился в воспоминания:

— Мчимся — вдруг впереди бревно. Висит над самой водой.

Смотрю — она (показал на одну из спутниц), как обезьяна, вскочила на дерево. А та (показывает на другую) зацепилась штаниной и висит вниз головой...

В автобусе громко смеялись, а мне было не до смеха. Я ехал как с похорон.

Потом он говорил о том, что зырянцы даже детей берут с собой на плоты...

Прошло еще несколько месяцев, и на одной научной конференции ко мне решительно подошел крепкий сбитый человек с жесткой светлой бородкой, пожал мне руку и сказал одно слово:

— Спасибо!

— За что?

— За вертолет.

И тут только я узнал командира, который похоронил товарища. Я не стал спрашивать его о походах — был уверен, что он оставил плотоманию. Но он вдруг сам стал рассказывать, как недавно сплывал на Саянах. Отряда ему не доверили — поплыл рядовым. Потом говорил о планах вернуться на ту реку, где поход не удалось закончить.

Я слушал его с нескрываемым удивлением.

— Куда вас несет? — сказал я ему. — Плыли бы вы по тихой реке да любовались пейзажами!

Он немного смутился, но тут же пошел в наступление. И я узнал человека, который знает свое и не хочет знать чужого.

— Надо увидеть и успеть среагировать на опасность, — говорил он, — надо проверить себя на резкость. Я очень многое понял и пережил в том походе.

Он говорил, что большинство современных людей отвыкло от такой вот борьбы за жизнь. А ведь сотни тысяч лет назад такая борьба была ежедневной, и в человеке заложена неистребимая тяга к испытаниям.

И вдруг я открыл для себя, что человек так странно устроен: от будничного напряжения он уходит, чтобы расслабиться. И после напряжения у конвейера, после денного и ночного истощения сил в лаборатории он берет на себя напряженные несравнимо большее, называя это отдыхом. И говорит потом, что просто плыл по течению.

Барак, в котором жили музы

Михаил
ЛЮГАРИН

Об этом бараке на первом строительном участке писали поэты Василий Макаров и Людмила Татьяничева. С его неказистого крылечка Борис Ручьев зорким оком видел и неоглядный размах стройки, и тот базар, точные приемы которого много лет спустя появились в поэме «Любава».

В самом деле, у нас втихомолку, — на плешивом бугре городском, не базар, а сама барахолка завелась, как в Париже каком...

Ничем не отличался наш барак от сотен своих приземистых близнецов-временок. Такой же длинный сквозной коридор посередине, комнатунки с железными койками или топчанами и общий титан-самовар в угловой камерке. Одним лишь выделялось наше жилище: тут долше, чем в других, не гасли огни, а в ином окошке электрическая лампочка, прикрытая самодельным абажуром или газетным листом, теплилась до утра: люди здесь писали стихи, рассказы, очерки о том, что происходило вокруг, что творили сами.

В начале тридцатых годов, когда не было еще ни улиц, ни переулков, бараки получали порядковые номера. Все эти временки строились наспех из горбыля и щитов. С маленькими окошками, низкими покатыми крышами с двумя рядами труб-дымоходов, побеленные снаружи, а внутри нештукатуренные, они не имели никаких примет. С трудом отыс-

кивая наше литературное убежище в путанице трехзначных номеров, гости спрашивали:

— А где здесь писательский барак?

И тогда люди показывали его, отсчитывали от почты, от клуба ли, «от края». Теперь даже не все старожилы помнят расположение прежних восемнадцати участков. На смену им пришли кварталы соцгорода, зеленые поселки по окраинам и, наконец, новый современный город. Бараки исчезли один за другим, изменилась география Магнитогорска.

Но память свято хранит нашу историю.

В феврале 1980 года я получил из Москвы дорогой подарок от известной поэтессы Людмилы Татьяничевой — последнюю книгу «Магнитогорские пальмы». Она приурочена к «золотому юбилею» Магнитки и издана в 1979 году. И содержание сборника, и дружеская надпись: «Дорогому товарищу по перу Михаилу Люгарину дружески-сердечно! Людмила Татьяничева» — все было дорого, все всколыхнуло память. Через два месяца, в апреле 1980 года, Москва хоронила поэтессу, нашу землячку...

Ее творческая жизнь тоже начиналась в 112-м бараке, и, обращаясь к Магнитке, она запечатлела в проникновенных строчках и теплые воспоминания о первом своем доме в городе, разбудившем ее молодые творческие силы. Хочу напомнить читателям это стихотворение:

Сто двенадцатый барак,
Он ловко оседлал бугор,
И дым свой к облакам простер,
За сопками
В седой дали
Тогда шумели ковыли.
В рассветный час,
В полночный час
Он не смыкал горячих глаз.
На чистый свет
В одном окне
Всю жизнь идти придется мне...

Я вспоминаю нашу угловую комнатунку с железной двухспальной кроватью. На ней мы спали вдвоем с Борисом Ручьевым. Тут, на табуретке за дере-

вянным столом, отогреваясь у плиты (зимой стены барака промерзали), Борис писал стихи.

Вскоре я женился, а Борису дали комнату в гостинице. Он уже выпустил два издания «Второй родины», и ему постарались создать хорошие условия для творчества. Надо сказать, партийная организация молодого города и дирекция комбината очень поддерживали творческую молодежь. Потом и нас поселили в настоящем доме. Но первые пять-шесть лет барак был и нашим жилищем, и своеобразным литературным клубом. Он принадлежал редакции «Магнитогорского рабочего», «Магнитогорского комсомольца», работникам типографии и литературному активу. Жили мы дружно, гостеприимно, все были молоды, всех связывали общие дела и великая цель — строительство социализма, — ведь мы были на самом переднем крае!

Живо вспоминаю первую встречу с Л. К. Татьяничевой летом 1934 года. Раздался стук в дверь, и на приглашение «войдите» у порога появилась стройная, красивая, черноглазая девушка с узелком в руках.

— Простите меня, я приехала к вам из Свердловска, — как-то застенчиво произнесла она. Моя фамилия была ей знакома по стихам, опубликованным в журналах «Рост» и «Штурм». Так она стала четвертым жильцом в нашей камерке, кроме меня, жены и маленькой дочери.

Мы, придя с работы, писали стихи за единственным столом, а вечером Людмила ладила себе постель на полу из газет и журналов. Так началась ее литературная биография.

— Жив ли сто двенадцатый барак? — спросил меня как-то один из первых участников «литбригады» В. Г. Сержантов, доцент Челябинского педагогического института. Он тоже был жителем этого барака. Частыми гостями бывали здесь писатели А. Авдеенко, А. Лозневой, М. Гроссман, В. Светозаров, журналист В. Дробышевский. Приходила и совсем юная Н. Кондратовская, участвовала в наших литературных спорах.

ИВАН ВОРОБЬЕВ ИЗ ИРБИТА

**Александр
БРЫЛИН**

Посетил наш барак в 1932 году Демьян Бедный. Он дважды навестил руководителя «литбригады» В. А. Макарова, встречался с молодыми магнитогорскими литераторами. Это было для нас большим событием! В музее-квартире Бориса Ручьева хранится фотография, где все мы запечатлены со старшейиной советской поэзии.

Более месяца жил в нашем бараче поэт Ярослав Смеляков. Бывали у нас журналист Семен Нариньяни, известный казахский поэт и прозаик Сабит Муканов. Магнитогорск для них был источником вдохновения, и об этом говорят их прекрасные стихи и очерки о нашем городе и его людях...

Меня неудержимо потянуло к тому месту, где находился этот «магнитогорский Парнас» незабываемых тридцатых годов. Я пришел к тому «рыжему бутру», чтобы вспомнить юность и своих соседей по этому убогому общежитию. Где сейчас те маленькие деревца, которыми мы обсадили его со всех сторон? Я бродил по каменистому склону. На месте давно снесенных барачков теперь высятся корпуса одного из цехов металлургического комбината, центральное шоссе перенесено в глубь бывшего участка. Вот тут, думаю я, находился наш барачок, где-то возле зеленого островка из разросшихся деревьев и кустов.

И вдруг — чудо! Наш барачок — один-единственный — цел и невредим. Приспособленный, видимо, под складское помещение, он отремонтирован, утратил первоначальный вид, но стоит, как вкопанный, на том же месте, где его построили полвека тому назад. А вокруг — с трех сторон — его густо окаймляют клены и кустарники.

Мне немного грустно, что многие памятные, даже исторические места нашего города исчезли или забыты, потому что находились они во времянках. Хочется, чтобы барачок, где начинали творческую жизнь большие поэты, где бывали замечательные писатели, сохранился. Это нужно для потомков, для тех, кто завершит великое дело, начатое ветеранами Магнитки.

Архитекторы думают о том, чтобы создать своеобразный музей под открытым небом, воссоздав там уголок быта первостроителей Магнитки с первыми палатками и бараками. Хотелось бы сохранить и увековечить сто двенадцатый барачок как памятник культуры, и надо это сделать, пока не поздно.

В архиве Ирбитского музея хранится папка с материалами краеведа Ивана Васильевича Воробьева (1862—1937). В одном из конвертов с московским обратным адресом письмо А. А. Фадеева от 14 июня 1946 года, адресованное вдове краеведа — Кире Марковне. В нем писатель благодарит К. М. Воробьеву за присланную автобиографию мужа.

Иван Васильевич Воробьев — старожил города Ирбита. Он был в переписке с Л. Толстым, Максимом Горьким, был знаком с Маминым-Сибиряком...

Выходец из народной среды, И. В. Воробьев был педагогом, статистом, земским деятелем. Он написал десятки статей о положении народного образования, экономике в Ирбитском уезде.

Статьи И. В. Воробьева о лесном массиве в пойме реки Тавды были использованы Д. Менделеевым в его трудах «Железодельная промышленность на Урале». И. В. Воробьев оставил большую рукопись — «Пройденный путь», также представляющую интерес для историков.

Общественное лицо И. В. Воробьева не может не вызвать к себе симпатии. И. В. Воробьев не был революционером и тем более большевиком, хотя и арестовывался царским правительством за революционную деятельность, он неоднократно оказывал помощь бунтарям, укрывал у себя на квартире П. Г. Яргина, инженера Режевского завода, сподвижника Я. Свердлова.

В дни революции 1905 года И. В. Воробьев редактировал газету «Ирбитский листок», выступал в защиту свобод, против самодержавия. За это он был осужден к административной ссылке в Нарым на три года, впоследствии замененной ссылкой из Ирбита.

После Октябрьской революции И. В. Воробьев, уже будучи в преклонном возрасте, работал в различных советских учреждениях Ирбита.

Имя И. В. Воробьева стало известно А. А. Фадееву еще в конце двадцатых годов. По воспоминаниям сестры писателя Т. А. Фадеевой, И. В. Воробьев еще после

первого издания романа «Разгром» разыскал А. А. Фадеева и убедился, что он сын его друга и земляка Александра Ивановича Фадеева. «Отец не видел нас с 1905 года, — пишет Татьяна Александровна, — и мы ничего о нем не знали до 1929 года, когда брат получил письмо от Воробьева, который и описал последние дни отца...»

Позже, уже после войны, где-то в 1951—1952 годах, А. А. Фадеев из материалов ирбитского краеведа узнает новые подробности о родном отце, человеку нелегкой судьбы, русском революционере, прошедшем через царские тюрьмы и ссылки.

И. В. Воробьев и отец писателя, А. И. Фадеев, родились в селе Покровское Ирбитского уезда (ныне Артемовский район Свердловской области), где в 1876 году окончили Покровское училище, стали народными учителями. Их дружба продолжалась всю жизнь.

Несколько лет назад на Уральских Бирюковских чтениях в Челябинске краевед Ю. М. Курочкин, а затем Кировский писатель-краевед Е. Д. Петряев раскрыли несколько неизвестных псевдонимов И. В. Воробьева. Весомое дополнение в это внес известный на Урале исследователь литературных псевдонимов из города Нижнего Тагила С. Я. Черных. Все это существенно расширило представления о творчестве и общественной деятельности Воробьева.

В центре села Покровское стоит большая каменная школа, построенная еще в конце прошлого века. До сих пор это здание, добротное и красивое, остается украшением села. Построена школа благодаря усилиям земского деятеля И. В. Воробьева. Вот на этом здании и следовало бы установить мемориальную доску в честь Ивана Васильевича Воробьева. Это было бы и исполнением желания Александра Александровича Фадеева, который тоже ратовал за увековечение памяти видного уральского краеведа.

ТАРЫЕ ЛЮДИ ГОВОРЯТ...

Народный календарь

Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Рисунки
З. Баженовой

Быть яровому так

Пшеничный стебель пониже ржаного, а колос потолще и потяжелее. Потому и клонится он долу, согнув верхинку стебля. У ржи зерно продолговатое, серо-палевое. Пшеничное зерно — коротышка, толстенное, бочоночком, красно-золотистое. Потому и зовется пшеница золотую. На Руси рожь называли черным хлебом, овес белым, а пшеницу — красным. Русская пшеница — лучшая в мире. Зерно дает бедую муку — кручатку и манную крупу.

Пшеница капризна — нужна ей земля плодородная: чернозем или суглинок. На песке не вырастет. Любит она целину, землю нетронутую, богатую питательными соками.

Есть яровая и озимая пшеницы. Яровую сеют в мае. Раннюю — накануне Егория и после него — с Ивана Долгого, Николы Вешнего или Симона Зилота (23 мая). Кто сеет пшеницу в день Симона Зилота, у того родится она аки золото. Позднюю — с Пахома Бокотрея, а то и с Ивана (7 июня). На хорошей земле сеют пораньше, на худой — попозже.

Пшеница требовательна и к погоде. Сей пшеницу, когда весна стоит красными днями. Ярославцы советовали: какой день Маслены — красный (пригожий), в такой день сей и пшеницу. Выходили на сев в полдень, когда небо ясно и поля хорошо облиты солнечным светом и теплом.

Сей рожь в золу, а пшеницу в пору.

Пшеницу сей, когда босая нога вытерпит прохладу почвы в борозде.

Не сей пшеницу прежде дубового листа.

На дубе лист в пятак — быть яровому так.

Ярославцы сеяли пшеницу, когда зацветала черемуха. Туляки, самарцы, симбирцы — когда цвел можжевельник, пензенцы — когда береза выпускала листовую почку. Отсеяли и пшеницу. Хороший урожай предвещали:

зимой снег на полях холмами, капель на Сретенье, утренники на вербной, южный ветер на Луку (16 июня),

большие шишки на березах, множество шишек на елях.

Пшеница хорошо родится, если весной муравей сытый и чистый.

Мелкая верба на иве к мелкой пшенице.

Пшеницу сильно забивают сорняки, потому ее всходы пропалывали вручную. Поле полоть — руки колоть, а не полоть, так и хлеба не молоть.

В Сибири говорили: на Спасинью не будет, хлеба уйдут, узреют в срок. Иней — враг пшеницы.

Обычно поспевают пшеница ко второму Спасу. А в сентябре уже всякое семя из колоса пльвет. На Семен день семена выплывают из колосьев. Потому и убирали пшеницу к Семену Летопроводцу. В этот день — праздник: первая встреча осени, сноп-именинник.

Овес — не князь...

Зимой привезет крестьянин зерно на мельницу, распряжет лошадь на мельничном дворе у деревня — избушки для приезжих, — привя-

Окончание. Начало см. в № 8.

жет к самым поводным узелкам, накроет попоной, накинёт на шею торбу с овсом и таскает мешки к поставам. А лошадь морду в торбу, хватает губами зерно и жуёт неторопливо, отдыхает, сил набирается.

Сеном лошадь требушину набирает, а от овса рубашка по телу закладывается.

Не гладь лошадь рукой, гладь овсом.

Не лошадь везет кладь — овес едет.

Не спеша кнутом, спеша овсом. Погоняй лошадь не кнутом, а овсом...

Овсяной болтушкой, сваренной из неочищенных зерен, кормят охотничьих собак — борзых и гончих.

Овес — культура хлебофуражная. Он перерабатывается на крупу — овсянку и хлопья и на муку — толокно. Овсяная каша, овсяный кисель, овсяный дежень — древние и любимые блюда селян. Овсяная каша сама себя хвалит. Толокно и сладко, и споро, и сыто, и скоро.

Стебель овса пониже пшеничного. У него не колос, а метелка. На каждой веточке по длиненькому остроконечному зернышку в бледно-желтой пленке-оболочке. Овес влаголюбив, к почве нетребователен.

Если б не мороз, овес бы до неба дорос.

Овес сквозь лапоть прорастет. Снег на овес — тот же навоз. Овес — не князь, любит и грязь, а ветру боится.

Когда на дороге грязь, тогда овес князь.

Овес говорит сеятелю: топчи меня в грязь, так буду князь.

Общее правило посева: овес любит хоть в воду, да в пору. Пора — теплая погода, прогретая почва: босая нога на пашне не зябнет.

Ершовские сеяли овес, когда берега распускалась, но до распускания осины. Так же в Поволжье. Туляки — когда дубовый лист развернется в заячье ухо, когда крылатые муравьи показались, а лягушки уже с голосом. Лягушка квачет — овес скачет.

Ранние овсы сеяли с Николы Вешнего, поздние — с Пахома Богорея и Олены Леносейки и еще, когда пух с лозы летит.

На Федота (31 мая) на дубу макушка с опушкой, будешь мерять овес кадушкой.

А уж когда земляника красна, не сей овес напрасно: не вызреет.

Посеяли. Что-то вырастет? Пермяки заметили: в феврале первая сосулька дольше — овес дольше. В великий четверток (четверг перед Пасхой) мороз, так и под кустом овес.

Хороший урожай овса предвещали:

лед в корыте во дворе на Егория,

массовое появление комаров, множество сережек на ольхе и осине, а почек на орешнике, обильное цветение рябины.

На Наталью Овсяницу — покосы, праздник. Сожнут горсть овса, свяжут в сноп, принесут в избу и поставят в красный угол, под образа. Косцы сядут за стол, и хозяйка угостит их деженем и овсяными блинами. Дежень — это овсяное толокно, замешанное на кислом молоке или на твороге с добавлением простого молока, или на сыте, медовом взваре, и выстоянное некоторое время в корчаге. Жидкая сладковато-кислая масса, своеобразный напиток. Любимое кушанье в Семёновке.

На поле в полдень или в паузник (между обедом и ужином), часа в два дня, косари лакомятся толокном или овсяным киселем. Кисель готовят из овсяной муки, разведенной с сахаром и солью и заваренной корочкой ржаного хлеба. Жидкость процеживается и коротко варится на слабом огне. Едят кисель горячим или холодным с подсолнечным маслом.

Любят полакомиться овсом медведи. Существует даже особая порода этого зверя: медведь-овсяник.

Ячмень-житарь

Внешне ячменный колос схож с пшеничным. Но у ячменя длинные жесткие усы, остья — он самый остистый из всех злаков. А пшеница безостая. Правда, есть и с остью, но они короче.

Ячмень — и пищевая, и кормовая, и сырьевая культура. Самая скороспелая из яровых. Ячмень — житарь, жито, — говорили в старину. Спора ячменная каша — ячневая и перловая, спорей того — ячменные блины.

Ячменная каша сама себя хвалит, а гречневую — люди.

Говорят, будто царь Петр Первый признавал ячневую кашу самой вкусной и полезной.

Каждому солдату знаком перловка. В годы войны ее называли шрапнелью. Помню, жуешь себе на здоровье разваренные шарики и чувствуешь, что поел, не то, что жиденькая манка, которая, случалось, попадала в солдатский котел. И все же перловка приедалась, тем более, что и в суп часто попадала. А для разнообразия пищи — ох как хороша она.

Пермяки сеяли ячмень, когда берега выпускает лист, симбирцы — когда покажется слепень. В иных районах — когда цветет калина и зацветает озимая рожь.

Бытовало поверье: ячмень лучше сеять в первые дни полнолуния, в семицкий четверток (четверг перед Троицей) или в троицную субботу (седьмая неделя после Пасхи).

Ячмень, посеянный при западном или юго-западном ветре, родится плохо.

Обилие сосновых и ольховых шишек, обилие почек у вяза, крупные почки у осины предвещали богатый урожай ячменя.

Кукушка ячменным колосом давится: умолкает, когда заколосится житарь. Если ж будет куковать после Петровок, ячменный колос может оказаться пустозерным.

Гречневая каша — мать наша

Гречища, греча, гречка — популярная крупяная культура, растение-медонос, с которого пчелы собирают один из лучших сортов меда — гречишный.

Из гречневой крупы — ядрицы и продела — готовят вкусную, здоровую кашу. Она сообщает человеку бодрость и силу.

Гречневая каша — мать наша, а хлебец ржаной — отец наш родной.

Мать наша — гречневая каша: не перцу чета, не прорвет живота. Горе наше — гречневая каша: есть не можется, а отстать не хочется. Знают и дьячихи, что курью варят из гречихи.

Родина гречихи — Азия, Гималаи. Существовал обычай — в день сева гречихи варить гречневую кашу для нищей братии: слепцов, калек, богомолков странствующих, старцев...

Гречища — культура нежная, влаголюбивая и теплолюбивая. Боится жары, страдает от морозов.

Греча знобу не терпит. Государыня гречища ходит барыней,

а как хватит мороз, веди на калечий двор.

Не ровна гречиха — не ровна и земля: в иную воз бросишь, да после зерна не соберешь.

Не верь гречихе на цвету, а верь в закрому.

Холь гречиху до посева да сохни до покоса: ненадежна, ждешь урожая и не дождешься. Советовали земледельцу: сей рожь, а греча не печа. Не пекись попусту о капризной гречихе, займись неприхотливой рожью.

Но есть у гречихи и преимущество: короткий период произрастания. Сеют ее поздно, когда минует опасность возврата весенних заморозков, пропустя сорок морозов после Сороков. В Ершовке, в Балаках гречиху высевали с Федосьи Колосняницы, в других местностях — с Митрофана (17 июня), в Забайкалье — на Акулину Гречишницу, в центральных областях России — либо неделей ранее, либо неделей позже Акулины, в южных губерниях и на Украине последним сроком посева считали Онуфрия (он же Петр Солнцеворот).

Существовали и природные показатели начала сева гречихи: когда трава хороша, когда роса хороша, когда рожь хороша, когда скворчата из гнезд выглядывают, когда гречишные козявки появятся, а ольха и рожь зацветут.

Гречиху лучше сеять при тихой погоде или при теплом полуденном ветре, без дождя. За бороною пыль — будет блин. Эта поговорка родилась на гречишном поле.

Красно поле и пшеном

Из всех хлебных злаков просо самое низкорослое. На стебельке тяжелая метелка венчиком. Зерна мелкие, круглые, в оболочке. И оболочка, и все растение желто-оранжево-красноватого цвета.

Возделывают просо на крупу, которую называют пшеном. Из пшена в русской печи варили густую кашу и кулеп — жиденькую кашу с картошкой кусочками и соляной.

Запомнился мне один урок.

Летом 1944 года наш отдельный батальон, преследуя белофиннов, вышел к реке и закрепился на берегу. Бой затих, лишь перестреливались да вели разведку. Было уже ясно: победа здесь не за горами, и настроение у нас было приподнятым. Позволяли себе при случае задуматься и о чем-то домашнем, житейском.

Приготовил наш повар в походной кухне на обед пшеничную кашу, а я недолюбливал ее, предпочитая кулеп, ну и поворчал на кашу, сказав о ней что-то не лестное. И тут наш боец Макеев, артиллерийский повозочный, пензенский крестьянин лет под пятьдесят, высокий, крепкий, хотя и узкоплечий, с огромными ладонями-лопатами, всегда немногословный, больше слушающий, чем рассказывающий, усмехнулся в щетину усов и проговорил вроде бы с укором:

— Ну что вы, товарищ лейтенант, о каше так!.. Нельзя нам быть без пшенной каши! Русского человека без каши не накормить, — и он скупно похваливал пшенку, раскладывая ее алюминиевой ложкой из термоса по котелкам. И я был благодарен Макееву за науку любить родное.

Щи да каша — пища наша, — говорили на Руси.

Без каши-то зябнется, обед не обед.

У каши привал, так и дотянешься.

Не наша еда орехи, наша — каша.

На Масленицу в каждой избе Семеновки пекли блины из пшеничной муки. Пшено толкли в ступе тяжелым пестом до муки желтоватого цвета. Просеют муку и замесят ее в корчаге на закваске с вечера, а на рассвете, как укинет, протопят печь и жидкую массу выливают половником на горячую сковороду, обильно политую коровьим маслом. Шипит масло, пенится тесто и запекается пышным, толстым, румяным, ароматным блином во всю сковороду. Складывают блины стопкой на дощечку или на противень и подают к столу со сметаной, маслом, медом. Вот уж любили мы блины — за уши от стола не оттянешь. По всей деревне вместе с февральским морозцем растекается запах блинов из пшеничной муки.

Высевали просо позднее овса и ячменя, но раньше гречихи, когда ласточки прилетали. Хорошо вырастает просо на целине, на залежном пласту. Сеют в полдень. Сев рано утром — много сажки (головни) будет.

Орловские крестьяне заметили: На Егория роса — будут добрые проса.

На Егория мороз — будет просо и овес.

На Ивана Купалу просо в ложку, так и будет его и в ложке.

Если в Петров день просо с ложку, то будет его и на ложку.

Урожай сморчков, крупные почки на осине, сильная завязь орехов к урожаю проса.

Сею, сею бел-горох...

Горох да репа животу не крепка. Не главный продукт питания, не хлеб, не основная пища, а дополнительная, вроде селотья, огорожанины, огородини — всего того, что добывают летом помимо хлеба, в лесу, на огороде, на бахчах. И все ж горох очень популярен, широко распространен и высоко ценен как пищевая и кормовая культура.

В пищу употребляется зрелое зерно — сухие, твердые белые горошины, зеленый горошек и лопатки — сочные стручки с молодыми, еще мелкими и нежными горошинками.

Зеленый горох — великое лакомство.

Горох да репа — завидное дело: кто ни идет, урвет.

Горох в поле, что девка в доме: кто не пройдет, всяк щипнет. Девку в доме да горох в поле не уберечь.

Репу да горох не сей подле дог.

Плети гороха стелются и вьются, растут споро, но требуют хорошо увлажненных почв.

Кабы на горох не мороз, так он бы через тын перерос.

Ранний горох сеют до Георгия, поздний — после Георгия. Ершовские сеяли на Егория (Георгия), в других местах — на Лазареву субботу, а туляки — на Иова Горошника.

На Исакия (12 июня) высаживали бобы.

Бросая горошины в борозду или на грядку, приговаривали:

— Сею, сею бел-горох! Уродися мой горох и крупен, и бел, и сам-тридесят. Старым бабам на потеху, молодым ребятам на веселье!

С Ильина дня защипывали горох. Рожь жнут серпом, овес и гречиху косят литовкой, а горох крочат или еще — катают. Тяжелая работа. Побуревшие петли так перепутываются, что не растащить, а корни цепко держатся за землю. Тогда берут грабли-крючья, вырывают корни из почвы и закатывают плети валом.

Опоздаешь с уборкой — высохшие створки стручков лопнут, зерно осыпется, и пропадет урожай.

Посадил дед репку, а бабка редьку

Репка — известный продукт питания, древний. Из репы готовили похлебку-репницу: варили или парили, разминали, перемешивали с толокном или солодом, заливали водой и ставили в закрытом чугушке (горшке) на вольный дух в жарко протопленную русскую печь.

Из репы варили кашу, добавляя крупы. С репой пекли пироги, делали репный квас. Употребляли и одну репу — вяленую, пареную, свежую. Она сладко-горькая, но приятна.

Репка брюху не крепка. Репой да брюквой не хвалятся: дешевле пареной репы задаром отдают. Недорога, ибо не требует особого ухода: в землю крошки, из земли лепешки.

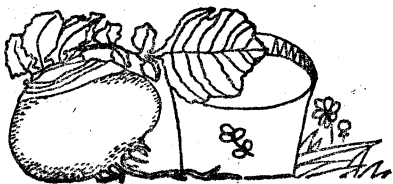
Как без сладкой репы, так и без горькой редьки крестьянский стол не обходился.

Редька да капуста, а все не спуста.

Добра снедь и редька, коли нет рыбки.

В пост — редьки хвост.

Ни каши, ни похлебки из редьки не сварить, но есть в редечке других пять яств: редечка триха да редечка ломтиха, редечка с мас-

лом, редечка с квасом да редечка так.

Хороша редька перед обедом! Вымоешь, очистишь, потрешь на терочке — вот тебе и триха, посолишь, сметаной зальешь — слюнки текут, жуешь — во рту горит, проглотил — дух захватывает. Можно и по-иному. Нарезешь ломтиками, посолишь, подсолнечным маслом польешь. Это ломтиха. А в квас? Тоже ломтиками...

В страду, в летний зной на жнивье или на току при молотье кружку квасу из погреба с редькой да ломтем свежего ржаного хлеба — усталости как не бывало!

Забайкальцы редьку сажали после Троицы, раньше нельзя: пустая будет, разрежешь — внутри дыра. Идут в огород сеять редьку — мать и бабка наряжаются, дочери прикажут: причешись, прибери космы, а то редька косматой вырастет, мелкой будет, в ботву, в лист пойдет. Блюли обычай не столько из суеверия, сколько из правил трудового человека: к делу относиться серьезно, начинать работу, приготовившись к ней, не с наскоку, не бездумно. К этому и детей приучали.

Без капусты щи не густы

В сказке солдат сварил щи из топора. Он попросил у хозяйки добавить к топору лишь чуточку капусты — без капусты щи не густы — да морковку, да картошечку, да головку луку, да щепотку соли... Щи капустой пригожи, солью вкусны. Да ложечку сметанки... Вот и получилось: щей горшок да сам большой.

Щи да каша — мать наша. Щи всему голова.

Кабы голодному щи — всем бы молодец.

Отец родной надоест, а щи не надоедят.

Поговорим о том, что во щи кладут. Начнем с морковки...

Село Ершовка стоит на левом, низинном берегу Камы. Против него, на правом, гористом, — Сарапул. За ним, на возвышенности, большие коллективные сады горожан. Там и наш участок в шесть соток, шестьсот квадратных метров, двадцать на тридцать.

Из сада хорошо видны ершовские поля, уходящие на восток к горизонту, видна и ершовская колокольня красного кирпича. Среди садоводов немало ершовских: одна местность, одни люди, одни обычаи, трудовые навыки.

В селах Московской губернии

морковь и свеклу сеяли на Козьму (1 мая). В ярославских, владимирских, костромских, вологодских, вятских и других селениях к востоку от Москвы — в Юрьев день. Поньше этих же сроков придерживаются и ершовские жители, и наши садоводы.

В мае перекопал я почву между рядий, взрыхлил старые грядки, и мама острой палкой прочертила поперечные бороздки. По ним рассыпала морковные семена. Чтобы суховея не выдули семена из почвы — май стоял жарким и над садом гуляли ветродуи, — накрыли мы грядку прозрачной пленкой. Полиэтиленовая пленка в саду — новинка. Раньше закрывали мы грядки пихтовым лапником, который приносили из леса за логом, или осколками стекла. Кто научил этому? Не книги. Люди, соседи. Делали по принципу: как у людей, как они, так и мы. Так же и со временем посадок, сева. Идешь по дороге сада, видишь: соседи принялись за морковь, беремся и мы за нее. Сеяли и в начале мая и даже 25 апреля, смотря по погоде. Отец наш человек был общительный, с каждым поговорит, посоветуется. Так и набирались опыта.

..В выращивании лука на репку, для зимнего хранения, есть одна особенность: луковица-репка дозревает и одевается в свою глянцевою золотистую рубашку только при сохранении листьев (пера). Если оборвать всю зелень — луковица не вызреет и стгнет в почве. И наши садоводы делали так: чтобы ускорить созревание, где-то в июле, когда луковицы уже достаточно крупны, а листья уже потеряли свежесть, перо пригибали и приминали к почве, и луковицы дозревали в грядке. Потом лук выдергивали, сушили и заплетали в плети за те же сухие листья-перья.

Для расхода, к семейному столу, без вреда для луковицы можно и сорвать несколько перьев. Если ж зеленого лука требовалось много, делали специальные посадки на зелень-перо или лука-севка, или батунна (бутуна), дающего только зелень.

Перо надо обрывать у самой луковицы, не оставляя колодцев, трубочек, в которые зальется вода, и луковица загниет. Убирать лук надо к Преображенью, а то репка не успеет высохнуть. Я вспомнил: в прошлое лето у нас так и случи-

лось. 18 августа был солнечный теплый день. Мы занимались другими работами в саду и не стали дергать лук. 19-го в сад не попали, а с 20-го полили дожди, вымочив почти сухой лук в грядках. И зиму он не вылежал: испортился...

Лук семь недуг вылечит, говорили в народе. Лук да баня все правят.

Сырой лук едят с хлебом, солью, квасом, отчего бывают адоры и имеют свежий цвет лица, пишется в старинных русских травниках.

При моровых поветриях и иных прилипчивых болезнях в комнатах развешивали связки луковиц. Воздух очищался, и зараза отражалась.

Наизав луковицы и чесночницы на нитку, вешали их на шею лошади или корове, чтобы не заразилась при падеже скота...

...Поздней осенью, когда в Семеновке сад стоял уж голым и просвечивался насквозь, а по утрам тонкий ледок окольцовывал пруд, по снегу на земле еще не было, приходил день, и в каждой избе вдруг, все разом, рубили капусту в засол. Вот уж был праздник!

Из капустных вилок вырезают кочерыжки. На столешнице или на специальных досках ножами или в деревянных корытцах сечкой капусту мелко рубят, посыпают солью, перемешивают и сбрасывают в кадку и там плотно уминают кулаками или толкушками. Туда же кладут несколько вилок целиком и еще морковку.

А кочерыжки достаются детям. Очищаем их, оставляя лишь белую, сочную, сладкую сердцевину. Хрустит кочерыжка на зубах, — ни с чем не сравнимое удовольствие! Как мы ждали осенью этого дня!

В народе его называют капустными. Праздник, посиделки, угощение капустой.

Секи капусту, не жди Покрова, говорили в Ершовке да и во всех селах Предуралья и Зауралья. И опять же по погоде. Капусту солят с первыми заморозками. Раньше нельзя — закиснет в тепле.

Капуста наравне с картофелем — главная дицевая культура слетья.

Хлеб да капуста лихого не попустят.

Капуста не пуста, сама летит в уста.

Капуста лучше пуста: хоть в брюхе не порожне.

С Евдокии Плющихи капустные семена высевали в ящички. Сеянцы пересаживали в теплички, парники, именуемые еще рассадниками и насадами. Парники устраивали и в грунте, на земле, и на столбах, на настилах, насадах, чтобы уберечь ростки от червя, гусениц. Отсюда и насад, как парник. От морозов, инеев рассадники укрывали холстами.

Говорили:

Сей рассадку на Егория, будет капуста доволе.

Сей рассадку до Егория будет шей ядоволь.

Зерно перед высевом пересыпали из горсти в горсть, чтобы вместо капусты не родилась брюква, а высаживая в грунт рассадку, приговаривали:

Не будь голениста, будь пузаста, не будь пустая, будь тугая, не будь красна, будь вкусна, не будь стара, будь молода, не будь мала, будь велика!

Садить рассадку в поле — дело утомительное. Капусту садить — спине досадить.

Чтобы молодую капусту не точил червь, по углам грядок сажали крапиву и говорили:

Крапиву червям, а капусту нам. На Николу Кочанского вилки завиваются: августа капуста — марта остр. Убирали капусту с Воздвиженья до Покрова.

На Воздвиженье капустный праздник в Забайкалье. В других областях так:

На Воздвиженье огурцы солить, на Сергея Капустника капусту рубить, капустки.

В каждой местности свои обычаи.

Золотое яблоко

В нашей Семеновке и в ее окрестностях помидоры именовали почему-то баклажанами. В Прикамье тогда был в ходу термин томаты. Здесь начали выращивать их только перед первой мировой войной, в Семеновке — пораньше, в конце прошлого века.

Помидор — слово итальянское, в переводе на русский означает яблоко золотое. Томат — слово южноамериканское, из Мексики. Там и родина помидоров-томатов.

С Евдокии Плющихи, а в Прикамье неделей позже, а то и в апреле семена помидор проращивают и рассевая в ящички на рассадку. Появятся два листочка — их пикируют: рассаживают реже, чуть прищипнув корень, и ставят на солнечный свет в комнате.

В середине мая рассадку пересаживают в парники для раннего вызревания, а другую — в июне,

когда минуют заморозки, — в грунт, в грядки для вызревания на воздухе. В августе плоды наливаются соком, но тут в наших приуральных краях как раз случаются похолодания, а помидоры любят тепло и солнце. На ветвях плоды начинают чернеть, гнить, гнубуть. Чтобы уберечь урожай, многие садоводы снимают помидоры зелеными и выкладывают на чердак или другие темные, но теплые места, для дозревания.

Много остроумного изобрел народ по выращиванию помидоров в условиях нашего холодного климата, а вот крылатых выражений о них, поговорок, что-то не слышно. Видно, есть на то свои причины.

Засевай огурцы поскорее

В огородах на свободных местах, меж грядок, в садах возле цветников, в палисадниках перед окнами — в каждом дворе сеяли мак. Смаком пекли пироги, делали маковые пряники, конфетки, маком посыпали булочки. Любят дети мак.

Черен мак да бояре едят. За посевом мака вовсе не ухаживали: не родит мак, пробудем и так.

А вот без огурцов на грядке не пробыть так. После капусты второй продукт в овощном рационе, и заботу об огурцах проявляли великую.

Примечали, что к урожаю огурцов:

большая роса и ясный день на Иова Горошника-Огуречника, тепло на Егория, обильная роса на Ивана Купалу,

множество шишек на елях, массовое появление паутов (оводов).

Выращивали рассадку и перенесли ее на грядки, как минет опасность возврата морозов, в конце мая — начале июня, в южных районах — на Ивана Долгого, в северных, в Сибири, в Забайкалье — на Мокія Мокрого, на Сидора Огуречника. Но прежде испытывали погоду. Мокрую тряпку вывешивали на ночь на дворе: замерзнет — огурцы сажать нельзя, надо погодить. В Зауралье, под Камышловом, замечали: в Сидоров день погода нехороша — огурцы плохи.

Чтобы огурцы росли крупными, меньше было пустоцветов, возле грядок зарывали в землю пест.

В нашем саду ныне огурцы сеют сразу в грядки под пленку, и рассадку не выращивают совсем.

К Евдокии Огуречнице огурцы поспевают полностью. Но первые

зеленые огурчики снимали с грядки еще к Прокопьеву дню.

В жизни земледельца были свои сроки начала употребления в пищу плодов нового урожая. В древности в те сроки совершались ритуальные, праздничные обряды угощений, пробы плодов труда. С годами обряды забылись, а сроки сохранились. Так, первую молочную кашу подавали к крестьянскому столу на Мавру Молочницу. Первый медовый сот вырезали из колоды улья в Медовый Спас или в Ильин день. Первые яблоки ели в Яблочный спас. Первый каравай нового хлеба пекли в Третий Спас. Первые огурцы опробовали всей семьей в день Богородицы, 22 июля, на другой день после Прокопия Жнеца. Не возбранялось уже и нарушать эти сроки...

Картошка — хлебу присошка

Первый мешок картофеля будто прислал в Россию Петр Первый из Голландии, где обучался он корабельному делу. Царь наказал разослать клубни по всем губерниям. Но тогда мало кто понял, как выращивать новую культуру, и крестьяне сажали картофель по принуждению. Но вскоре народ убедился: картофель — хлебу подспорье. И новая сельскохозяйственная культура распространилась повсеместно, попала и в народный календарь.

Слово «картошка» придумали пермяки. На северо-западе, на западе, в Новороссии, на Украине родился другой термин — бульба и ба-рабола.

С Николы Вешнего сади картофель, — сказали нижегородцы.

С Егория после пшеницы, — советовали забайкальцы. Здесь же приметили: на Ильин день дождь — картошка будет хорошая. С Казанской — прополка, окучивание. В Прикамье сообразили: окучивать лучше после дождя, чтобы разбить твердую корочку на почве. В Семнов или Луков день — уборка. Клубни сушат и сыпают в подполье, в ямы.

В 1977 году славно потрудились апрель, и к концу месяца уже зазеленели тополя и березы. А третьего мая к ночи ветер переменялся на северо-восточный, таймырский, и утром 4-го полетел хлопьями снег, выбеливая зеленые кроны и траву на лужайках. Падал, таял, а на следующий день сменился дождем, а потом и ведром. К вечеру все умиротворилось. Я сидел на скамеечке у ворот сада и поджидал автобус.

В саду цвела черемуха, вишни, уже зацвели яблоня, на осинах почки еще только наклеивались, а дубы стояли вовсе голые, словно неживые.

На скамеечке шел разговор о весне и весенних работах в саду. Кое-кто, глядя на теплый апрель, поторопился высадить картофель. Вот садоводы и говорили: рановато еще. Одна женщина сказала, что слышала такое: как лист березы развернется полностью, так можно сажать картофель. Другая заметила: картошку теперь сажают после дня Победы.

Праздник Победы уже вошел в быт народа и стал новым, примечательным рубежом в народном сельскохозяйственном календаре.

Посеешь с крошечку, а вырастет с лутюшечку

Летом у семеновских мальчишек руки от безделья не чесались, им всегда была работа: и настоящая, взрослая, и — в свободное время — детская, работа-забава, работа-игра. Одна из них — вить веревки. Для дела и просто ради искусства: чья лучше, красивее, ровнее, крепче? Плели в два, в три конца. А искусники — и в шесть, и в восемь умели заплетать, да так ловко — не налюбуйшься. Делали толстые плети для кнутов, тонкие, бечевочки, коротенькие мотузки — завязки к мешкам, к поклаже. В хозяйстве шагу не сделать, чтобы не потребовалась веревка. Не обходились без веревочек и детские игры.

В каждом дворе под навесом (поветью) всегда лежали груды не-

чесаной пеньки, покосни или просто пакли. Надергал прядь, перекинул на крюк, на сучок — заработали пальцы, скручивая концы, — из руки в руку, туже, туже... Пенька, пакля — все это из конопли, что растет за дорогой, рядом с подсолнухами...

От крайней избы до берега пруда у плотины зеленел лужок по склону. В саду вишня и черемуха белой пеной клубятся, а на лугу, как белые дорожки, длинные холсты расстелены для выбеливания на солнце. Глядишь со стороны — от плотины иль с кручи, — плывут белые ленты в горку, вот-вот взлетят в воздух коврами-самолетами. И холсты из той же конопли. Без конопли в крестьянском хозяйстве не обходилось.

Соха кормит — пенька товар платит.

Конопля платит подати.

У кого конопелька, у того двойная копейка.

Невеяный хлеб не голод, покоснь не нагота.

Каждый хозяин сеял коноплю у себя на задворках, за хлебом, у огородного плетня, у гумна. Тут землячка понавознее. Конопля любит почву тучную, жирную, удобренную. Вымахает стебель в рост человека — ребристый, шероховатый, густо-зеленого цвета, как крапива, но не жжется. На одних стеблях — короткая кисть зеленых цветков без пестиков, только с пыльниками, тычинками. Семян у них не бывает. На других — длинная метелка из колосков с пестичными цветками, в которых вызревают семена. Бессеменные стебли называются покоснью или дерганцами, семенные — пенькой, или материнкой, матеркой, маткой.

Конопля плодovита: кинешь с блошку — вырастет с лутюшку. Лутюшка — это липка, с которой сняли лыко на лапти. И само лыко тоже зовется лутюшкой.

Сеяли коноплю уже полной весной, как горлица заворкует, когда скворцы выведут детей. Закончат сев хлебов — сеют лен и коноплю: где с Елены и Константина, где с Николы Вешнего, а где и до него, но не в первую соху.

Посконь убирала в цвету, примерно с Ильина дня, выдергивая ее в конопляниках по стебельку. Дергать покоснь — дело бабье, за что и называли их покосницами. Стеб-

ли поскони расстилали длинными рядами на колючей стерне, на покосах под дождь и солнце, на вольный ветерок. Потом вязали в снопы, перевозили на дворы, по окончани жатвы сушили в банях, в сараях, в овинах. Осенью, а то и следующей весной, мли на мялках — три толстые доски длиною поболее метра поставлены на ребро и соединены на переднем конце деревянной осью.

Мятую коноплю — горстями длинных волокон — трепали: били о ту же мялку или о специальную деревянную грядку на козлах, трепалку, выбивая чисто остатки кострихи. Потом коноплю чесали, распутывая и выравнивая длинные волокна. Так получали куделю — мягкое, эластичное волокно, ее называли еще пенькой или просто волокном.

Длинные зимними вечерами при лучине, свечке или коптилке пряли из кудели вервы — суровые нитки. Их сучили, скручивали вдвойне или тройне на веретене, и назывались они пряжей. В избе расставляли кросны, или постава, — ткацкий станок — и женщины ткали из пряжи холсты, посконину, грубую ткань. Весною, когда зацветет черемуха, холсты вымачивали в реке, в озере, в пруду и тут же, у воды, на досках отбивали вальком или рубелем и расстилали под солнцем для отбеливания...

Паклей — конопляными очесами — конопатили срубы, лодки. Кострихой топились. Из конопляных семян выжимали масло на пищу и на технические цели. Жмыхом — отжимками масла — кормили скот, птиц, рыбу в садках. Все шло в дело.

Льны в августе смотри

Славен русский лен, славно льняное полотно — тонкое, белое, прочное.

Из земли вырастаю, весь мир одеваю, — говорит о себе лен в загадке.

Всемирно известные ткани —

батист и тик, пшечное, машинное (веретенное) масло, олифа, краски для живописи, лаки, мыло, паклю, жмыхи и еще лекарства дает человеку щедры льен. Из льняной ветоши получают самую высокосортную бумагу.

Стебель у льна совсем короток. Идешь по полю, а он и до колен не дотянется. Летом на верхушке стебля нежно голубеют мелкие пятилепестковые цветочки, а к осени звенят погремками семенные коробочки. Цветочный венчик раскрывается с восходом солнца, а закрывается после полудня — живые часы: можно время узнавать. Но в дождь и сырой туман цветки не раскрываются совсем.

На волокно сеют лен-долгунец, на семена и масло — лен-кудряш. Примечали: лен две недели цветёт, четыре недели спеет, а на седьмую семя детит. На Луна (5 сентября) льны лупятся — коробочки лопаются.

На Сидора Огуречника первый посев льна.

Сей лен на Олену. Матери Олены — ранние льны, поздние овсы. Олены — длинные льны.

Кое-где сеяли лен и с Митрофана, вместе с гречей (17 июня).

Кукушка закуковала, рябина зацвела, на дубу почки раскрываются — пора сеять лен. Так замечали симбирские и пензенские льноводы.

Лен сей при теплом ветре после полудня. Посеешь при северном — вырастет жестким.

Сеяли лен на мягких землях по озимым, по гороху, клеверам, свекле, морковке, репе. В Ершовке и Балаках старались сеять лен по новым землям — на лесных вырубках, на пустошах, залежах.

Лен с ярью не ладит: по льнищу нельзя сеять яровые хлеба.

Длинные капельники (сосульки) — долгий лен.

Зимую на дворе белье долго не сохнет — не хороши льны будут.

К урожаям льна — туман на Феофана, ненастье на Устина, росы на Федора, хорошее цветение рябины, обрастание земли мохом при запашке. А если на Марию (4 августа) сильные росы — льны будут косы.

Рассуждали так:

Удастся лен — так шелк, не удастся — так шелк.

Лен не родится, и мочало стодится.

Лен не жнут, не косят, а берут, таскают, теребят — выдергивают с корнем из земли. Отделяют коробочки, а стебли расстилают на жнивье под дождь и росы. Потом сушат, мнут, треплют, чешут, получают куделю. Ее прядут, а из пряжи ткют полотно. И на все это строгие сроки.

Лен стелили к бабьему лету, а

подымали к Казанской. На Ивана Постного последнее стлище льна. Мни и топчи лен с половины Грязника (октября), на Парасковью Лыняницу.

Мни льны доле, волокна будут боле.

Начали лен трепать (мять), так над ним не стоять.

Коли мять лен, так уж доминать.

Ткали зимою, весною полотно отбеливали.

Холстом нового урожая одаривали весну. Обряд совершался так. 2 мая отрезок холста расстилали на лугу, клали на него пирог со словами: «Вот тебе, матушка-весна, новая новина!» Думали, что весна оденется в новину и за хлеб-соль отблагодарит богатым урожаем льна и конопля.

Чтобы пряжа была крепка, чиста, бела, клубок льна или конопля зорили — в февралье выставляли на утреннюю зорю.

Есть сено, так есть и хлеб

Сенокос — тяжелая работа, но и радостная, веселая. Оттого ль, что не так манурительна, как жатва, или оттого, что зелено все кругом, все в цвету, все благоухает — и спорится артельная работа.

Хлеб жать серпом — доля женская, сено косить косой — мужское дело. Но работали на сенокосе и женщины. Граблями сено в грядущих ворошили, сухое в кучки сгребали, чтобы стог метать. Чем быстрее трава высохнет, тем сено лучше — мягче, ароматнее, питательнее. Сено — корм скотине, а значит, оно и молоко, и хлеб. Много сена требовалось крестьянскому двору. Накашивали по четыреста и более пудов на одно хозяйство. И этого едва хватало до егорьевской травки.

Сенокоса ожидали с нетерпением. Заранее прикидывали, каким он выдаться, примечали: хороша ли трава?

Зима снегом богата, а весна водой — будет хороший травостой.

У Евдокии вода — у Егория трава.

На Евдокию курочка напьется — на Егория овечка наестся. Апрель с водой — май с травой.

Разольется полая вода на Марию Пролубницу — будет большая трава и ранний покос.

Вода разольется — сена наберется.

Подпор сена не сгноит.

Без росы и трава не растет. На Юрия роса — не надо коням овса.

Егорий с теплом (с летом) — Никола с кормом.

На Юрия дождь — скоту легкий год.

Облака редки — земля плешива. Комаров нет — травы не будет.

На Петров день дождь — сенокос будет мокрый. Каково лето — таково и сено.

Гроза на Федора Летнего — плохая уборка сена.

Огородная рассада жадно пьет поливку — сухой сенокос, не вбирает воду — мокрый.

Много в поле кашки — быть сенокосной.

С косой в руках погоды не ждать. Начинают сенокос, пока трава не осеменилась.

До Ильина дня в сене пуд меду, после Ильина дня — пуд навозу.

Ладь косы и серпы к Петрову дню.

В Забайкалье первый покос с Петрова дня, в Енисейской губернии — с Ивана Купалы, в Прикамье — с Казанской.

Погода уточняла эти сроки всякий раз.

На луга выезжали до рассвета. На рассвете, когда луга сверкают в серебристой россыпи капель росы, уже косили.

До солнца пройти три покоса — ходить не будешь босо.

Коси коса, пока роса, роса долой, коса домой.

Успех зависел не только от ловкости косара, но и от косы. На острую косу — много сенокосу. Пройдут косцы ряд-другой, останутся, длинное косевище под левую руку, а правой брусочком (лопаткой) по лезвию косы с одной стороны, с другой — раз-два, раз-два, — и поострят, поточат косу.

В сенокос устраивали помочи. Помочан щедро угощали, и тогда косари шутили: «Ела кашу коса — ходи ниже, не ела каши коса — бери выше».

К осени на пожнях поднималась отава — травяной подрост. При хорошей погоде и ее скашивали: отавка — сена прибавка.

Стадо водить — не разиня рот ходить

Еще одна работа — забава семеновских мальчишек — делать кнуты.

Кнут пастуху, что коса косцу, соха пахарю. Хороший пастух — хорош и кнут, длинный, увесистый, при хлестании хлопок, что тебе выстрел. Таким кнутом и от волков

в поле можно отбиться, не то что от деревенских собак.

Для мальчишек хороший кнут — предмет восхищения и зависти. Вот мы и стремились сделать кнут, чтоб хлестал он громче всех. Свои самодельные кнуты пускали и в работу, когда стреноженных коней на луг выгнать надо или корову, овец до стада и от стада в хлев. Кое-кому приходилось и в подпасках походить. Тут уж настоящая работа, на все лето — от Егория до Покрова.

Кнуты мастерили из полосок сыромятной кожи, сужающихся к концу, плели из пеньки или из той же сыромяти. Прикрепляли сыромять к кнутовицу — хорошо отструганной палке. Оканчивался кнут нахвостником — тонкой, в карандаш, косичкой, свитой из волос конского или коровьего хвоста. На конце косички оставляли метелку, кисть не свитых волос. От нее-то и звук...

Пастуха кормила вся деревня подворно: сегодня он ест у нас, завтра у соседа — так и обходит все избы.

В старину первый выгон стада в поле сопровождался обрядом, который назывался так: в поле стадо сгонять и Егория окликать.

Георгий (Егорий, Юрий) слыл заступником домашних животных и крестьян-животноводов. 6 мая, в Егорьев день, который считался праздником пастухов, рано поутру вербой, сохраненной с вербного воскресенья, хозяйки выгоняли из хлева отмытую и начищенную корову на деревенскую площадь. Сюда сходились все селяне. Пастухов угощали мирской яичницей, одаривали холстом и деньгами, наказывали хорошо приглядывать за стадом, а чтобы не дремали в поле, окачивали их колодезной водой. Ведь стадо водить — не разиня рот ходить. Тут надобно и знание, и умение, и усердие: найти местечко с хорошей травой, приглядеть, чтоб скотина не разбрелась, чтобы каждая корова, овечка наелась, сыта была б, хороший удой дала бы.

Тот пастух славился, у которого стадо и цело, и сыто.

Деревенский батюшка, позевывая — опять рано встал, — кропил коров «святой» водой, пастухи взмахивали кнутами, громко хлестали ими о землю и приступали к делу: покрикивая, направляли стадо по деревенской улице к полю. Селяне провожали стадо за околицу и тут обращались к Егорию с просьбой

уберечь корову от волка, от падежа и расходились по домам.

Покровителем домашнего скота почитали и февральского Власия. С Вуколы (19 февраля) телятся жуколы (коровы) — появляется приплод. На Урале и в других краях отелившуюся корову, оягнившуюся овцу в хлевах окуривали чабрцом (богородской травой), чтоб молоко не было «поганым», чтобы молоко рос здоровым.

О приплоде загадывали с вершины зимы.

Яркие звезды на Крещенье породят белых ярок (овец). Звездистое небо в кутью — к богатому приплоду скота.

Темные святки — молочные коровы, светлые святки — ноские куры.

Первый весенний гром не в постные дни, не в среду и не в пятницу — хорошая прибывь молока от коров будет.

Крестьянину приходилось задушиваться и о кормах. 18 февраля называли днем Агафьи Голендухи. Коровья смерть ходила по дворам — падеж от бескормицы, особо в неурожайные годы.

Метель на Плющиху солому с крыши сметает. В холодную, метельную весну корму расходуется больше. Сена не хватает, и на корм скоту снимали солому с крыши сараев. Занос на Федота (15 марта) все сено сметет.

На Евдокию у разумного корм есть, а на Юрья и у дурня: молодая трава в поле.

В некоторых областях 1 мая — тоже Власьев день — назывался коровьим праздником. Уже зеленели деревья, поднимались первые травы на лугу — новый корм. Зеленая травка — молока прибавка. Пережили бескормицу — праздник на крестьянском дворе.

На Юрия дождь — скоту легкий год.

Юрий запасает коров, а Никола коней.

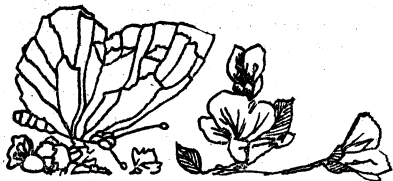
С Николы Вешнего лошадей выгоняли в ночное.

Никсла Вешний лошадь откормит, Никола Осенний лошадь на двор загонит.

Николин день — праздник конюхов в Центральной России, Егорьев день — в Забайкалье.

С Воздвиженья разгораживали поскотины, которые ставили после весеннего сева, городили остожья у кладей с хлебом и выпускали скот

на жнивье, на пары, на зелена пастись до Покрова, а где и до Михайлова дня. На Покров закармливали скотину пожинальным снопом и держали в хлеву, в стойле до весны.

В лесу угодье

Лес да вода поле красят.

В степи — простор, в лесу — угодье. Только с одного деревца березки — их четыре: темной ночи свет (лучина), неистощимая колодезь (березовица), старому — здорьеве (банный веник), разбитому — связь (береста на поделки). А что со всех деревьев!

Одна пашня, без угодья, плохо кормила крестьянина. И брал он у леса то, что мог взять — грибы, ягоды, орехи, целебные травы... А память об этом оставлял в языке, в родной речи. Вот и ныне идем мы в лес и там ищем гриб бычок, коровку, баран, козяк, свинушку, млечник, молочай, подмолочник, масленик, навозник, дождевик, глухарь, лисичку, подзайчик, ежовик, волчье вымя, ослиные уши, мухомор и не задумываемся, что все эти слова-названия перешли на грибы из крестьянского обихода.

Об урожае грибов загадывали с зимы.

Ненастное воскресенье перед Масленицей, оттепель в ее последний день, дождь на Благовещенье и Троицу, плесень на земле после стаявшего снега — признаки грибного лета.

Если на Плющиху ясно, на Благовещенье мороз, весенние грозы с градом — будет много груздей.

Если после стаявшего снега плесень на ветоши — будет много рыжиков.

К грибам — туманы среди лета, редкий летний дождь (капли крупные и тяжелые), звездное небо на Ивана Купалу.

Много мошек — готовь лукошек (по грибы).

Много комаров — готовь коробов (по ягоду).

Васильева ночь звездиста, звезды в святки — к урожаю ягод.

Устанавливали и сроки сбора ягод:

На Казанскую поспевают черника,

на Тихвинскую — земляника, на Авдотью Малиновку — малина,

на Лука — брусника, в Спасы собирали черемуху и клюкву.

В это же время начинали шишковать кедры на Урале и в Сибири.

копера, и от всех философов мудрых...» В современной народной фитотерапии вербейник известен как желудочное средство.

Говорили еще так: на Симона Зилота (23 мая) собирай зелья у болота!

На Казанскую рвали красильные растения.

Жители лесных губерний — Вологодской, Архангельской, Вятской, Пермской и других — подшучивали над собой — в лесу живем, в кулак жнем, пенью кланяемся, лопате молсимся.

Поредели леса у Ершовки. От леса отступили к северу уже верст на пять, а к югу и востоку — их вовсе не осталось. Некогда росли здесь удивительные лиственницы — карагаи толщиной до сажени в корню, высотой до двух десятков сажен. Не доброй памяти местный купец Астаф Татарин в 1841 году построил на Каме пароход «Опыт» на деньги, мошенническим путем добытые от поставок морскому ведомству гигантов-лиственниц из казенных сарапульских лесов. Нанятые им лошади зимою вырубали и вывозили стволы по ледяной дороге к берегу, а весной грузили в баржи. По воде не сплавляли: утонет. Теперь в лесу у Ершовки редко увидишь лиственницу.

...Занимался крестьянин и промыслом зверя. Пермьки примечали: в Крещенье собаки много лают — будет много зверя, дичи. В Сибири по шишкам на лиственнице судили о количестве промысловой белки.

В Центральной России Семенов день был праздником царных охотников: отправлялись с борзыми в отъездные поля на зайца-русака и лисицу, с гончими в лес по чернотропу гонять беляка.

12 октября — Юровая, праздник рыбаков и охотников в Сибири. Юрово — косяк рыбы, стадо, юр — открытое место на ветру, на горе. Тульские, рязанские, тамбовские, курские охотники в этот день гуляли по поршам, добывали именного зайца и заканчивали день охотничьими рассказами при застолье. Появление на Юровую волчьих стай предвещало мор и разорение.

...Лесная травка помогала исцелять недуги. Знать и уметь собирать целебные растения — тоже искусство. Давалось оно далеко не каждому. В этом занятии, как, к примеру в пастыбе скота, были свои искусники и искусницы. Были и свои календарные сроки.

На Ивана Купалу перед восходом солнца рвали Иван-да-Марью, фиалку двухцветную, а под чернобыльником, польню, искали «уголь», якобы помогающий от многих болезней.

Хотя христианская церковь и причислила Ивана к лику святых, в народе Иван сыыл колодовником, колдуном, чародеем, знахарем, ведающим нечистую, бесовскую силу. Поэтому лучшим сроком сбора целебных трав считались дни на Аграфену Купальницу и Ивана Купалу, когда в травах якобы находилось больше всего волшебной силы.

При сборе трав соблюдали обряды, в которых переплелось язычество с христианством. Вот как живописно обрисовывался в рукописном лечебнике XVII века процесс добывания корня вербейника обыкновенного, именуемого в народе вербой, воробей-травой, беличьими ушами, желтецом, зимдроем, ранником, черемичником, завальной травой, диким зверобоем, в ночь на Аграфену Купальницу:

«...рано, до восхода, умыться и, окопав, вынуть траву с корнем тремя перстами правой руки да левой одним большим перстом. А копаючи, говорить псалом пятидесятый, а кто не умеет, глаголет сто раз «аминь». Вынуть и, поцеловав трижды траву и корень трижды, говорить: «Ты еси мать травам, от земли рождена...» И обвей шелком корень, а сверху шелку scarлатным лоскутом, или аксамитным, или бархатным, или атласным, или камчатным¹ и держи то в доме своем, и на путь емли с собой, на бой, и на войну, и в суд, и в пир — от ведунов не будешь испорчен».

Если отбросим все это религиозно-мистическое нагромождение, то увидим и разумное: «Или сделай водку, или сок выжми из травы и то в большие очи пушай — уздравит. Изыскано и испытано, не ложно, от царя Соломона, и от царя Ю-

¹ Scarlat, аксалит, камчатка — древние ткани.

Не тот хлеб, что в поле, а что в закроме

Третья работа — игра семеновских мальчишек — мастерить цепи. Две палки — одна подлиннее, другая покороче соединены пеньковой бечевкой или сыромятным ремнем — вот и цеп. Молотили им крапиву у плетня, клоповник, мураву.

В школу я еще не ходил — подарил мне настоящий цеп, по моему росту. Это была радость. Кадца — длинная палка, цеповице — мне до подбородка. Она из липы, легкая, гладко ошпунгана и отшлифована. Один конец утолщен. В нем наискось, в торец, отверстие.

Пудце — сыромятный ремень — удавкой захлестнуто на толстом конце цеповица и пропущено в отверстие. Там соединено удавкой же с дубцем — короткой палкой цепа, билом. Дубец из дуба, тяжельный.

Обеими руками вскинешь кадце над головой, крутнешь дубцем и опустишь его плашмя на колосья снопа на земле. С таким цепом взрослые молотильщики позволили мне стать в их круг. Нужно подстроиться под общий ритм ударов: молотят четыре-шесть человек в кругу. Красива музыка молотбы — перестук цепов. Сложна руки снопа не обмолотить.

Потом молотил и на молотилке с конным приводом. Две или четыре лошадки, понури головы, ходят по кругу и вращают вал барабана молотилки. Но это все было до колхозов.

В Семеновке на колхозном току молотили хлеба уже на большой, сложной молотилке с приводом от парового движка. Такая машина сразу ж и веет и сортирует зерно, отделяет от него мякнуну, разделяет мелкое и крупное.

Молотба на току — праздник. Мальчишкам раздолье: в соломе кувиркаться, взрослым помогать. Стучит движок, гудит и трещит молотилка, скрипят возы со снопами, шуршит солома. В этом шуме голова людей: деловые команды, шутки, смех. Идет хлеб — новина, урожай...

После сытного ужина устраивали на гумне, в овинах, веселые игры. С полуночи разжигали костры-заревницы и при свете костров замолачивали именинный, зажиночный сноп.

Теперь цепи на току будут стучать аж до самой Маслены, пока не обмолотят весь хлеб. Из новины пекли большой каравай, на

непросеянной ржаной муки, разведенной фруктовым взваром, готовили сладкое кушанье — кулагу и усаживались за праздничный стол отвеждать новнуну.

...Уже на саях, после Николы Зимнего, крестьянин привез с дальних зародов сено во двор, дрова из леса, бревна, жерди и занялся зимними работами — чинил сени, поветь, амбар, телегу и сани, сбрую, плел лапти, валял валенки, женщины пряли и ткали, шили обновы. Побывал мужик и на мирских, общественных работах — ставил изгороди, ладил мосты, плотнуну, дорогу... А там уже не за горами было и время соху и борону готовить. И пошло все сначала: пахота, сев, страда — крестьянский год...

И так веками. В нескончаемой повторяемости лет и рождались, шлифовались, оседали на дно памяти народной пласт за пластом крупницы мудрости землероба, скотовода, охотника, слагая тот самый неписанный календарь явлений погоды, сельских работ, о которых и вели мы долгий разговор.

Вот и окончилось наше путешествие. Много мы видели, много слышали, есть над чем и призадуматься.

В Ершовке показали мне удивительный документ минувших лет. Нетолстая тетрадошка в обложке из темной оберточной бумаги. На титульной, первой страничке напечатано: «Платежная тетрадь». А ниже чернилами размашистым писарским почерком выведено: «...рядового уволенного в запас Осинского уезда, Ершовской волости, Ершовского сельского общества, села Ершовки Николая Васильевича Деськова».

Это была форменная, бланковая тетрадь для отметок о сборе податей — денег и хлеба. Первая запись сделана в ней в 1881 году, последняя — в год революции. В графе «окладных душ» стояло в разные годы: 1, 1 $\frac{3}{4}$, 2 $\frac{1}{4}$. Целые числа — взрослые мужчины, дробные — дети, мальчишки. Женщины и дети, девочки, в число окладных душ не включались. На каждой страничке две графы: «Следует уплатить податей и повинностей» и «Уплатено». Внизу — место для печати и подписи сборщика податей.

На титульной страничке под фамилией плательщика была напечатана табличка условных знаков, которыми отмечал уплату податей неграмотный сборщик или староста:

рубли — +, 10 руб. — □, 10 коп — ×, 1 коп. — I.

Нечто подобное вырезали острым ножом на палочках-брусочках, предшественниках форменных тетрадей.

Брусочки именовались жеребьями, а насечки — тяпками. Один брусочек, завернутый в тряпицу,

лежал на божнице в избе крестьянина, а второй хранился у волостного писаря. Соединив брусочки устанавливали их подлинность.

Шагает по деревне староста с жеребьевкой под мышкой — у мужика душа замирает: потребует сейчас недоимки, а чем платить? С хлебом до Рождества, пожалуй, не дотянуть, и тот отберут. Как жить дальше? Остается одно: лезть в кабалу к богатееву-кулаку.

Вовсе не праздником была жизнь крестьянина в царской России — у всякого крестьянина по семь баринов. Один с сошкой, а семеро с ложкой. Об этом нельзя забывать. И если русский человек сотворил такое чудо устной поэзии, как народный календарь, то лишь благодаря таланту своему неиссякаемому и еще тому, что и в лихие години умел он сохранять чистоту и ясность души своей.

Сын ершовского крестьянина Николая Деськова, обучившись лишь грамоте и счету в сельской школе, самостоятельно сконструировал в 1924 году, отлил стекла и построил в Ершовке 350-миллиметровый телескоп, самый крупный самодельный телескоп в мире для того времени. А внук уже учился в институте и стал заслуженным учителем ершовской школы. У него-то и хранится тетрадь деда.

СВЯЗАНО С ИМЕНЕМ ПУШКИНА

**Владимир
АРИНИН**

Все, что связано с именем гения нашей литературы Александра Сергеевича Пушкина, представляет интерес. Сегодня мы печатаем две заметки вологодского журналиста Владимира Аринина, в которых говорится о некоторых мало известных широкому читателю фактах, имеющих отношение к великому поэту.

Ссылка Павла Ганнибала

В 1828 году в Вологодской губернии появился ссыльный, доставивший немало хлопот местному начальству. Это был Павел Исакович Ганнибал, двоюродный дядя Александра Пушкина.

Как известно, поэт очень интересовался своей родословной. По линии отца А. С. Пушкин принадлежал к древнему русскому роду, представителем которого, по словам поэта, «водились» с дядями, служили при Александре Невском, Иване Грозном, Петре Первом.

Существует большая исследовательская литература, посвященная роду Пушкиных. Но, вероятно, самая ценная в ней — работа академика С. Б. Веселовского, который подробно проследил всех Пушкиных, начиная с XIV века. По линии матери поэт относился к роду Ганнибалов. Именно им принадлежали псковские имения, в том числе и Михайловское. Общеизвестно, что Пушкин гордился своим прадедом — арапом Петра Великого. Эфиоп по национальности, младший из девятнадцати сыновей абиссинского правителя, он был мальчиком увезен в рабство турками в Константинополь, а здесь выкуплен русским послом и доставлен в подарок Петру I. Петр дал ему имя Абрама Ганнибала, привязался к нему, а заметив способности юноши, отправил его во Францию учиться инженерному делу. Из Франции тот вернулся блестяще образованным человеком и вскоре стал одним из близких помощников Петра.

Пушкин считал Ганнибала значительным и интересным человеком

и тщательно собирал материалы о нем. Исследования специалистов уже в наше время подтвердили: хотя Пушкину и не были известны многие архивные документы, он оказался прав — Ганнибал был крупной личностью, заметной фигурой при Петре I. Основываясь на новых архивных находках, исследователь Н. Малеванов пишет, что Ганнибал был «не только заслуженным генералом, но и выдающимся инженером-фортификатором, крупным гидростроителем своей эпохи» и вполне заслуженно «в наши дни его знают и за рубежом: в ГДР, ФРГ, Франции, странах Африки».

Пушкин гордился своим двоюродным дедом Иваном Ганнибалом, героем Наваринского сражения и основателем города Херсона. Но во времена Пушкина род Ганнибалов переживал упадок.

Павел Ганнибал, о котором шла речь выше, был одним из пятнадцати детей Исака Ганнибала и Анны Чихачевой, его жены, дочери псковского помещика. Эта многочисленная семья жила в долгах.

Павел Ганнибал избрал военную карьеру, проявил способности, участвовал в Отечественной войне 1812 года, дослужился до подполковника. Но уйдя в отставку, запутался в долгах, заложил в ломбард свое небольшое имение. Впрочем, не терял присутствия духа, жил шумно, безалаберно. Известен рассказ племянника Пушкина Л. Павлицева о том, как Пушкин приезжал в гости к дядюшке в 1817 году, с большим гостеприимством дядюшка встречал племянника, сочинял стихи в честь молодого поэта. Но вскоре они поссорились на баду: влюбившись одновременно в девицу Лошакову, юный Пушкин вызвал Ганнибала на дуэль. Но Ганни-

бал обратил все в шутку, конфликт закончился полным примирением — «Пушкин тут же при публике бросился ему в объятия».

И вот — 1826 год. Пушкин — в ссылке в Михайловском. Находится под следствием и Павел Ганнибал. За что? «За буйство и дерзкие поступки», — так гласило официальное обвинение. А. Гордин в книге «Пушкин в Псковском крае» пишет: «Павел Исакович... отставной подполковник, участник Отечественной войны 1812 года, в 1826 году был обвинен в причастности к делу декабристов и сослан...»

Так он и оказался в Вологодской губернии. Его отправили из Вологды в Сольвычегодск. Вологодская ссылка была наполнена скандалами, резкими выходками — Ганнибал не признавал местное начальство, вел себя шумно и дерзко. Живя в Сольвычегодске, он даже палил из окна из миниатюрной пушки в именитых куцов.

Его сослали еще дальше — в Соловецкий монастырь, две недели он просидел взаперти в темном чулане и далее его содержали в самых тяжелых условиях. Северная ссылка Павла Ганнибала длилась семь лет, лишь в 1832 году он был освобожден и поселился в Луге. С Пушкиным он уже не встречался. К этому времени Пушкиным были написаны такие известные произведения, как «Арап Петра Великого», «Моя родословная» и другие...

Род Ганнибалов исчез. Но Пушкины и ныне живут на свете. Исследователи М. и Т. Цявловские указывали, что на начало 70-х годов нашего века насчитывалось около 140 потомков великого поэта.

Картина найдена в Вологде

27 января 1837 года. Около четырех часов дня. По Дворцовой набережной в санях едет Наталья Николаевна Пушкина...

Осмотрите, Натали, узнаете ли вы мужа? Ведь только что именно он — Пушкин и с ним Дантес — встретились вам на набережной. Вы,

Натали, еще могли бы предотвратить дуэль... Но роковая случайность — Натали не узнала мужа: ведь она была близорука. Она спокойно проехала дальше, ни о чем не подозревая. Она спешила к своим детям, оставленным у Меджерской, дочери Карамзина.

А через полчаса на Черной речке прогремел выстрел Дантеса.

Дуэль Пушкина изображена русскими художниками на многих картинах и рисунках. Но среди них одна являлась поистине уникальной. Она написана художником Андрианом Волковым в 1869 году и называется «Александр Сергеевич Пушкин, смертельно раненный на поединке с бароном Геккереном-Дантесом 27 января 1837 года».

Андриан Волков не был выдающимся художником. Но это был добросовестный мастер, художник-реалист, человек демократических взглядов. Задумав написать картину, он обратился к другу и секунданту поэта К. К. Данзасу, свидетелю трагедии на Черной речке, и со слов Данзаса воспроизвел на полотне все так, как это было в жизни. Картина Волкова — документальная. В этом — ее историко-литературное значение.

...Уже прогремел выстрел Дантеса. Пушкин упал, но потом с трудом начал приподниматься.

— Подождите! — сказал он секундантам. — Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел.

Полулежа Пушкин выстрелал, Дантес был слегка ранен.

После смерти художника картина была продана и попала в руки некоего К. Высоцкого. О нем известно, что он был участником польского восстания 1863 года, за что был сослан в Тюмень, где содержал типографию. К. Высоцкий увез картину к себе в Тюмень, а в 1870 году выставлял ее в Петербурге. В 1873 году с работы А. Волкова Герасимовым по рисунку Коверзенева для журнала «Нива» была сделана гравюра, которая стала популярна.

Что касается картины А. Волкова, то с тех пор о ней ничего неизвестно, она исчезла, пропала... И вот, уже в наше время, в 1965 году, М. Яшин опубликовал в журнале «Нева» статью о работе А. Волкова, которая заканчивалась просьбой ко

всем энтузиастам включиться в поиски картины. И вскоре в журнал «Нева» позвонил из Вологды. Инженер Тамара Александровна Рачева сообщила, что у них в доме хранится старая картина о дуэли Пушкина.

Немедленно в Вологду выехала группа специалистов: работник Всеююзного музея Пушкина А. Минина, художник Е. Бианки и М. Яшин. Велика была их радость, когда в Вологде, в доме Рачевых, они увидели на стене известную им по гравюре картину. Она была небольших размеров (25,5×35,5 сантиметра), нуждалась в реставрации, но лицо Пушкина просматривалось отчетливо. В углу картины подпись — Андриан Волков.

Но как эта работа попала в Вологду? Оказалось, что Рачевы с Тюменщины. Хозяйка дома, Мария Ивановна Рачева, рассказала, что ее мать Анна Петровна Краюхина очень любила старинные вещи. Однажды (это было в Тюмени, примерно в 1921 году) она купила старую картину, изображающую дуэль Пушкина, и повесила ее в доме. У кого была куплена картина и при каких обстоятельствах — все это, к сожалению, постепенно забылось. Этому в то время не придали значения. Когда Анны Петровны не стало, ее родные бережно хранили картину.

Рачевы с готовностью подарили картину, и она была увезена в Ленинград.

Прошло несколько лет. И вот в 1974 году в статье в «Советской культуре» искусствовед Л. Певзнер все же высказала сомнение в подлинности картины: в ней не прописаны фигуры Дантеса и д'Аршнака, есть расхождение между ней и гравюрой. Может, это эскиз или копия — такое предположение высказывает Л. Певзнер. Споры вокруг картины продолжаются. Но историко-литературная ценность вологодской находки признается всеми. До сегодняшнего дня эта работа — первая в изобразительной Пушкиниане о роковой дуэли и самая достоверная из всех, с точностью документа показывающая, как все это происходило.

«Здесь водятся проволоки...»

Рассказ

**Дмитрий
БИЛЕНКИН**

*Рисунок
Н. Павлова*

Спокойствие утра охватило Горина, едва он шагнул за порог. Воздух был чист и недвижим, окна домов блестели, как умытые, ни звука, ни человека вдали, казалось, мир спит, досматривая безмятежные сны, и слух был готов принять даже побудку петушиного крика, если бы не зеленая в полнеба заря, в аквамаминовою прозрачность которой врезалась веерная чернь древолистов.

Иное небо было над головой пожилого философа, даль тридесятых парсеков, и так все напоминало земное утро! Верилось и не верилось, что такое возможно, а тропинка меж тем разматывалась и вела, а легкие, не утомляясь, пили прохладу непо потревоженных лугов, и смиренно хотелось благодарить судьбу за это чудо обречения среди безжизненных звезд второй, чело вечества, родины. Да еще такой, где все можно начинать с чистой страницы, начинать умудренно, единой людской семьей, на горьком опыте

усвоив — можно надеяться, что усвоив, — как надо ладить с лесами и травами, дождями и ветрами.

Все виденное Гориным подтверждало эту надежду. Тропинка, по которой он брел, окончательно исчезла, сужаясь, в немой траве, зеленой в зоревом свете, от этого почти своей, домашней. Ботинки тотчас оросил град светлых капель, надежных и здесь предвестников благодатного дня. Горин с рассеянной улыбкой оглянулся на потемневшую за ним полосу травы, на уютные позади домики, чьи мягко-округлые формы делали их похожими скорее на создания природы, чем на творения строительной техники. «Да, — с удовлетворением подумал он, — это мы умеем, этому мы научились, ради этого сюда стоило лететь...»

Он брел без цели, зигзагом, не слишком, однако, удаляясь от самого поселка. Не потому, что вдали что-то могло грозить человеку; опасности не было нигде. Человечеству сказочно повезло и в этом, хотя если искать так долго и упорно, если вспомнить о всех затратах, разочарованиях, жертвах звездного пути, тем более о борьбе и муках предшествующего, то эта случайность, пожалуй, была не совсем случайна.

Горин в свое первое здесь утро хотел просто прогуляться, беспечным Адамом пройти по новой земле, но привычная к абстракциям мысль уже заработала в нем, уводя все дальше от неспешного созерцания. Природа ни добра, ни зла, но разве яблоня не благодарит яблоками за уход? Разве поле не вознаграждает умелого сеятеля? Земные недра не одаривают того, кто зорко ищет? И наоборот, деятельность рвачей, дураков, сиюминутников бумерангом обрушивается на всех, проклятием преследуя потомков. Так на Земле, почему в космосе должно быть иначе? Не должно быть иначе, не может быть, значит, и эта планета, раз она выстрадана в борьбе, добыта мудрым трудом и заботой, не случайный подарок судьбы, человек законный ее хозяин, и благодарить он должен лишь самого себя.

Из-под ног Горина рванулась тень, узкая и длинная, простерлась за горизонт, луг в брызнувшем свете засиял огоньками росы, искрясь, послал в небо сноп радужных переливов, и всякая философия тут же отлетела прочь. Не осталось ничего, кроме блаженного безмыслия, и Горин на миг ощутил себя растением, которое впитывает первый проблеск солнца и больше ни в чем не нуждается. Хорошо-то как! Он медленно повернулся к блещущим лучам, тепло коснулось лица, как материнская ладонь.

Горин замер в этой неге. Зеленое небо протаяло, сделалось высоким, безбрежным, зовущим непонятно куда, каким оно бывало лишь в детстве и каким оно снова стало теперь. Оказывается, оно еще жило в нем, еще могло на-

полнить счастьем, которое не было счастьем любви или познания, свершения или творчества, а давалось просто так, мимолетно и даром, за одно лишь чувство единения с природой. «Ну, — услышал Горин в себе скептический голос, — так и до пантеизма недалеко...»

Свет белого, как бы перекаленного солнца изменил траву, теперь она казалась не зеленой, а... Может ли бронзовый отлив ее листвы одновременно быть мягким, ковыльно-серебристым? Казалось бы, несочетаемое здесь сочеталось.

Впереди, левее чащи древолиств, обозначилось едва заметное всхолмление, и Горин повернул туда с той же бесцельностью, какой была отмечена вся его прогулка, хотя сама эта бесцельность была преднамеренной, ибо ничто так не сужает восприятие, как заранее поставленная задача. Приблизившись, он замер с ощущением плевка на лице: перед ним были вскопанные бугры и ямы. Все давно поросло травой, но еще оставляло впечатление шрама. Даже трава здесь была не такой, как везде, — грубой, однообразной, страшенной, словно сюда стянулась и тут расплодилось вся дрянь, которая дотоле тишком пряталась по окрестностям. Нарушенный почвенный слой, иного и быть не могло! Отсюда брали, брали железом, силой, ладил тут какие-то временки, подсобки, без которых, очевидно, невозможен был сам поселок.

Кулаки Горина разжались. Кто он такой, чтобы судить? Очевидно, людям надо было немедленно дать кров, за горло брала необходимость, освоители не щадили себя, а кто не щадит себя, тот не церемонится и с остальными. До приборки ли тут, у самих руки в ссадинах, успеется и потом, зато главное сделано!

И ведь хорошо сделано... Быстро сделано.

«Это мне легко быть чистоплюем, — с горьким сокрушением подумал Горин. — Может, тут, наоборот, памятник ставить надо!»

Все было возможно и порознь, и вместе, памятник часто неотделим от хулы, вот что удивительно в жизни.

Горин двинулся к рытвинам и буграм, чтобы обстоятельно во всем разобраться, но не успел он ступить за черту бурьяна, как услышал позади себя крик:

— Дяденька, не ходите туда! Не надо!

Он в недоумении обернулся. От купы древолиств спешила тоненькая, как стебелек, девочка; ее светлая, в облачке волос, головка катилась пушистым шариком одуванчика.

— Это почему же мне не ходить туда? — любясь прелестно разгоряченным лицом девочка, спросил Горин.

— Там водятся проволоки... — с тихой убежденностью проговорила она.

— Проволока, — слегка оторопев, машинально поправил Горин. — «Проволок» нет, так не говорят...

— Есть,— взгляд синих, как земное небо, глаз девочки был тверд и серьезен.— Туда не надо ходить. Просто вы не знаете.

— А остальные знают?

— Мы, дети, знаем.

— Хорошо, хорошо,— согласился Горин, не зная, что и думать.— И как же они выглядят... эти «проводаки»?

— Змейки такие,— коротко вздохнув, девочка повела в воздухе пальцем.— Тоненькие и прыгучие...

— А-а, понятно...

Горин отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и посмотрел на пологий, в проплешинах, бугор. На ногах девочки, как он заметил, не было никакой обуви, а это значило многое: дикая местность считается окончательно обжитой тогда, когда ребенок может всюду разгуливать босиком. И змей на этой планете не было. А вот обрывки проводов тут вполне могли быть, в траве могли скрываться их петли, а чем это не шло для резвой детской ноги? «Здесь водятся проводаки...» Какой точный, если вдуматься, образ!

— Так взрослые, ты говоришь, ничего не знают?

— Не-а,— она досадливо взмахнула рукой.— Я говорила, и Тошка подтвердил, они не поверили.

— Понятно...

Вот пакость, рассердился он. Первая опасность, с которой дети сталкиваются на чужой — чужой! — планете, исходит от... Носом бы ткнуть сюда всех коекакеров! Мордой бы их об эти самые кучи!

Однако что происходит?

Он смотрел на девочку, девочку-одуванчик, босоногую фантазерку с исцарапанными, как в ее возрасте положено, коленками, и в нем нарастала тревога. Как это понимать? Мир всюду становится таким благоустроенным, что крохотный огрех освоения уже видится чудовищным пятном, но это бы ладно! — дети пугаются каких-то проволочных петель, бояться уже невесть чего. Кем же они тогда вырастут?! А ведь все шло как надо: главное — забота о человеке, тем более о детях, добро, безопасность, свобода, тут достигнут прежде, казалось, невысказанный прогресс... Вот чем, выходит, все оборачивается!

— Пойдемте,— девочка потянула Горина за рукав.— Вообще-то проводаки только там, но кто их знает...

— А вот мы сейчас и узнаем! — весело, как только мог, сказал Горин.— Заглянем в их, так сказать, логово!

Он подмигнул, вовлекая малышку в ее собственную игру, но в ответ лицо девочки дрогнуло обидой.

— Ты чего?

— Ничего... Думаете, я выдумываю?

«Стоп, стоп,— сказал себе Горин.— Тут что-то не так...»

— Постой! Давай разберемся. Там водятся проводаки, верно?

— Да.

— А откуда ты это узнала? Ты ходила туда?

— Ходила. А как же? Вместе с Тошкой, он еще маленький, мы тут в находки играли. Это когда проводов еще не было, только обычные. Ну, эти, эмбрио и всякие... А потом они ожили.

— Ожили?!

Интонация выдала Горина. Рука девочки упала, губы скривились.

— Вот...— толчком выдохнула она.— Вы тоже... хотя и философ... Ну и пусть, ну и пусть! Соврала! Да! Назло!

Она в гневном вызове вскинула подбородок, но в глазах, ее упрямо не мигающих глазах, уже блестели горькие, быстрые и бессильные слезы. Горин так растерялся, что не нашел слов. Рука оказалась проворней, она коснулась пушистых волос девочки, убрала прядь с плачущих глаз, быстрой неумелой лаской тронула лицо.

Всхлипнув, девочка ткнулась лбом в плечо присевшего Горина.

— Ну, все, все, рубашку промочишь... Видишь — я верю. Только при чем тут философия?

— Ни при чем,— она отстранилась и, словно котенок лапой, ладошкой прошлась по лицу.— Ни при чем. Просто говорят, что философы — не как все...

— Каждый человек не как все, и ты тоже, в этом вся прелесть... Рассказывай дальше... пушистик.

В ее волосах запуталось чужое солнце, но пахли они домашним теплом, он это чувствовал на ощупь.

— Глупые волосы,— тряхнула она головой.— Всюду лезут...

— Что ты! Они красивые.

— Ну и пусть! Значит, так... Прошлым летом, когда мы здесь играли, проводаки были обычные...

— Подожди, давай уточним. Откуда они там? Почему? Какие?

— А всякие. Тут до нас скуфер работал и починочная станция была.

— Так, так...

— Этой весной, как пригрело, гляжу, шмыгают в траве. Те, не из железа которые, толще...

— Ну, ну?

— Тошка их стал ловить. А одна ка-ак прыгнет, ка-ак даст! Прямо в глаз стукнула.

— В глаз?!

— Ага... Только на глазу линза была. У Тошки зрение недалекозоркое, их для исправления поставили, она и слетела, а глазу совсем ничего...

Должно быть, выражение лица Горина напугало девочку.

— Нет, правда! — воскликнула она поспешно. — Честное слово, все обошлось ревом, нам потому и не поверили...

— Совсем?!

— Ну... — пальцами ног она смущенно ковырнула землю. — Папа ходил, смотрел. Только проволоки скрытные, а взрослые все поверху смотрят, а меня папа не взял... Ну, Тошку отругали, что линзу потерял, и меня, что в таком месте играли, еще врач приходил, мама с ним на счет моих фантазий советовалась, лекарство давали... Ну и все.

Последние слова дались ей нехотя, она отвела взгляд, смотрела мимо Горина даже с каким-то равнодушием на лице, словно то, о чем она говорила, уже не касалось ее. Горин слушал, не зная, как быть. Никакой Кант не задавал ему столь сложной задачи. То есть объяснение, конечно, было, даже не одно, но что толку! Понятно, родители знали девочку лучше, очевидно, они были правы во всем, нельзя же верить в очевидную дичь, и если бы не его, Горина, проклятая привычка к всеохватности и все проверке...

— Ладно, — он откашлялся, чтобы выиграть время и наконец решиться. — Вот пакость! Кстати, кто кроме вас сюда еще заглядывает?

— Никто, — сказала она чуть удивленно. — Ребят я предупредила, а взрослые сюда и так не заходят, зачем?

Действительно, зачем! Праздный вопрос! Мы сами избегаем тех мест, где вот так похозяничали. Только дети снуют повсюду, только они везде находят что-то привлекательное и создают свой, отдельный от взрослых мир.

— Так! Где же этих «проволок» больше всего?

— Ой! — она снова уцепилась за его руку. — Не надо...

«Не надо» — потому что она боялась за него или опасалась проверки своих фантазий? Горин заколебался. Гипотез, которые могли объяснить ее рассказ, было три, и все, кроме одной, не лезли ни в какие ворота. А правдоподобную, ту же самую, что избрали родители, подтверждать не хотелось. Особенно когда на тебя смотрит гордая и упрямая малышка, которая только что доверила тебе свой мир. Тот странный, для взрослого труднодостижимый мир, в котором осколок стекла становится звездой, у тряпичной куклы взаправду болит животик, все превращается во все, глухая тень бурьяна оказывается преддверием сказочного леса, а проволока...

Но даже если тут не все фантазия, попробуйка, отличи! Неважно, что девочка говорит искренне, что для нее все правда. Разве в моем детстве, спросил себя Горин, не было времени, когда я не сомневался, что коряга в саду — живая, а небо — медное? А почему медное, этого мне вся мудрость науки не смогла объяснить.

— Надо разобраться, — осторожно сказал он. — Ведь кто-то сюда может забрести? Такой же, как я, новичок... А тебя не окажется рядом.

Кажется, довод подействовал. Пальцы отпустили руку. Девочка глядела вопросительно, словно ждала чего-то, может быть, еще каких-то слов. Кивнув ей, он скорым уверенным шагом поднялся на бугор. Как бы там ни было, проверить не мешает.

Всюду рос цепкий бурьян, гуще в ямах, пореже на склонах, и там, где он не прикрывал глинистые оплывы, почва уже дышала сухим печным зноем. Нигде не было ничего особенного. Глаз укалывал звездчатый блеск двух-трех осколков спектролита, в дальней яме истлевал распотрошенный блок полихордового движителя, матово синели пятна когда-то пролитого тиопсина. Носком ботинка Горин поддел какую-то ржавую железяку. Скукой веяло от этого места, и было тихо тишиной запустения.

Внезапно к отброшенной им тени бесшумно подкатилась другая, тоненькая. Горин обернулся в досаде.

— Ты здесь зачем? Я, кажется...

— Во-первых, вы ни словечком не запретили, — ее глаза смотрели обиженно, с вызовом, даже зло. — Во-вторых, вы так ходите...

Угадав его намерения, она отпрянула.

— Не словите! Думаете, я ничегошеньки не понимаю?

Мысленно Горин обругал себя. Строго-настрого не запретив следовать за собой, он тем самым дал ей понять, что не верит в опасность. И шел он в самом деле небрежно. И, конечно, по мнению девочки, смотрел поверхностно. Как папа. Она без сомнения тотчас представила, как чужой дядя, которому она доверилась, вынуждена была довериться, станет, ничего не сыскав, утешительно гладить ее по головке и противным голосом убеждать, что фантазии все-таки надо отличать от реальности. Ее воображение живо проиграло эту пытку. Что тут страх перед «проволоками»!

Теперь ее прогнать было нельзя, невозможно.

— Ты права, — Горин вздохнул. — Конечно, с тобой куда легче найти эту дрянь. Но, понимаешь...

Он выразительно посмотрел на ее голые ноги.

— Ага! — сказала она, сразу все поняв и просияв. — Я думала, но это ничего, я тихонечко, следом, и на меня не напрыгнут.

Однако не так уж и силен ее страх...

— Ладно, ладно, показывай, куда смотреть и что делать?

Снова ему показалось, что вспомнить детство не так уж трудно. Всего несколько подсказок, и вот уже изменилась походка, он, крадучись, припадал к земле, трава стояла почти вро-

вень с лицом, он кожей ощущал накатывающую теплоту и прохладу сырости, смотрел не в даль, как привык, не вообще, а видел ближе, массу мелочей, которые, приобретая другой облик, уже не были недостойным внимания мусором. Тот же осколок спектролита поражал, когда дальний, в травяных дебрях, просверк вдруг выдавал его сходство с укромным лесным озерком; синяя от тиопсина проплешина виделась сквозь бурьян клочком опаленной пустыни, над которой маревом дрожал химический ток испарений; когда же в чашеобной неясности проступали контуры каких-то машинных штуквин, то своею странностью они надолго задерживали взгляд, который прежде равнодушно скользнул бы мимо. И как много диковинного открывал сам бурьян! И сколько было повсюду мелкой, снующей, копающейся, прыгающей живности!

Философ, ведомый ребенком. Горин едва не рассмеялся при этой мысли. Ему давно не было так интересно, вернее, забавно. Он даже забыл о цели поиска, да и была ли она? Теперешний взгляд на мир рассеял сомнения. Оставалось лишь найти те самые «провода», найти и понять, какое их свойство так напугало детскую душу. Впрочем, и тут не было загадки. Вокруг хватало останков эмбриотехники, а эмбриотехника — это квазижизнь, полужизнь, самосохраняющие себя киберы, что-то здесь могло двигаться само по себе, шевелиться, как оторванный хвост ящерицы, бессмысленно и, может быть, долго. О, с таким миром, где кроме живого и неживого есть нечто третье, дети былых времен не стеснялись! Много ли тут надо воображения? Одна лишь возможность грядущих роботов и киберов в свое время пугала вполне взрослых и трезво мыслящих людей. Каким парадоксом все это обернулось сейчас и здесь!

— Там... — выдохнула девочка. — Там!..

Горин быстро перевел взгляд туда, куда указывала ее рука. Сначала он ничего не увидел. Затем... Что-то тонкое, темное вильнуло в траве и скрылось.

— Видели, видели?..

Еще бы! Горин привычно унял взметнувшийся было сумбур мыслей. Конечно, ему не померещилось! И на эмбриотехнику не похоже. Даже саморефлекторные союзы киберов, чьи обрывки могли здесь оказаться, даже они не способны вести себя так, тем более мутировать в змееподобное существо. Правда, их взаимодействие с иной средой при каталитическом, вполне возможно, влияние пролитых тут реактивов, кто ж это изучал... Никто, понятно, не изучал. Нет, нет, все равно это близкий к абсурду допуск!

И явное нарушение краеугольного в науке «правила Оккама»: нельзя принимать маловероятное допущение, когда есть простое.

Жестом велел девочке поостеречься, Горин сделал несколько крадущихся шагов. Все, увы,

очень просто и паскудно в этой своей простоте. Испакощенные места, какое бы солнце ни светило над ними, неизбежно становятся особой экологической нишей и райским прибежищем не одного лишь бурьяна; сюда могли, даже обязаны были стечься какие-то редкие, потому, очевидно, еще незамеченные и, не исключено, зловредные твари...

Вольно или невольно поступаясь достигнутым, на миллиметр снижая культуру своей деятельности, мы сами скликаем их к своему порогу, и тем настойчивей, чем колоссальней наша мощь. Техника все одинаково возводит в степень — и хорошее и дурное, и достижение и просчет.

Как ни внимательно смотрел теперь Горин, он едва не прошел мимо «провода». Она (быть может, «оно»?) едва различалась в тени густого бурьяна. Только смутное ощущение чего-то живого в этом свернувшейся клубке, ощущение скорей инстинктивное, чем рассудочное, оспаривало мысль, что глаз видит лишь свив какого-нибудь псевдонерва, а то и вовсе моток тонкого кабеля. В неясности этого сплетения воображение одинаково спешило различить и узор змеиной шкуры, и столь же сомнительный знак заводской маркировки.

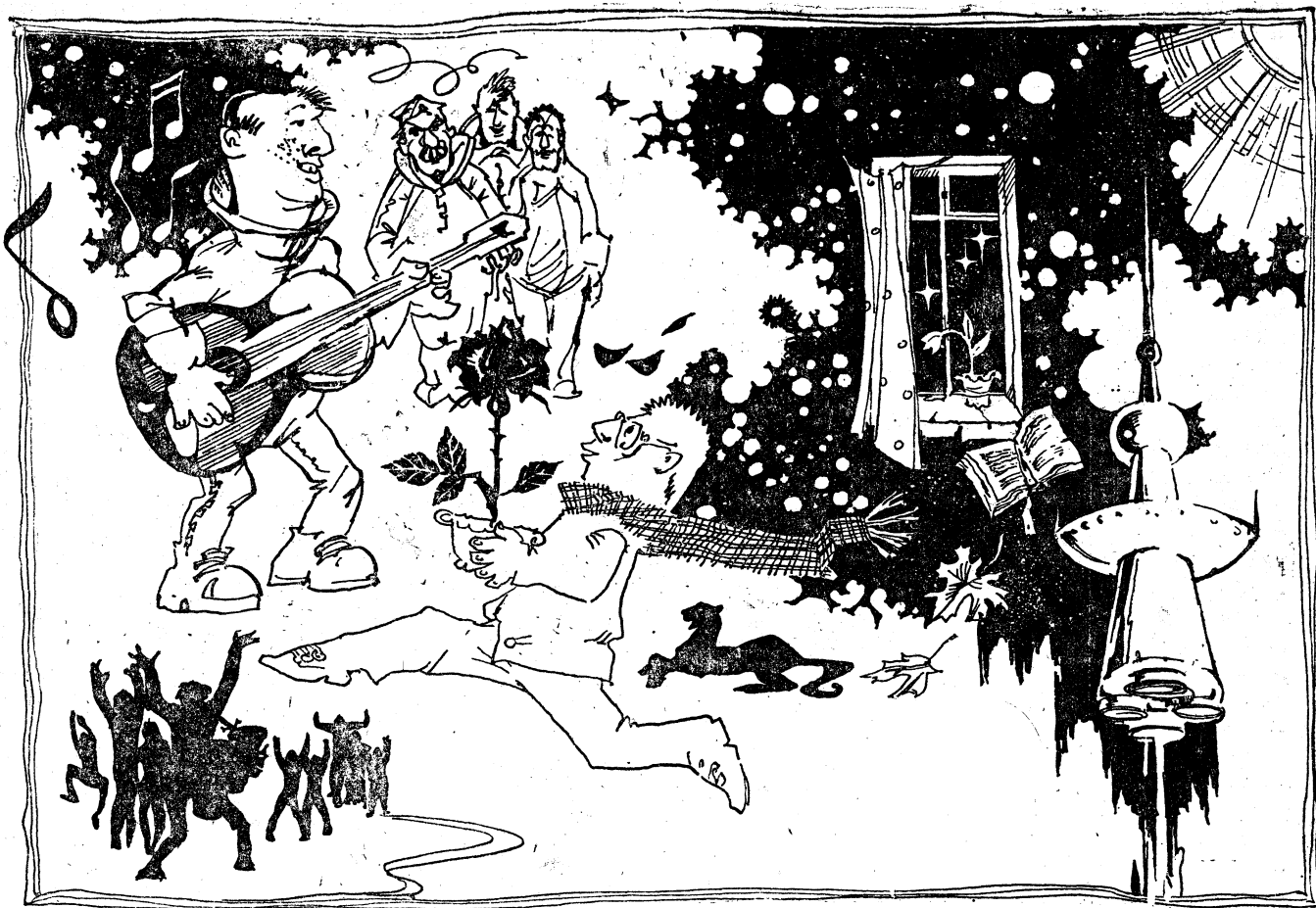
Существо? Мутант? Проволока? Горин нагнулся, чтобы разглядеть.

— Нельзя так, лицо!..

Все произошло в одно мгновение. Девочка вскрикнула, кинулась, чтобы удержать, остеречься, и тут темное кольцо «провода» взвилось пружиной. Горин отпрянул, хотел заслониться и заслонить, но было поздно: меж ним и метнувшейся в лицо змейкой оказалась рука девочки.

Горин стремительно подхватил ее, падающую, побелевшую, не видя ничего, кроме точечной ранки, и ринулся к поселку, твердя, что это не яд, не может быть ядом, а только шок; он мчался к домам, словно вслед рушилось небо. Так, в сущности, оно и было. «Да когда же, когда же кончится это!» — кричал в нем ужас, и он сам не знал, к чему это относится: к кажущейся бесконечности бега или к чему-то еще...

ПОВЕРХНОСТЬ МЕБИУСА

Рассказ

**Сергей
ДРУГАЛЬ**

Рисунки
Е. Стерлиговой

НТР, НТР... Триста лет я слышу о научно-технической революции, а что изменилось? Нет, я понимаю, не слепой. Техника меняет и стиль, и образ жизни. Но техника — это техника. Я лично полагаю, что любую машину в конце концов кто-нибудь сделает. В одиночку или коллективом. Но вот это:

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...

Это, прошу простить, ни один самый слаженный коллектив не придумает. А ведь это единственно нетленное...

Сейчас многие лепсируют, а я предпочитаю книгу. Листаешь страницы, думаешь, вспоминаешь. Бараньи дрожжи полезны, не спорю. Но хлорелла — это вещь, что бы там ни говорили.

Сменный пейзаж за окном? Зачем мне сменный, пусть за окном будет то, что есть. Управляемая погода? А вы под неожиданный дождик не попадали? Придется — не уклоняйтесь. Ну да, силовые мостовые и туфли на магнитной подушке, но кто сейчас обувь носит?

НТР, а последние сто лет как был радикулит, так и остался. Мучает. Периодически. Не утешайте, разве это здоровье. Ну, завязал дубок узлом, так ведь двумя руками.

Дистанционные сборища друзей, каждый маячит в своем сфероиде... А я вот предпочитаю непосредственное общение, как у нас с Васей. Чтобы руку на плечо положить можно было.

Безэкранное объемное телевидение? Чудеса

голографии... Моя Клемма недавно заявила: или я, или енотовидная собака. У меня, говорит, от запаха животного тиристоры пробивает. Хотел ей заглубить запаховые сенсоры — обиделась. Ты, говорит, хочешь мои восприятия обеднить. Я, говорит, лучше вообще замкнусь накоротко. Э, да что там, у каждого своя Клемма...

С этой собакой вообще неприятно получилось. Она застряла у меня в кабинете после передачи «В мире животных», далеко пахла и гнусно скалилась на Клемму. Спасибо, в тот раз Вася Рамодин остался у меня ночевать — от горя, у него роза завяла. Так он дематериализовал собаку. Вася что сделал, он уменьшил масштаб собаки вдвое, потом еще вдвое и так далее, а потом переключил программу, и все. Кстати, этот случай описан в его статье «Остаточные явления при трансляции голографических изображений: действительность и мифы». Не читали? Странно. В благодарность я за ночь вырастил для Васи черную розу. Видели бы вы, как он утром бежал от меня, шлепая по лужам и с розой! Как всегда, опаздывал на заседание президиума Академии наук, но положенной по рангу леталкой не воспользовался из принципа. За ним, помню, увязался наш домовый гепард. Видимо, чуял хорошего человека. Клемма задумчиво смотрела им вслед из окна, а потом сказала:

— Нет, все-таки хвост — это красиво.

Мы с Васей иногда ходим смотреть на памятник нам. Ну, не нам двоим, всей ломерейской звездной. Впечатляет это — игла, уходящая в небо, пронзает причудливо изогнутые плоскости, символизирующие пространство. Наивный такой символ, очевидный. А потом Вася обнаружил, что скульптор то ли по наитию, то ли из любви к топологии изобразил эти плоскости в виде одной поверхности Мебиуса. Следуй вдоль нее и в ту же точку вернешься. А это уже символ с подтекстом. Нет, книгу у подножия монумента уже потом положили, когда мы с Теоры вернулись...

Летели мы туда в прежнем составе, только осьминог Невсос М-да не поладил с Васей из-за шахмат, вспылил и остался на Земле. В этом он, я полагаю, сразу раскаялся, ибо, когда мы были уже на орбите, он в последний момент вышел на видеосвязь и долго тарачился на нас, непрерывно меняя расцветку. Вася говорил, что Невсос при этом плакал, но вряд ли: он очень волевой сапиенс. Ссора у них вышла какая-то не серьезная. В турнире на первенство звездолета — это уже по возвращении с Ломерей — Невсос занял пятое место, обозлился и заявил, что плоские шахматы изжили себя, как игра сухопутная. Дескать, пора выйти в объем, и будущее за объемными шахматами, а от плоских останется только поверхностная фигура — ладья. Король, по его представлениям, должен быть

один, не иметь четких очертаний и располагаться в центре объема в виде некой суспензии.

Вася, помню, назвал эту игру ахинеей, чем несказанно обидел Невсоса. Психика головоногих моллюсков вообще крайне уязвима, и они остро реагируют на резкие выражения.

— Обойдемся, — сказал тогда Си Многомудрый. — От него толку, как от козла молока. Все равно спит всю дорогу.

В полете на Теору трудностей не было. Стартовав с околоземной орбиты, наш звездолет словно растворился в пространстве. Для земного, естественно, наблюдателя.

Все было как должно быть. Ни одной ошибки в расчетах наших ученых, ни одного сбоя в работе систем навигации, регенерации и жизнеобеспечения. Заранее, еще когда до цели оставались месяцы полета, автоматы включили трансляторы, и корабль стал непрерывно излучать в космос специально подготовленное сообщение. Полагали, что если где поблизости есть развитая цивилизация — поймут. И хотя вероятность не превышала тысячной доли процента — даже это предположение оправдалось.

Вскоре мы уловили сначала неясные, а потом все более четкие сигналы. Настал день, когда мы услышали сказанное на великолепном линкосо:

— Привет вам, разумные. Мы ждем вас на орбите пятой от звезды планеты. Ваш путь свободен, пространство перед вами чисто. Не бойтесь ошибки. Если понадобится — мы примем вас в колыбель.

Эта самая колыбель на наших экранах схематически изображалась в виде гигантского сгустка вихревых электромагнитных полей: наш звездолет должен был завязнуть в них, как муха в паутине.

— Мы как-нибудь сами, — пробормотал капитан.

На меня, космогенетика, эта схема впечатления не произвела, но бортовой инженер впал в этакый экстатический восторг.

— Нет, каков уровень техники, — разглагольствовал он в кают-компани. — Источники энергии на внешних планетах, видимо, необитаемых. Излучения взаимодействуют, создавая нечто вроде колоссального соленоида. Чудо инженерного искусства. Мы на Земле не знаем ничего подобного! Уже ради этого стоило лететь!

Между нами — лететь всегда стоит. Хотя и в нашей Солнечной дел полно. Не решен, в частности, давно назревший вопрос о перемещении Марса на фазтонианскую орбиту, а без этого его обводнение не имеет смысла. Затянулось дело с изменением климата и атмосферы Венеры. Да мало ли в Системе найдется работ, по мелочам и по-крупному? Васю Рамодина — так того уже и разбегание галактик беспокоить стало...

Наз, постаревших на год, хотя на Земле про-

шло три десятка лет, встретили на Теоре великолепно: оркестры, речи, приемы, карнавалы. Особенно запомнилась первая встреча.

Мы прибыли на катере, оставив корабль на орбите. Едва сошли по трапу и поднялись на возвышение, как из толпы встречающих, затопившей необозримое поле теорианского космодрома, вышел седобородый старец. По белой ковровой дорожке он подошел к микрофону и... запел. Запел, аккомпанируя себе на странном инструменте, помеси тамтама и баяна.

Дед, а был он ученым секретарем теорианского совета космонавтики, приятным баритоном на добротном линкесе выпевал приветственную речь.

Мы стояли и улыбались, а было нам не до улыбок: свои приветствия мы заготовили в прозе. Естественно, мы уже поняли, что все публичные выступления на Теоре не говорят, а поются. Теориане утверждают, что такая манера сокращает время совещаний, планерок, пятиминуток и симпозиумов. Я иногда склонен думать, что они правы...

Пока дед исполнял свой сольный номер, нам все более становилось не по себе, поскольку никто из нас петь не умел ни с микрофоном, ни без.

— Что будем делать, капитан? — спросил побледневший Вася Рамодин.

А дед между тем заливался соловьем, выводя странную, непривычную для земного слуха мелодию. Отдельные музыкальные фразы миллионного хором повторяла толпа встречающих.

Капитан поправил воротник куртки — в него была вшита миниатюрная рация.

— Лев, — сказал он вполголоса. — Ты слышишь!

— Слышу, капитан, — ответил дежурный, оставшийся на катере. — Такое орево и не услышать!

— Немедленно разыщи в багаже подарочную гитару и беги сюда. Петь будешь.

Это был выход. Лев Матюшин, известный на Земле специалист по теории вероятности, а в экипаже корабельный статистик, в свое время лечился от заикания пением. Только он и мог выручить нас.

— Как петь? — спросил Лев. — Не б-буду я петь.

— Б-будешь! — шепотом закричал капитан. — Еще как будешь. Это приказ.

— Есть, капитан!

Здесь мне хочется прерваться. Хочется сказать, что каждый член нашей экспедиции обладал высоко развитым чувством долга и заслуживает отдельного описания. Но это уже сделано в серии «Жизнь замечательных людей».

Короче, когда старец закруглился, Лев уже стоял с гитарой и заглатывал микрофон. Речь

его, пропетая на мотив древней частушки «Подружка моя», произвела на теорианцев неизгладимое впечатление. На нас тоже. В дальнейшем местные композиторы аранжировали ее для сводных симфонических оркестров, и, транслируемая по всем каналам, эта окаянная мелодия преследовала нас все время пребывания на Теоре. Вообще, Теора заселена меломанами.

А затем начался всепланетный праздник. Еще бы, ведь мы были первыми людьми, посетившими Теору. Ранее сюда прилетали какие-то пушистые многоглазы, но общего языка с ними теорианцы не нашли. С нами — да, с нами нашли.

Праздник длился больше месяца и продолжался бы до сих пор, когда б не капитан. Однажды он созвал нас по тревоге в свой дворец на берегу голубой лагуны. В самой лагуне поселился Си Многомудрый. Усадил нас капитан на террасе в кружок, окинул взором наши позеленевшие от банкетов лица и сказал:

— Мы что, пить-есть сюда прилетели?

— Капитан, — говорю я после надлежащей паузы. — Неужто мы дисциплины не знаем? Люди приглашают — как откажешься. Но мы ж на фруктовые соки налегаем. В основном.

Капитан придавил пальцем левую бровь, она у него дергаться начала.

— Соки, они тоже разные бывают. А мы, между прочим, сюда работать прилетели, а не лезгинку плясать и не на гитаре вытребенкивать. Ставлю в известность: я просил правительство Теоры с завтрашнего дня праздники упряднить. Переходим к рабочим будням. Жить будем у меня, здесь всем места хватит. Ваши персональные дворцы освободить. Что, спрашиваю, за это время сделано? Молчите?

Тут, с преобразователем речи, надетым на морду, высунулся из лагуны Си Многомудрый и разрядил обстановку.

— Я исследовал прибрежные воды, — заявил он.

— Вот, — обрадовался капитан. — Вот с кого берите пример! Я всегда говорил, что дельфины нас не подведут. Сейчас Многомудрый расскажет нам, что он обнаружил.

— Ничего интересного, капитан. Море как море...

Прозорливость нашего капитана общеизвестна — он первым понял, что в нас клокочет энергия, накопленная за время вынужденного безделья в этом благополучном, безаварийном рейсе.

Разве смог бы я трое суток подряд плясать на карнавале? Не смог бы, но энергия рвалась наружу. Разве прорезался бы у Левы лирический тенор? Не прорезался бы, но энергия выпирала из нас. Разве иначе смог бы Вася, будучи вратарем нашей футбольной команды, забить гол ударом от своих ворот через все поле

во время товарищеской встречи со сборной Теоры? Впрочем, Вася смог бы. Еще при нас этот стадион был объявлен заповедным. Отлитая из темной-вишневого сорзы фигура Васи, небрежно, со скрещенными на груди руками, опирающегося спиной о стойку ворот, будет вечно украшать это священное для болельщиков место...

Мы принялись за работу с весельем и неутомимостью, так поразившей народ Теоры во время праздников. Теорианцы тут же организовали НИИ по передаче информации нам, землянам. Их радушие было ни с чем не сравнимым, а комиссия по предупреждению желаний землян была в ту пору наиболее авторитетным органом власти на Теоре. Стоило мне, например, обмолвиться о моем интересе к теории старения наследственного вещества, как через час энергичные парни уже укладывали у трапа катера горы ящиков с информкристаллами. Землеройная техника — они почти все пути сообщения уже упрятали в глубь планеты — была на невероятном уровне? Пожалуйста, берите! Мы набивали корабль чертежами и действующими моделями машин. Мы привезли домой семена молочных кактусов и мясных деревьев с корой в виде пушистой шкуры под норку. Разве под соболя? Что вы меня путаете — под норку!

А криогенный луч с температурой всего на два градуса выше абсолютного нуля: идеальная линия передачи электроэнергии? Мы радовались, как дети, предвкушая невиданный расцвет земной науки и техники. А способы образования вихревых полей в пространстве? Не перечислить и тысячной доли всего, что мы везли с Теоры...

Когда мы отправлялись обратно, наш перегруженный звездолет разогнали теориане. Три их корабля буксировали нас чуть не половину пути: никаких запасов горючего не хватило бы, чтобы придать должное ускорение нашему звездолету, масса которого увеличилась вдвое. Восемь тысяч тонн документов везли мы с собой, восемь тысяч тонн спрессованной информации! Мы с трудом передвигались по тесным проходам между стеллажами и ящиками. Даже в аквариуме Си Многомудрого вместо песка были насыпаны информкристаллы.

Перед стартом нас завалили подарками, но брать их уже было некуда. Лишь по просьбе всего экипажа капитан взял себе теорианского двухголосого поющего котенка (Клемма их терпеть не может), который действительно видит в темноте: одним глазом освещает, а другим смотрит. Я его иногда вместо фонарика использовал, для создания уюта. Напевает себе тихонько дуэтом и светит на страницу, а за стеной приборы пощелкивают, а ты лежишь у себя в каюте на ящиках, на надувном матрасе, крытом норковым покрывалом, и спускается на тебя покой от сознания выполненного долга...

Так о чем это я? Ах да, о подарках. Лева Ма-

тюшин заслужил репутацию великого композитора (упомянутая «Подружка моя», а также «Эй, ухнем!», «Ревела буря», «Распрягайте, хлопцы, коней» — это все его), так ему пришлось взять — как откажешь? — сборник мелодий Теоры, напетых за период всепланетного торжества различными ораторами на встречах, симпозиумах и семинарах. Кто сейчас не знает эту поразительную по эмоциональному воздействию музыку?

Настал день, когда мы поднялись на трап катера, — все было погружено, уложено и упаковано. Это был последний рейс. И снова поле космодрома затоплено народом. Не было только детей до 16 лет — они могли не выдержать скорби расставания.

Прощальный доклад исполнил хор сотрудников комиссии по предупреждению желаний. Дедуля прибыть не смог и дирижировал хором дистанционно. Мы держались.

Потом микрофон взял наш капитан. Он не стал петь. Он сказал:

— Спасибо вам, люди. За радушие, за доверие, за вашу доброту. Мы не говорим: прощайте. Мы говорим — до свидания. Прилетайте к нам тоже — за песнями...

Ах, уж этот капитан! Он всегда знал, что сказать и о чем промолчать, провидец. Он поднял руки, и над космодромом зазвучала «Лунная соната», наш прощальный подарок Теоре.

Мы постарели еще на год, а на Земле прошло еще тридцать лет. Заранее, когда до Солнца оставались месяцы полета, автоматы включили трансляторы, и наш звездолет стал непрерывно излучать в пространство два слова: «Мы возвращаемся. Мы возвращаемся».

И вскоре мы услышали земное:

— Привет вам, родные наши! Мы ждем вас на орбите Плутона. Ваш путь свободен, пространство перед вами чисто. Не бойтесь ошибки. Если понадобится — мы примем вас в колыбель.

Эта самая колыбель на наших экранах схематически изображалась в виде гигантского сгустка вихревых электромагнитных полей...

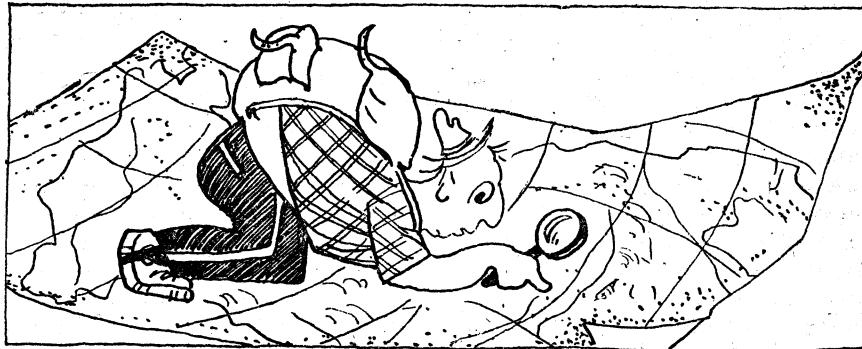

ТАИНСТВЕННЫЙ ГАТОУМБАЙ

**Александр
МАТВЕЕВ**

Рисунки
Т. Анпилоговой

1.

В начале августа 1837 года после долгого и нелегкого путешествия по Большеземельской тундре и Пай-Хою молодой ученый Александр Иванович Шренк, ботаник по призванию и образованию, переправился в сопровождении проводников-ненцев через быструю Кару и оказался у подножья могучих гор Полярного Урала.

Как всегда, последовательно и подробно описывает Шренк в своем дневнике за 8 августа по старому стилю восхождение на одну из наиболее значительных вершин в этих местах и величественную панораму гор, которая ему открылась. Правда, путешественник увидел далеко не все, что хотел. Перед ним — на севере, на востоке, на юге — поднимался суровый горный хребет, «которого голые, покрытые обломками скал вершушки и скаты,— пишет Шренк,— разбросанные в ужасном беспорядке, уподоблялись исполкинским волнам моря, внезапно остановленного сверхъестественной силой». Где-то вдали за этими горами скрывался и северный конец Урала, который Шренку так и не удалось увидеть. Только на западе за узкой серебряной лентой Кары путешественник узнавал уже хорошо ему известные очертания ближайших вершин Пай-Хоя да на северо-западе, несмотря на невероятную даль, угадывались берега Карского моря.

Александр Иванович Шренк сделал все, что мог. Он добросовестно описал открывшийся вид, измерил с помощью барометра высоту горы и поспешил вниз к своему лагерю: поднялся сильный холодный ветер. А когда Шренк уже в темноте добрался до палатки, по ней забарабанил сильный дождь.

Утром в дневнике путешественника появилась очередная запись о восхождении на гору Гатоумбай, или Гато — таково было ее местное название, и в тот же день Шренк отправился в обратный путь. Он торопился: впереди были тысячи верст до Архангельска и Петербурга.

Ну и где же этот самый Гатоумбай? Я внимательно рассматриваю на карте названия гор в верховьях Кары: сюда с восточных окраин Пай-Хоя через реки Сибирчату и Силову оленеводы привезли ученого. Но Гатоумбая на карте нет.

Может быть, теперь эта гора называется по-другому? Так бывает довольно часто. Значит, надо искать вершину по описанию Шренка. Главный ориентир, конечно,— Кара, ведь она течет у подножья Гатоумбая. И, следовательно, Шренк мог совершить восхождение только на одну из вершин мощного хребта Оченърд с максимальной высотой более 1300 метров: к нему Кара подходит совсем близко. Но ни одно из местных названий даже отдаленно не походит на Гатоумбай: Оченърд, Нэтэмпэ, Гнетъю... Ничего общего!

И все-таки Шренк поднимался именно на Оченьрд. Высоту Гатоумбая он определил в 4190 футов, то есть в 1277 метров. А главная вершина хребта Нэтэмпэ — 1363 метра. Ошибка в 96 метров при измерении высоты барометром — обычное дело. Ну и, наконец, у Кары нет других столь значительных гор, как Нэтэмпэ.

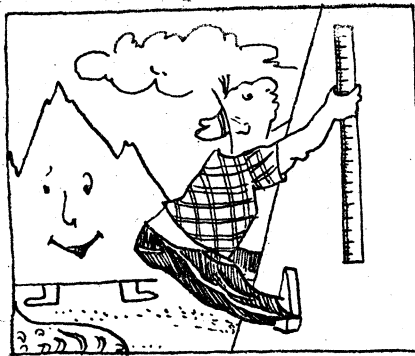
Значит, как это ни удивительно, надо сравнивать названия Гатоумбай и Нэтэмпэ. Общими для них будут только два звука — т и м. Прямо скажем — маловато...

Что же могло произойти? Самое простое предположить, что названия Гатоумбай и Нэтэмпэ — из разных языков. Но это легко опровергнуть: слово пэ в ненецком языке значит «камень», «каменный хребет», а звучит приблизительно как русское пай. Поэтому-то у Шренка ненецкие названия хребтов и гор, которые он переводит с помощью проводников, обычно имеют в конце пай или бай: Париленопай — «Черный Камень», Хаардарапай — «Камень, похожий на город», Сувавумбай — «Зимний Камень», Васаумбай — «Стариков Камень». Следовательно, окончание бай в названии Гатоумбай и ненецкий географический термин пэ — это одно и то же, только записанное по-разному. Значит, и Гатоумбай и Нэтэмпэ — ненецкие названия. Более того, скорее всего перед нами одно и то же слово: если отбросить бай и пэ, то легко найти общее в предшествующих сочетаниях звуков тоум (Га-тоум) и тэм (Нэ-тэм).

Но как связать начальные га и нэ? И вообще, как случилось, что Шренк, который внимательно относился к записи ненецких слов, придумал свою собственную транскрипцию, записал несколько ненецких текстов, составил ненецкий словарь, так искажил название горы, ставшей поворотным пунктом его маршрута?

Ученые часто ломают головы и копыя, а разгадка — рядом, да еще и не без курьеза. Так было и на этот раз. Шренк ничего не искажил, да и современная запись более или менее близка к звучанию ненецкого топонима. Во всем виноват... переводчик. В то время было принято издавать географические и геологические труды на немецком языке. И после того, как я заглянул в немецкий оригинал книги Шренка, все сразу же выяснилось.

Звуки ненецкого языка, которых не было в русском и немецком языках, Шренк передавал, добавляя маленькие надстрочные буквы. Поэтому в русском тексте — Гатоумбай, а в немецком — Gatoombai. Знаком G Шренк обо-

значал отсутствующий в русском языке трудный для произношения носовой звук, который встречается (правда, не в начале слова!) в английском и немецком языках. Там он передается сочетанием ng: английское song — «песня», немецкое ^у singen — «петь». Знаком а Шренк обозначал особый звук э, промежуточный между э и а, который есть в ненецком языке.

Если избавиться от неудобных надстрочных букв, то в русском тексте должно было получиться что-то вроде Нгэтоумбэй, но переводчик не придавал значения всем этим тонкостям или не разобрался в них и просто снял надстрочные знаки. Так возникло чудовищное искажение: на сей раз переводчик стал тем стрелочником, который и на самом деле виноват.

А Нгэтоумбэй и Нэтэмпэ, конечно же, — одно и то же: просто начальное нг русские воспринимают и передают по-разному — то н, то нг, а в XIX веке кое-кто из путешественников — даже гн. Так появилось на карте еще и название Гнетью. Фактически же Гатоумбай, Гнетью и Нэтэмпэ — одно ненецкое название, которое должно звучать примерно как Нгэтэмпэ или Нгэтумпэ.

Но тайна Гатоумбая еще не была раскрыта до конца. Как это ни странно, Шренк, всегда объясняющий со слов проводников ненецкие названия, оставил без перевода Гатоумбай. И это тем более поразительно, что Гатоумбай, как мы уже знаем, был очень важным пунктом путешествия: Шренк стремился к Полярному Уралу, взшел на одну из его вершин и сразу повернул обратно. Почему же в этом случае молчит название и ничего не пишет о нем столь наблюдательный и в общем словоохотливый Шренк?

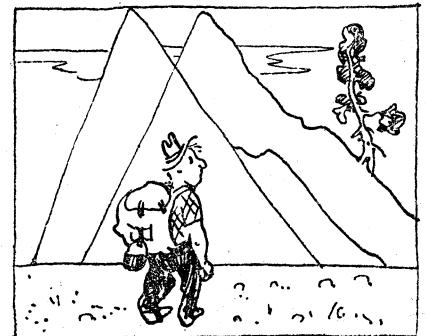
В ненецком языке есть две группы слов, которые могут нас заинтересовать. Это прежде всего глагол нгэтенась — «выдаваться», «выступать» и образованное от него слово нгэтенана — «выдаю-

щийся», «выступающий», то есть Гатоумбай — «Выдающийся Камень». Кроме того, есть еще слова нгэта — «имеющий ноги», нгэ-тась — «быть с подставкой», «быть с ножками», то есть тоже «главенствовать», «выдаваться» над другими вершинами. Может быть, проводники не сумели толком объяснить значение топонима Шренку, а может быть, почему-то и не захотели это сделать. Сейчас уже не установить.

Но вот что интересно. Название всего хребта Оченьрд появилось на карте совсем недавно: в трудах экспедиции Э. К. Гофмана (середина XIX века) этот хребет именуется Гнетью-Пае, Нетью-Пае, то есть «Камень Гнетью (Нетью)» или просто Гнетью, Нетью. Известный геолог О. О. Баклунд в начале XX века пишет о группе гор Нетью. Не упоминается название Оченьрд и в работах советских геологов, которые исследовали Полярный Урал до Великой-Отечественной войны. Значит, на карте оно живет от силы лет 40.

Так как на западном склоне Полярного Урала все без исключения названия гор или ненецкие, или коми, а Гатоумбай — ненецкий топоним, то Оченьрд, скорее всего, — из коми языка. И это понятно: в последнее время проводниками разных экспедиций чаще всего были коми-ижемские оленеводы, хорошо знающие русский язык, а порой и ненецкий, и хантыйский, и мансийский. Так оно и есть: ньрд в языке коми — «отрог», «возвышенность», а отша в ижемском диалекте коми — «сильный», «мощный». Значит, «Мощный отрог!» Но ведь это же волнющий перевод ненецкого топонима со значением «Выдающийся Камень», «Выступающий Камень».

Остается добавить, что советские геологи Б. Я. Осадчев и А. М. Иванова, несколько десятков лет назад работавшие на Полярном Урале, записали название интересующей нас вершины в двух вариантах — Нэтэмпэ и Оче-

пэ. И пояснили: «Самое название **Очепэ** (по-ненецки) означает «Главенствующая над всеми». Топоним **Очепэ**, видимо, был сконструирован из названий **Оченырл** и **Нэтэмпэ** либо коми-ижемцами, полиглотами этих мест, либо самими геологами. Но это уже не суть как важно...

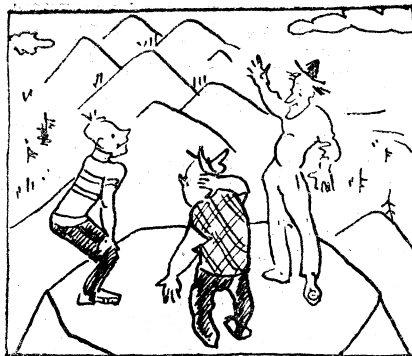
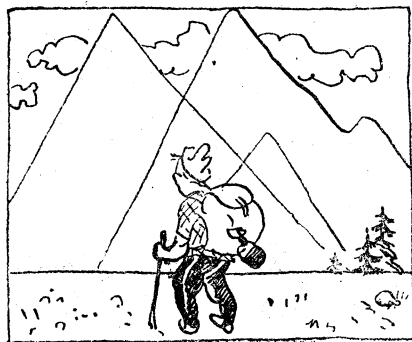
2.

На западном склоне Северного Урала в верховьях реки Ичед-Ляги возвышается гора **Торре-Порре-Из**, на которую давно обратили внимание ученые и туристы. И, надо сказать, не зря...

Торре-Порре-Из — один из самых замечательных памятников природы Северного Урала: на ее вершине множество скал разнообразной формы. Вот как описывает **Торре-Порре-Из** известный исследователь Северного Урала геолог **В. А. Варсанюфьева**. Эта вершина «в северной части кряжа представляет собою постепенно понижающееся к югу плато, на поверхности которого расположен целый город с причудливыми каменными постройками и развалинами... По западному, круто обрывающемуся краю высятся отвесные стены, увенчанные зубцами и большими «сторожевыми башнями». У северного края плато, там, где находится наиболее возвышенный пункт хребта, поднимаются расчлененные скалы в виде массивных стен и башен. Самые живописные участки фантастического города с его храмами, памятниками и дворцами расположены в средней и южной части плато».

Не правда ли, красочное описание? И не удивительно. **Вера Александровна Варсанюфьева** была не только крупным геологом, но и тонким ценителем суровой красоты Северного Урала.

Вот и думаешь, что у такой замечательной вершины должно быть и очень интересное название. Представьте себе, это именно так.

На первый взгляд перед нами что-то скандинавское. У знаменитого **Снорри Стурлусона**, семь с половиной столетий тому назад написавшего исландские саги, есть среди героев и **Торберг**, и **Торбьёрн**, и **Торир**, и **Тора**, да и само имя **Снорри Стурлусон** чем-то напоминает **Торре-Порре-Из**. Только не бывало никогда у этой горы ни исландцев, ни датчан, ни других варягов.

Здесь все названия — мансийские или коми. По-мансийски **Торре-Порре-Из** называется очень прозаично — **Мунингтумп**. Манси, обычно так чутко реагирующие на разные чудеса природы, на этот раз только и заметили «отдельную гору с плоской вершиной» (**тумп**), на которой находятся «скалы-останцы» (**муни**). Но и это название интересно: значит, топоним **Торре-Порре-Из** принадлежит другому языку. И верно: из у коми — «гора», «хребет», «камень». А вот что такое **торре-порре** не ответят даже самые толстые словари коми языка. Один известный финноугровед на мой вопрос, что может значить **торре-порре**, только улыбнулся и сказал, что и слов-то таких в языке коми нет. Вот так-то! **Тупик...**

А теперь в поисках разгадки отправимся в дальнюю дорогу. Начнем путешествие на русской земле, а потом заглянем даже в Индонезию и Японию.

Представьте, что вы увидели нечто, как говорят, из ряда вон выходящее. Ну, например, слона на улицах **Свердловска** или **Челябинска**. Что вы скажете в этом случае? Может быть, конечно, и ничего, а только подумаете: «Ну и ну...» Вот вы и попались, потому что уже сказали, только про себя. А непосредственный эмоциональный человек и не на такие чудеса отреагирует, да еще и вслух: ого-го!, ну и ну! или что-нибудь еще в этом же роде. И возникает так называемый повтор.

Повторы и в русском языке очень разнообразны: большой-большой, белый-белый, просил-просил, да-да, нет-нет и множе-

ство других. Особенно часто они появляются в речи при волнении, когда передают количество, меру: ведь большой-большой — это «очень большой», просил-просил — это «очень долго просил», да-да — это решительное «да». А в некоторых языках таким удвоенным образуется и множественное число. Мы говорим человек, но люди, а индонезийцы скажут **оранг** — «человек» (вспомните **орангутанг** — «лесной человек»), но **оранг-оранг** — «люди».

Самая удивительная группа среди повторов — слова со значением «неопределенная совокупность», «неопределенное множество», в которых для большей выразительности вторая часть повтора хоть одним звуком да отличается от первой. Всякий сброд, подонков, шпану англичанин назовет **рифф-рафф**, «мешанина» в устах немца — **мишмаш**, а «пуганица» — **виррварр**. И, наконец, среди этих «неполных» повторов есть такие, у которых меняется начальный согласный второй части. Вот коллекция всем известных русских повторов: **тары-бары**, **шуры-муры**, **фигли-мигли**, **шурум-бурум**. Чаще всего, и это очень любопытно, вторая часть неполного повтора начинается с губного согласного **п**, **б** или **м**, наверное, потому, что губные согласные — самые легкие для произношения. Не случайно и первые слова детского лепета образованы повторами с губными согласными: **папа**, **баба**, **мама**. Потому же, вероятно, и в далекой Японии, где «человек» — **хито**, «люди» — **хитобито**.

А теперь, вооружившись лингвистическими знаниями, вернемся к **Торре-Порре-Изу**. Оказывается, перед нами обычный неполный повтор с начальным губным согласным во второй части. Это рифмованное бессмысленное, на первый взгляд, название — замечательный пример передачи удивления и недоумения при виде такого чуда природы, для которого обычные человеческие слова не подходят. Вот и рождается парное слово с выразительным звучанием, но неясным значением — то ли «бог знает что», то ли «черт знает что», то ли просто «всякая всячина».

Другие рифмованные слова коми языка подтверждают, что мы на верном пути: среди них есть и **шунды-мунды** — «барахло» и **лешки-плешки** — «мелочь». А одна из вершин хребта **Кваркуш** на карте названа **Тара-Бара-Мыльк** — «Сопка **Тара-Бара**», то есть «Сопка, где встречаются и говорят о том о сем» или, как сказали бы русские, «где разводят **тары-бары-растабары**».

МУЗЕЙ МУЗЕЕВ

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

Зашиверская церковь... В Восточной Сибири, где она стояла века, теперь ее нет. Но ведь ее не видно и в районе Новосибирского Академгородка, куда она привезена несколько лет назад. Если церковь хранится в разобранном виде, высказывают печальное соображение краеведы, то не сгниет ли она, ожидая того времени, когда ее вновь соберут на новом месте!

● Действительно, что с Зашиверской церковью?

И вот я в Новосибирском Академгородке, в институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук. Разумеется, хотелось увидеть директора академика А. П. Окладникова, «первооткрывателя» и «опекуна» Зашиверской церкви.

Когда я вошел в кабинет его заместителя, то доктор исторических наук Р. С. Василевский как раз разговаривал с шефом по телефону, который был в командировке на Алтае. Так что вроде бы я все-таки пообщался со знаменитым академиком, открывшим прошлое Сибири для людей двадцатого века.

Р. С. Василевский, отвечая на мой вопрос о Зашиверской церкви, подал мне недавно постановление правительства Российской Федерации об организации в Новосибирске историко-архитектурного музея.

Посмотреть, как осуществляется это постановление, мы и мчимся с директором музея О. Н. Волковым на «газике» в окрестности городка новосибирских ученых. Десяток минут езды от крыльца института — и мы должны увидеть то, что строили русские люди в Сибири триста-четырееста лет назад. Туристам недалеко будет ездить в этот архитектурный заповедник. Волков рассказывает, что ландшафт выбран для музея типичный. С холмом. На нем-то и вырастет весь Зашиверский комплекс. Спасо-Зашиверская церковь, стены самого острога, а в нем избы и колокольня. Это — первая очередь музея, говоря языком строителей. А кто же строители? РСУ Сибирского отделения АН СССР и... научные сотрудники окладниковского института.

Да вот они — кандидаты наук в роли плотников! Мы выходим из машины, и они, воткнув топоры в бревна, протягивают нам руки; загорелые, сильные ребята. Дмитрий Резун — кандидат исторических наук. Владимир Рожков — архитектор. Сергей Красильников — аспирант Новосибирского университета. Они объясняют, как идет реконструкция колокольни Зашиверского острога, как им пришлось учиться выстругивать лемехи для покрытия церковных глав. Конечно, не надо тут умиляться, но все же это любопытно. Требуются мастера-реставраторы! Люди, искусно владеющие топором, профессионально. Необходимо нам теперь уметь восстанавливать утраченное и полуутраченное, владея ремеслами не хуже предков. Иначе как же убедительно воссоздать былое. Плохая плотницкая работа лишь оскорбит память о старинных мастерах, и туристы быстро заметят неумело

собранную избу или часовню. Хорошо бы, говорили мне ученые-плотники, если бы за создание музея взялась такая солидная строительная организация, как Сибкадемстрой. Первая очередь музея должна быть «явлена миру» в следующей пятилетке. В этом году уже начнется хорошее финансирование, а всего на музей правительство выделило 3 миллиона рублей. Эскизный проект генплана заповедника архитектуры уже одобрен.

Что же все-таки такое — историко-архитектурный музей в Новосибирске? В нем задумано показать жизнь сибиряка от каменного до атомного века. Да тут должен быть музей музеев! Вот именно, так и будет. Построят землянку первобытного человека с хозяйственным и бытовым инвентарем. Это один музей. Здесь будет особая улица (скажем так), которая расскажет о жизни аборигенов Сибири. Чем не музей, и не маленький. Тут будет русская зона, где воссоздадут деревни двух-трех типов, какие строили переселенцы. Еще музей. Здесь построят острог. Словом, посетители этого комплексного музея под открытым небом смогут увидеть жизнь людей разных времен. По хронологическому охвату (повторю: от каменного до атомного века), по территориальному (будет показана вся гигантская Сибирь), по тематическому (демонстрируются разнообразные жилища и быт сибиряков) этому музею в окрестностях Новосибирского Академгородка нет равных в стране, он уникален, огромен. Это поистине музей, в котором экспонаты — музеи. Такое свершить вдруг, за сезон нельзя...

Однако при таком-то большом, новом музейном деле не затеряется ли какая-либо «мелочишка» вроде бревенчатой церквушки.

— Где же все-таки она, — спрашиваю, помня о тревоге краеведов.

— Там! — все посмотрели в сторону сарая.

И мы вошли в него. По обе стороны от прохода в сарае лежали старые бревна с пометками.

— Вот это она и есть, Зашиверская... Будем надеяться, что недолго ждать времени, когда Зашиверская церковь «востанет» из этой груды бревен, и встанут на земле этого необычного музея также и другие памятники народного зодчества. Пожелаем новому музею-великану быстрого роста и благополучной судьбы.

На Азов-горе

В середине сентября 1940 года на вершине горы Азов, близ города Полевского, геологом Г. П. Ботановым и школьниками было найдено более сорока бронзовых культовых изображений. Из земли извлекли талисманы, бронзовое копье, бронзовое зеркало с ручкой, бляхи, фигурки всадников, едущих на каких-то фантастических животных, идолов и различные изображения животных...

Находка подтвердила гипотезу археолога Е. М. Берс, высказанную ею в книге «Археологические памятники Свердловска и его окрестностей»:

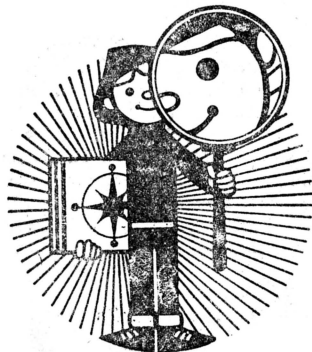
«По-видимому, гора Азов во второй половине первого тысячелетия до нашей эры была священным местом, где хранились изображения богов, возможно, считавшихся покровителями этой богатой медными рудами местности».

Узнав о находке, Павел Петрович Бажов немедленно приехал в Полевскую. Это его очень интересовало — ведь писатель не раз обращался к Азов-горе в своих сказах.

После осмотра места находки Павел Петрович сфотографировался вместе с учениками полевской средней школы, учительницей Л. Е. Арефьевой на вершине горы. Этот редкий, может быть, единственный снимок хранится в Полевском краеведческом музее.

На следующий день П. П. Бажов взял с собой большую часть находки для областного краеведческого музея и уехал в Свердловск. Впоследствии некоторые вещи были переданы в Исторический музей в Москве.

А. ГОРБАТОВ

М И Р

НА ЛАДОНИ

Музей поэта

В Кургане, в школе № 29, находится музей поэта-земляка Сергея Васильева, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Экспонатов — более тысячи. Особенно привлекают внимание подлинные рукописи, документы.

Вот письмо, под ним подписи командующего артиллерией Красной Армии Н. Н. Воронова. Направлено было оно в два адреса — секретарю Свердловского обкома партии В. М. Андрианову и секретарю Челябинского обкома партии Н. С. Патолічеву:

«Поэт т. Васильев С. А. имеет желание показать через печать в художественном изложении героический труд советских людей Урала, его природные богатства, и промышленность в период Великой Отечественной войны. Названная цель обязует т. Васильева С. А. лично ознакомиться и запечатлеть ряд

предприятий и учреждений с их производственным процессом. Прошу Вас оказать всемерную помощь т. Васильеву С. А. во всех вопросах его творческой работы».

В 1941 году С. Васильев был в роте писателей-ополченцев. Поэт писал потом: «Именно тогда, под Москвой, я был на всю жизнь очарован величественной победной музыкой нашей артиллерии, захвачен согласной, на редкость слаженной работой батарейцев и отдал впоследствии артиллерийской теме не один год творческих усилий».

И когда весной 1943 года газета «Правда» дала задание Сергею Васильеву съездить на один из оборонных заводов, по выбору, и написать о людях, кующих победу, он решил ехать на Урал, а из множества заводов избрал тот, где делают пушки.

За советом он пришел к Н. Н. Воронову. Так и появились письма в уральские обкомы.

В. МАРКОВСКИЙ

Разыскивается панорама...

Русский художник Павел Пясецкий совершил в семидесятых годах прошлого столетия путешествие от Петербурга до Владивостока. На Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке он сделал множество зарисовок. Потом он создал живописную панораму, шириной в один метр и длиной более ста метров.

В 1875 году это необычное художественное произведение путешествовало по большим городам страны. Там, где демонстрировалась панорама, как сообщалось в газетах, публика буквально осаждала помещение.

Пясецкий устанавливал панораму на вращающийся станок. И тогда в широкой раме, ограничивающей поле зрения, можно было следить за сменяющимися друг друга ландшафтами, видами городов, картинками растительного и животного мира Урала и Сибири, жилищами, оружием, утварью народов...

За эту работу Российское Географическое общество присудило П. Пясецкому Большую Золотую медаль.

Известно, что после Великого Октября это уникальное произведение хранилось в Петрограде. До Великой Отечественной войны живописная панорама находилась в семье Семеновых-Тяншанских. В дни блокады города Ленина она была вывезена. Но куда?

Может быть, кто-то знает адрес местонахождения этой оригинальной работы художника?

В. ИВАНОВ

Братья-ученые

Знаменитыми стали талантливые ученые братья Андрей Николаевич (1825—1902) и Николай Николаевич (1827—1911) Бекетовы. Старший известен как выдающийся ученый, основоположник морфологической ботаники. Он автор нескольких учебников, самый значительный из них — «География растений» — не утратил своей ценности и ныне. В течение тридцати лет доктор естественных наук А. Н. Бекетов возглавлял кафедру ботаники в Петербургском университете. Второй брат прославил Россию как великий химик, создатель новой отрасли — физической химии.

Братья Перевощиковы, Василий Матвеевич (1785—1851) и Дмитрий Матвеевич (1790—1880), родом из села Шишкево Мордовской АССР. Оба они окончили Пензенское начальное учи-

лище. Будущий академик В. М. Перевощиков несколько лет служил старшим преподавателем словесности в Пензенской гимназии. Д. М. Перевощиков был известным математиком и астрономом. Долгие годы он преподавал в Московском университете. Его лекции слушали Белинский, Герцен, Лобачевский...

Известны братья Колпиковы: Михайл Васильевич (1897—1964) и Николай Васильевич (1888—1964). Доктор сельскохозяйственных наук М. В. Колпиков был известным лесоводом. Его учебник «Общее лесоводство» издан на семи языках мира.

Патофизиолог, доктор медицинских наук Н. В. Колпиков многие годы своей деятельности посвятил микрофизиологии, здравоохранению, курортологии.

А. РЕЗНИЧЕНКО

Коллекция магнитов

К магниту были неравнодушны многие люди. Хранили у себя сильные магниты ученые-физики Майкл Фарадей, Ханс Эрстед, Исаак Ньютон... Уральский заводчик А. Н. Демидов имел целую коллекцию магнитов, в которой насчитывалось 76 образцов.

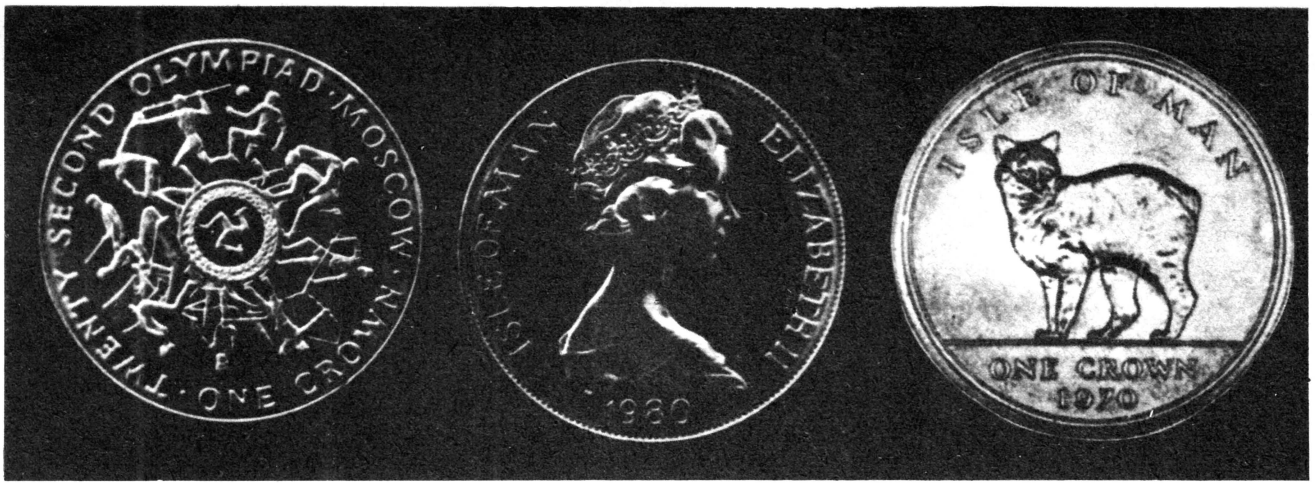
По свидетельству академика И. Г. Гмелина, историк Г. Ф. Миллер видел у Акинфия Демидова магнит «весом в 13 фунтов, который держал прицепленную к оному пушку весом в один пуд». В одной из церквей Нижнетагильского завода «престолы в двух алтарях сделаны из огромных кубических магнитов, коим равных по величине, может быть, нет в целом свете».

В зале Нижнетагильского краеведческого музея и сейчас можно видеть магнитный штуф в бронзовой оправе из коллекции Акинфия Демидова. Силою магнитного притяжения он держит груз весом около 50 килограммов. Этот штуф, или кусок руды, взят из горы Высокой.

Магнитная сила железной руды горы Высокой действительно поразительна. Долгое время гору и называли Магнитной. Ходили легенды, что ни въехать, ни войти на эту гору нельзя: подковы лошадей, сапоги, кованные железными гвоздями, так пристаю к земле, что ног нельзя оторвать.

Ъ МЕЗЕНИН

Остров морского бога

Не на каждой карте можно отыскать этот маленький клочок земли в Ирландском море. Длинною около 48 и шириною 16 километров. Сейчас здесь живет примерно 56 тысяч человек. Первые переселенцы с континента — кельты — назвали новую родину Мана — гористым островом. Высоких гор там, правда, нет, но остров холмист, а берега скалисты, между холмов расположены заболоченные равнины и пустоши. Были там когда-то густые дубовые и буковые леса, водилась разнообразная живность, но извел все человек, и сейчас остров гол, а из животного мира остались многочисленные лягушки и кролики, поповские, как говорят, на островах с корабля, потерпевшего крушение у его берегов.

Однако есть на острове животное уникальное, нигде более в мире не встречающееся — бесхвостый кот. Его приручили и живет он в домах на положении наших мушек и васек. Вывоз бесхвостых кошек за рубеж строжайше запрещен.

Основным занятием островитян

является овцеводство и молочное животноводство, но главная статья бюджета — туризм. Административно-политическое положение острова весьма своеобразно: по конституции он не является частью Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, не является он ни доминионом, ни колонией. Тем не менее он принадлежит британской короне, а вот на правах чего, на этот вопрос сами островитяне ответить затрудняются.

В 1668 году местный купец Джон Муррей ввел монетную систему на острове. Привозной монеты не хватало, особенно мелочи. С тех пор собственная монета чеканится с перерывами по сей день. Тираж монет обычно превышает его потребности, но мелочи не хватает: многочисленные туристы увозят монетки в качестве сувениров. Начиная с 1970 года, на острове стали выпускать монету специально для коллекционеров.

У острова есть свой герб — три бегущие ноги, и флаг — красное полотнище с гербом посередине.

Есть свой гимн и своя конституция. По выражению самих островитян, отношения их с правительством Великобритании и, в частности, с правительством тори, более чем прохладные. Этот факт, а возможно, и то, что остров не является ни колонией, ни доминионом, ни частью королевства, позволило Тинвальдскому парламенту послушаться приказа Маргарет Тэтчер, премьеры Великобритании, объявившей вслед за США бойкот Московской Олимпиаде, и выпустить три монеты достоинством в одну крону, посвященных Олимпиаде-80. В эту олимпийскую серию вошла также монета, посвященная зимней Олимпиаде в Лейк-Плесидае.

Тираж олимпийских монет невелик — 12 тысяч экземпляров каждой, но популярность их превзошла все ожидания. Через два дня после их выпуска в обращение они исчезли и сейчас являются большой редкостью и предметом мечты многих коллекционеров.

И. ВИКТОРОВ

С бумагой... под воду

Аквалангисту вручили лист чистой бумаги, карандаш, и он погрузился в воду. Через некоторое время поднялся на берег с записями, сделанными под водой.

Удивительная неразмокающая бумага побывала в пещере «Снежинка», где спелеологи на ней вели записи. Из нее изготавливали кулечки для сбора на подводных лугах морских водорослей.

На промышленных пред-

приятиях началось использование перфолент из синтетической бумаги «Перлен». Два других вида — «Темп» и «Контур» также успешно прошли проверку.

Новая неразмокающая, эластичная, не подвластная жаре, морозу, действию грибков и бактерий бумага из синтетических полимеров, созданная учеными и инженерами Ленинграда, уже изготавливается на предприятиях химической и целлюлозно-бумажной промышленности.

В. КРИВОШЕИН

Мал, да удал

Мини-трактор, опытный образец которого изготовлен в Уфимском моторостроительном объединении, умеет многое — пахать, косить, боронить, окучивать, поливать, пилить дрова и перевозить грузы весом до полутонны. Словом, это — незаменимый помощник на приусадебном участке.

Трактор-малыш похож на мотоциклетку. На нем установлена коробка передач от автомобиля «Москвич», он может двигаться на четырех скоростях вперед и на одной — назад, имеет хорошую маневренность.

Серийный выпуск мини-тракторов начнется после всесторонних испытаний.

В. ЧЕМЛЯКОВ

...Колька не мог насытиться новым ощущением — ощущением полета. Но чем дальше, тем неотвратимее вставал вопрос: надо приземлять самолет, но как! Ведь он впервые за штурвалом...

В такую опасную для собственной жизни и жизни города ситуацию попал подросток, подняв в воздух самолет в порыве самоутверждения. Что такое настоящее и ложное самоутверждение, где граница между отвагой и лихачеством — об этом рассуждает в своей очерке журналист Руслан Лиев.

«Уральский следопыт» продолжит в новом году серию публикаций о преданности, доброте, самоотверженности — нравственных идеалах человека. В то же время редакция предполагает начать разговор о так называемых правонарушителях, о том, где кроются истоки нравственного падения, какие причины привели человека, только-только начавшего жить, на скамью подсудимых.

Видное место займут в журнале материалы под традиционными рубриками: «Даем адреса романтикам», «Юноше, обдумывающему жизнь», «Люди подвига», «Юность отцов».

Есть старая шутка: без всякой оглядки можно убить разве бактерию. И верно, бактерий так много, что нравственный закон не регулирует отношений между людьми и микробами. А все-таки есть ли на нашей планете абсолютно вредные существа, которые человек может уничтожить без раздумья! Свой ответ на этот вопрос предлагает ученый-философ Ф. Гисманов в статье «Кто должен погибнуть!»

С первых лет своего существования журнал ведет линию: человек и природа. В новом году читатель сможет пройти дорогами спортивно-экологической экспедиции «Уральского следопыта» по Башкирии, познакомиться с памятниками природы.

Опубликованные в прошлые годы материалы «Главы про травы», «Травы, травы», «Старые люди говорят» вызвали широкий резонанс читателей. Откликаясь на просьбы и запросы подписчиков, редакция готовит к печати обстоятельный материал «Путешествие в мир полезных растений». Автор доктор медицинских наук, профессор Пермского медицинского института А. К. Кошечев ведет увлекательный рассказ о «знакомых незнакомцах» — одуванчике, мать-и-мачехе, пырее, лопухе, шпинате, спарже, щавеле и т. д. В каждой маленькой главке содержится познавательная информация о целебных свойствах, кулинарном применении растения.

Как всегда, в журнале будет широко представлено краеведение: архивные заметки, рассказы об интересных находках, о дальних странствиях в мир прошлого, о ремеслах и т. д.

